

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 6 № 6/2020

DISCOURSE
Volume 6 No. 6/2020

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2020

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский

государственный ун-т, СПб., Россия **С. И. Росенко**, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015)
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year

Accepted Languages: Russian, English

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof.

Popov Str., St Petersburg 197376, Russia

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State

University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskeya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, India

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics)

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Елагин Г. Б., Микиртумов И. Б. Споры в Интернете: поколения X, Y и Z	5
Соколов Е. Г. Возвышенная теология заката Советской империи. Акат Калистратович Белых	20
Shcherbak N. F. Iconicity and Deconstruction: the Prose by Vladimir Nabokov and the 20th Century Post-Modernist Phylosophy	37

СОЦИОЛОГИЯ

Замотин М. П. Культура «перекрестка»: зарождение блюза как контркультурная революция	49
Елисеев С. М., Глухих В. А. Социальное поведение городского правительства и жителей мегаполиса в период пандемии (на примере Санкт-Петербурга)	65
Ковтун Е. А., Милецкий В. П. Практики социальной работы с мигрантами в России: экспертные оценки	75
Яшина М. Н. Портрет семей российских хоумскулеров: по результатам онлайн-опросов	87

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Силантьева В. Г., Кожокина А. В. Особенности самопрезентации раковых больных в социальной сети «Инстаграм»	99
Гунькова Д. Е. Стратегия дискредитации как доминанта дискурсивной личности американского политического радиокomentатора	113
Кочетова Л. А., Аль-Баяти Я. Ш. С. Лингвокультурные особенности коммуникативного поведения в англоязычном деловом общении	126
Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Основные германские диалекты Фландрии	137
Правила представления рукописей авторами	154

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Elagin G. B., Mikirtumov I. B. Internet Debates: Generations X, Y and Z	5
Sokolov E. G. Sublime Theology of the Decline of the Soviet Empire. Akat K. Belykh	20
Shcherbak N. F. Iconicity and Deconstruction: the Prose by Vladimir Nabokov and the 20th Century Post-Modernist Phylosophy	37

SOCIOLOGY

Zamotin M. P. The Culture of “Crossroads”: the Emergency of Blues as a Countercultural Declaration	49
Eliseev S. M., Glukhikh V. A. Social Behavior of the City Government and Citizens of the Metropolis during a Pandemic (for Example St. Petersburg)	65
Kovtun E. A., Miletskiy V. P. Practices of Social Work with Migrants in Russia: Expert Assessments	75
Yashina M. N. Portrait of a Russian Homeschooler’s Family: Results of an Online Poll	87

LINGUISTICS

Silantieva V. G., Kozhokina A. V. Cancer Narratives in Instagram: Self-presentation of Cancer Patients	99
Gunkova D. Je. Discrediting Strategy as a Dominant of the Discursive Personality of an American Political Radio Commentator	113
Kochetova L. A., Al-Bayati Ya. Sh. S. Lingvocultural Specifics of the Communicative Behavior in Arabic English-language Business Discourse	126
Ulianitckaia L. A., Shumkov A. A. The Main Germanic Dialects of Flanders	137

УДК 164

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-6-5-19>

Оригинальная статья / Original paper

Споры в Интернете: поколения X, Y и Z

Г. Б. Елагин, И. Б. Микиртумов✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉i.mikirtumov@spbu.ru

Введение. Теория поколений Нила Хоува и Уильяма Штрауса стала сегодня неотъемлемой частью «народной социологии», так что каждый так или иначе задается вопросом о том, к какой поколенческой группе он принадлежит и какое поведение от него ожидается, в частности, в сетевых коммуникациях. Основанное на самоидентификации поведение представителей различных поколенческих групп в сетевых спорах остается недостаточно изученным. В этой статье мы хотим представить результаты теоретико-аргументативного и прагматического анализа специфики аргументации представителей поколений X (родившиеся в период с 1967 по 1981 г.), Y (родившиеся с 1982 по 2003 г.) и Z (родившиеся после 2004 г.), попавших в неудобную для себя ситуацию сетевого спора.

Методология и источники. Исследование носит качественный характер, и его задачей является формулировка обоснованных предположений о связях поколенческих групп с определенными аргументативными средствами, среди которых – риторические приемы, социолект, речевые действия. Материалом исследования стали комментарии к записям в тематических группах, дискуссии в чатах и на «стенах» социальных сетей («ВКонтакте», «Facebook», «Instagram»), а также некоторые другие источники («Avito», «Twitter», «Snob.ru»). Подбор материала ориентирован на поиск типичного. В фокусе исследования находятся некомфортные для участников моменты споров, понимаемые как ситуации, в наибольшей степени подталкивающие к идентифицирующей самопрезентации.

Результаты и обсуждение. Изученные материалы позволяют сформулировать следующие предположения. Во-первых, представители поколений X, Y и Z в трудных ситуациях сетевого спора используют разные техники. X применяют классический аргумент к возрасту. Y используют социолект доверия и непосредственности для того, чтобы сместить фокус спора, а в иных случаях прибегают к социолекту, содержащему морально обязывающий компонент. Для Y сетевой спор порождает минимум обязательств и легко превращается в соревнование в риторических навыках. Представители Z рассматривают сетевые споры как площадку для разрешения негативных аффектов. В неудобной или дискомфортной для себя ситуации они используют приемы речевой агрессии, смещая фокус спора на оправданность самого этого действия. Все три группы действуют в ожидании поддержки сочувствующей аудитории. Описанные типы поведения идентифицируют представителя поколенческой группы как для иных участников коммуникации.

Заключение. Черты поколенческих групп, которые указываются социологическими исследованиями, убедительно объясняют стратегию поведения их представителей в

© Елагин Г. Б., Микиртумов И. Б., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

трудных ситуациях сетевого спора. Но следует учитывать, что сами такие стратегии и предполагаемые ими аргументативные и языковые средства, становятся паттернами поколенческой идентичности. Социокультурная динамика поколений связана поэтому и с тем, как эти паттерны будут изменяться в связи с изменениями сетевой коммуникативной среды.

Ключевые слова: аргументация, спор, сеть, социолект, теория поколений.

Для цитирования: Елагин Г. Б., Микиртумов И. Б. Споры в Интернете: поколения X, Y и Z // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-5-19

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 23.10.2020; принята после рецензирования 06.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Internet Debates: Generations X, Y and Z

Gleb B. Elagin, Ivan B. Mikirtumov✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉i.mikirtumov@spbu.ru

Introduction. The theory of generations by Neil Howe and William Strauss has become an integral part of “folk sociology” today, so that everyone somehow asks the question of which generational group he / she belongs to and what behavior is expected of him / her, in particular, in network communications. The behavior of representatives of different generational groups in network disputes based on self-identification remains not sufficiently investigated. In this article we present the results of an argumentative and pragmatic analysis of the specifics of the argumentation of representatives of generations X (born in the period from 1967 to 1981), Y (born from 1982 to 2003) and Z (born after 2004), who fell into an uncomfortable situation of a network dispute.

Methodology and sources. The research is of a qualitative nature and its task is to formulate well-grounded assumptions about the connections of generational groups with certain argumentative means, among which are rhetorical techniques, sociolect, speech actions. The material of the study was comments on entries in thematic groups, discussions in chats and on the “walls” of social networks (“VKontakte”, “Facebook”, “Instagram”), as well as some other sources (“Avito”, “Twitter”, “Snob.ru”). The selection of material is focused on finding the typical. The research focuses on uncomfortable for the participants moments of disputes, understood as situations that are most prompting for an identifying self-presentation.

Results and discussion. The materials studied make it possible to formulate the following assumptions. First, representatives of generations X, Y and Z use different techniques in difficult situations of network disputes. X apply the classic “argument to age”. Y use the sociolect of trust and immediacy to shift the focus of the dispute, while in other cases they resort to a sociolect that contains a morally binding component. For Y a network dispute engenders a minimum of commitment and easily turns into a rhetorical skill competition. Z view network disputes as a platform for resolving negative affects. In an uncomfortable situation they use the techniques of verbal aggression, shifting the focus of the dispute to the justification of this very action. All three groups act in anticipation of the support of a sympathetic audience. The described types of behavior identify the representative of the generational group as for other participants in communication.

Conclusion. The features of generational groups, which are indicated by sociological data, convincingly explain the strategy of behavior of their representatives in difficult situations of network disputes. But it should be borne in mind that such strategies themselves and the argumentative and linguistic means suggested by them become patterns of generational identity. The socio-cultural dynamics of generations is therefore also associated with how these patterns will change in connection with changes in the network communication environment.

Key words: argumentation, dispute, network, sociolect, theory of generations.

For citation: Elagin G. B., Mikirtumov I. B. Internet Debates: Generations X, Y, and Z. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-5-19 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant of Russian Science Foundation (project No. 20-18-00158 "Formal philosophy of argumentation and a comprehensive methodology for the search and selection of the dispute resolutions").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 23.10.2020; adopted after review 06.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Для теоретических и прикладных исследований аргументации сетевые дискуссии представляют немалый интерес. Непосредственное общение эмоционально более насыщено, богато интеракцией и предоставляет широкие возможности для речевых действий и риторического маневрирования, так что выразительные средства языка здесь в общем случае можно использовать максимально свободно и разнообразно. Но налагаемые сетевыми платформами ограничения не помешали обмену краткими письменными сообщениями стать исключительно популярной формой не только информирования и лаконичного обмена мнениями, но и спора. Аргументативные взаимодействия разворачиваются здесь в условиях, заданных той или иной интернет-платформой, что ставит перед участниками задачу отыскания и применения таких способов представления позиций, которые для нее наиболее удачны. Сложившаяся практика употребления языковых оборотов и риторических приемов по месту развертывания аргументации и по специфике ее участников, безусловно, является определяющей, но сетевая среда приветствует также и инновации, т. е. введение в оборот новых средств, имеющих характер кода и сообщающих о говорящем и его послании всегда больше, нежели содержится в высказывании как таковом.

Сочетание специфики платформы с особенностями самопрезентации участников можно охарактеризовать как параметрический социолект. Каждый из его элементов может использоваться намеренно или невольно, и, поскольку каждый участник коммуникации принадлежит к нескольким группам, – уместно или неуместно. Это характерно и для непосредственного общения, но сетевая среда задает жесткие рамки коммуникации, вследствие чего характер самопрезентации меняется: большая степень свободы сталкивается с необходимостью следовать шаблону конкретного формата взаимодействия, и если условия платформы заставляют использовать сжатые языковые средства, то достижение достаточной информативной насыщенности, интеракции, узнаваемости обеспечивается как раз идентифицирующим социолектом [1, 2].

Вовлеченность человека в сетевую коммуникацию и его аргументативные стратегии в ней определяются многими факторами, среди которых находится и принадлежность к возрастной когорте или поколению. Проявляется она как в неосознанном индивидуальном

преломлении типического, так и в явном осознании своей принадлежности поколению, так что следование тем или иным поведенческим паттернам, принятие тех или иных ассоциируемых субъектом с поколением систем ценностей, образов и символов приобретает характер личной программы ориентации на представителей референтной группы, что для молодежи, социализация которой в значительной мере проходит сегодня также в сети, означает и ориентацию на ее субкультуру. В социальных науках концепция поколения разрабатывается в разных аспектах, но для нашего исследования наиболее значима номенклатура поколений из теории поколений Нила Хоува и Уильяма Штрауса [3], ставшей неотъемлемой частью современной «народной социологии». В этой теории дифференциация и квалификация возрастных когорт дана на материале США, а ее основой является идея Карла Мангейма, задающая систему понятий социальной истории как совокупности событий и процессов, которые представляются реальностью их участникам и коллективно ими переживаются [4]. Здесь при характеристике поколения самоидентификация превалирует над любыми иными факторами, так что теория поколений, будучи усвоенной социальной средой, начинает работать и как активная система идентификации, и как концептуальная схема. Это ставит научность теории поколений под вопрос, но, одновременно, делает ее очень популярной и востребованной, в частности, для политологического и культурологического анализа, в прикладной социологии, а также в маркетинге и менеджменте¹. Поскольку любая система дифференциации дает человеку повод спросить, к какому из выделенных с ее помощью групп он относится, а затем, в сопоставлении себя с другими, искать тому подтверждения и опровержения, теория поколений приобретает статус знания, разделяемого миллионами людей и используемого ими, в том числе, для самоидентификации.

Поведение представителей различных поколенческих групп в сетевых спорах в известной нам литературе специально не обсуждается, хотя сами такие споры изучаются давно [6]. Это делает тему нашего исследования актуальной, и в этой статье мы хотим представить результаты логико-аргументативного и прагматического анализа специфики аргументации представителей поколений X, Y и Z, попавших в неудобную для себя ситуацию сетевого спора.

Методология и источники. Исследование носит качественный характер, и его задачей является формулировка обоснованных предположений о связях поколенческих групп с определенными аргументативными средствами, среди которых – риторические приемы, социолект, речевые действия. Мы будем искать признаки того, что при выборе средств социолекта люди осознанно относят себя к некоторому поколению и реализуют формы поведения, ожидаемые сочувствующей аудиторией. Материал исследования был почерпнут в отечественном сегменте сети. Им стали комментарии к записям в тематических группах, дискуссии в чатах и на «стенах» социальных сетей, а также некоторые другие источники. Подбор материала не носил репрезентативного характера и был ориентирован на поиск типичного. В фокусе исследования находятся некомфортные для участников моменты

---

¹ В академической социологии теория Штрауса–Хоува, как правило, игнорируется. Опубликовано множество работ, опровергающих даваемые теорией прогнозы, но ее привлекательность сохраняется, и она побуждает исследователей искать более надежные версии. Анализ поколений россиян связан с исторической спецификой, сильно удаляющей его от западных материалов и данных, а потому его основания должны быть сформулированы особо [5].

споров, понимаемые как ситуации, в наибольшей степени подталкивающие к идентифицирующей самопрезентации.

Результаты и обсуждение. Для «народной социологии» наиболее актуальны поколения X, к которому относятся люди, рожденные в период с 1967 по 1981 г., следующее за ним поколение Y, или «миллениалы», появившиеся на свет в период с 1982 по 2003 г., и поколение Z – люди, родившиеся после 2004 г. Временные границы, разумеется, подвижны и требуют адаптации для каждой страны и для отдельных социальных групп [7].

Представители российского поколения X входят в социальный мир на различных стадиях упадка, разложения и разрушения коммунистического режима. Они застают непродуманную экономику, дефицит материальных благ, оказываются свидетелями различных практик подавления социальной активности, в том числе экономической, но также и кризиса государственной идеологии. Холодная война и милитаризм дают этому поколению возможность почувствовать Другого как врага, а государство как отчужденную машину принуждения. Либерализация в период перестройки поселила в людях, с одной стороны, надежды на будущее, а с другой, обнажила глубину социальных проблем и степень отставания от мировых лидеров. Эксессами эпохи стали Афганская война, период «гонок на лафетах», чернобыльская катастрофа, рост национализма и сепаратизма, кризис августа 1991 г. Жизненные ориентации «иксов» отчасти воспроизводят эвристическую ориентацию их родителей – послевоенного поколения, заставшего оттепель, урбанизацию, космические триумфы, а потому для «иксов» траектория социального роста ведет через институты образования к стабильной профессиональной деятельности. В отношении детей «иксы» проявляют одновременно либерализм и патернализм. Поскольку «иксы» были свидетелями крушения режима и неспособности более старших поколений его остановить, их установки полны скептицизма, они не поддаются иллюзорным надеждам, недоверчивы по отношению к СМИ, политикам и рекламе [8].

Поколение Y формировалось и воспитывалось на стыке веков, и большая часть миллениалов прошла социализацию в 90-е годы. Их старшая группа в детском возрасте наблюдала провал перестройки, разрушение коммунистического режима и распад СССР, отраженными в проблемах, с которыми сталкивались их семьи. Социализация старшей части этого поколения идет в период формирования новых социальных ролей, норм и ценностей, отчасти вытесняющих, отчасти модифицирующих старые. Постсоветское дезинтегрированное общество лишено какой-либо идеологии, часть его разделяет культ силы, повсеместно присутствует диффузный цинизм, применяемый самыми разными общественными силами и группами как инструмент подтачивания всех и всяческих универсальных норм с целью их замещения нормами групповыми. Россия включена в глобальную экономику, в глобальное распространение информации, технологий и гаджетов, что в первую очередь затрагивает именно «игреков». Их называют «поколением большого пальца», которым на ходу набирают сообщения в мобильном телефоне, а затем и в смартфоне. Жизненные ориентиры «игреков» связаны с саморазвитием и совершенствованием не меньше, чем с карьерным ростом. Вместе с тем они проявляют готовность к добровольческой деятельности и неполитической социальной активности [9, с. 27]. Схема предшественников, в которой получение образования ведет к профессиональной карьере, результат которой венчает жизненный путь, актуальна здесь не для всех. Освоение знаний ведется «игреками»

часто вне системы, они могут пренебрегать институционализированными формами, менять профили обучения, бросать его. «Игреки» – неофиты сети, они полагаются на нее часто без должной критики. Для многих характерно состояние «бессрочной молодости», позволяющее не брать на себя обязательств и ответственности. «Игреки» прагматичны и практичны, социальные сети для них – комфортная среда труда и досуга.

Наконец, поколение Z, в отличие от предыдущих, в ходе своей социализации в наибольшей степени испытывает воздействие агентов, осуществляющееся при посредстве сетевых платформ. «Зет» рождается «со смартфоном в руках» и приписан к сети с самых ранних лет, осваивая ее, а также всевозможные гаджеты прежде приобретения навыков счета, чтения и письма. «Зеты» аполитичны, поскольку их родители, являющиеся носителями духа постмодернистской критической установки, ориентировали их на саморазвитие. Поколение Z ставит наличие индивидуальности выше всего, а его представители стремятся обрести ее, тщательно выстраивая свой образ [10, с. 19]. «Зеты» взыскательны в сфере образования, предпочитают узкую профессиональную подготовку «общему развитию», они основные потребители продуктов онлайн-образования и участники тренингов. Кооперация «зетов»-индивидуальностей, если она складывается, оказывается очень успешной за счет взаимного признания, которое в их среде дорого стоит².

Представленные описания условны и схематичны, временные рамки подвижны, существуют переходные типы [12], количество исключений всегда очень велико, но, как отмечалось выше, важно то, что люди сами относят себя к тому или иному поколению и в своем поведении воспроизводят соответствующие черты. Идентичность, таким образом, становясь предметом выбора, программирует свою реализацию.

Остановимся теперь на аргументативных социолектах представителей поколений X, Y и Z, которые они обнаруживают в критические моменты сетевых дискуссий.

Воспитанное в жестких социально-институциональных рамках поколение X имеет вполне классическое представление об аргументации и правилах участия в дискуссии. В стихийные споры, цель которых неясна, «иксы» почти не вступает. Но их задевают вопросы о ценностях и принципах, отстаивание которых становится мотивом участия в политических или иных острых социальных дискуссиях. Согласно данным команды «TGstat», представленным в докладе «Исследование аудитории Telegram 2019», доля представителей поколения X, активно использующих мессенджер, составляет около 27 %³. При этом по данным команды «Popsters» наиболее популярными среди россиян остаются мессенджеры «ВКонтакте» и «Одноклассники» [14] и, вопреки расхожему мнению, согласно которому эти социальные сети преимущественно используются молодежью, на обеих площадках лидирует возрастной сегмент 35–64 года. Женщины составляют большую часть пользователей перечисленных социальных сетей. Примеры сетевых споров, в которых участвуют представители поколения X, позволяют увидеть, что характерным для них приемом аргументации в некомфортном споре является *Argumentum ad hominem*, принимающий форму «аргумента к возрасту». В ситуации дефицита времени и места для раз-

---

² Подробное исследование российского поколения Z представлено в докладе «Friedrich Ebert Stiftung», выполненном силами Левада-Центра [11].

³ Сюда включено также поколение их родителей – «бумеров» и старшая группа поколения Y, так что охвачен возрастной диапазон от 35 до 64 лет [13].

вертывания аргументов, а также в условиях, когда нет возможности задействовать реальный статус, «иксы» прибегают к сопоставлению своего возраста с возрастом оппонента или же указывают свой возраст как основание весомости своего мнения. Это прием типичен для «иксов», хотя и кажется, на первый взгляд, старым, предсказуемым, малоэффективным, и, вдобавок, провоцирующим встречную негативную оценку, когда оппонента уличают в неспособности привести доводы по существу, вопреки всей заявленной жизненной опытности. Каковы условия успешного применения аргумента к возрасту? Приведем схему такого рода ситуации. *A* – представитель поколения *X* – ведет дискуссию с *B* – представителем поколения *Z* – о военном конфликте на Ближнем Востоке. Стороны обмениваются репликами онлайн на «стене» в социальной сети, где каждый желающий может подключиться к беседе. В какой-то момент на *A* начинают оказывать давление *C*, *D* и *E*, предлагающие свои дополнительные аргументы в поддержку *B*, параллельно выставляя, или «закидывая» дизлайки к репликам *A*. Последний не успевает отвечать на все возражения и воспринимает атаку как попытку заставить его замолчать. Право голоса он отстаивает следующим заявлением: «Давай так. Мне 46 лет, у меня крепкая семья, двое детей, свой бизнес, дочь уже вышла замуж <...> А чего добился ты в свои 19, чтобы так рассуждать?!» Результат реплики *A* двойственен. В дискуссию вливаются новые участники, до того только следившие за ее развертыванием, предмет спора смещается в сторону того, кто и почему способен правильно оценивать события, а кому это недоступно в силу того, что он «не понимает». Прежние участники не считают этот новый спор интересным и покидают площадку. Аргумент к возрасту срабатывает, таким образом, благодаря наличию сочувствующей аудитории, а если ее нет, то он вызывает нападки на все поколение *X*, а с ним и на предположение о том, что с возрастом приходят авторитет и ум.

Социолект типичного миллениала в онлайн-дискуссиях насыщен идиомами с функцией остиновских бехабитивов. Это поколение одинаково хорошо чувствует себя в непосредственной и в сетевой коммуникациях и для придания речи узнаваемого и индивидуального характера использует бехабитивы перекрестно. Стертое в непосредственном общении «Привет! Как дела? Что делаешь?» получает новое звучание, будучи написанным на «стене» или отправленным в мессенджере. Элементы живой речи, привнесенные в сетевую коммуникацию, оттеняют ее некоторую неполноценность, в то время как использование интернет-сленга в непосредственном общении работает как прием отстранения. Это относится ко всем речевым действиям, и, в частности, к выдвижению аргументов. Степень поведенческой непосредственности «игреков» зависит, конечно, от того, с кем и по какому поводу ведется спор, но общая для представителей этого поколения черта такова: любая информация сообщается в максимально простом и неформализованном для данной ситуации виде. Прагматически это означает презумпцию доверия, делающую возможными так называемые убеждающие послания в духе «Ну, слушай, я же тебе не зря говорю!», обладающую определенным потенциалом [см.: 15, 16]. Опираясь тем, что принято называть фактами или данными, «игрек» выбирает яркое и конкретное, но не утруждает себя ссылкой на источники, тем более, проверкой таковых. Когда оппонент отказывается принимать слова на веру, «игрек» часто попадает в неудобную для себя ситуацию, в которой он не может привести доказательств и пытается отделаться фразами: «В сети пишут», «Это всем известно», «Где-то я это читал, не помню, где, могу поискать» и пр. Реализуемый здесь

аргумент к общему мнению не работает именно в сетевой коммуникации, поскольку данные, которые могут использоваться для подкрепления или опровержения аргументов, находится, так сказать, под рукой, и их явное игнорирование лишает всю систему доводов какой-либо убедительности. Для *Y* спор в сети всегда может обернуться игрой, соревнованием, т. е. чем-то по своему существу не вполне серьезным. Причина готовности к такому восприятию сетевой дискуссии лежит, как нам представляется, в указанной выше двойственности «игреков», для которых сетевое остается «второй» реальностью.

Чтобы избежать вызванного неосновательностью своей позиции поражения в споре «игреки» прибегают к маневрированию [см.: 17], смещая фокус дискуссии так, чтобы оказаться в выигрышном положении. Для этого «игреку» и нужен социолект непосредственности, хотя, позитивно он будет восприниматься лишь аудиторией, образованной также «игреками». Схему, обобщающую такого рода спор, мы собрали из отрывков дискуссии в чате интернет-издания. Она развернулась между «иксом» *A*, назвавшим себя политологом, «игреком» *B*, видимо, заядлым интернет-спорщиком, и *C* – случайным участником, представляющим поколение *Z*. С самого начала *A* демонстрирует владение сведениями по теме спора (этно-религиозные проблемы в одной из европейских стран) и текущей ситуации, его аргументы точны, подкреплены фактами, которые доступны для проверки. «Спорщик» *B* не находит, что возразить *A* по существу, и заявляет, что «это мало о чем говорит» и, «кстати», что «известный блогер Хованский» два дня назад оценил обсуждавшиеся события так-то. Первая реплика является еще одним проявлением социолекта непосредственности, состоящей на этот раз в том, чтобы без обязательств пренебречь аргументами *A* [18]. Аудитория поддерживает эту реплику «лайками» и одобрениями, но *A* не видит смысла оспаривать позицию отсутствующего и не известного ему лица и покидает площадку. В этот момент *C*, прежде только наблюдавший за дискуссией, сообщает, что еще более известная блогерша и «видный эксперт-политолог Бузова», оценила события совсем не так, как Хованский. Позиция и аргументы *A* в этот момент уже забыты и аудитория начинает обсуждать, кто лучше «разбирается» в предмете спора и вообще во всех важных вопросах – Хованский или Бузова, кто из них удачно или неудачно высказался о тех или иных прошлых событиях, кто и как вел себя в те или иные моменты своей карьеры и пр. Здесь мы видим, что сделанная в форме непосредственной ассоциации ссылка на мнение «медийной личности» смещает фокус дискуссии, вследствие чего оппонент из нее выбывает, поскольку она теряет для него смысл. Налицо расхождение целей. Типичный «икс» спорит, в основном, по существу, стремясь убедить собеседника или приобрести новое знание, а «игрек», всегда готовый поставить под сомнение серьезность интернет-дискуссии, ведет спор как дискурсивную игру, цель которой – дискурсивная же победа. Аудитория, ориентированная на первую цель, отвергнет маневрирование «игрека», тогда как в противоположном случае она приветствует его риторическую ловкость.

Представители поколения миллениалов используют социолекты, дающие основание для обозначения их сленговыми выражениями. Это является признаком, во-первых, четкой групповой определенности явления, во-вторых, негативного или иронического отношения к нему со стороны социального окружения. Примером чего может служить социолект «Яжематери» [19]. Содержание этого термина дает словарь современного сленга «Антисленг» [20]: «Женщина, имеющая ребенка и считающая, что этот факт ставит ее выше

остальных и дает ей привилегии. При этом широту этих привилегий она определяет на собственное усмотрение (зачастую это выражается невежливым или даже хамским поведением)». Аргументативное поведение Яжематери (далее – ЯМ) определяется тем, что ее притязания на привилегированный статус предполагаются известными собеседнику и не подлежащими сомнению с его стороны. Если предыдущий пример участия «игрека» в споре показывает работу социолекта непосредственности и маневрирования, то для ЯМ эта непосредственность реализуется демонстрацией ожиданий. Собеседник должен поступить некоторым образом потому, что ЯМ считает это для него должным, установка же ЯМ должна прочитываться «между строк» как *message*, т. е. как информация, извлечение и учет которой остаются всегда на усмотрение получателя. Но игнорировать *message*, полученный от лица «социально незащищенного» или дискриминированного, означает фиксировать этот его статус, так что социолект ЯМ имеет морально-обязывающий характер. Использование такого рода риторики можно встретить не только в социальных сетях, но и на площадках обмена, купли и продажи («Авито», «Юла» и пр.). Склонность к ней отдельных групп поколения Y имеет свои причины, в частности, отмеченный выше патернализм поколения их родителей. Молодая мать поколения Y ожидает, поэтому, те или иные преференции, ассоциируя себя с социальной группой, функция которой состоит в реализации важной социальной задачи, что предполагает известное самопожертвование в аспектах личной жизни, благосостояния, карьеры, образа жизни, так что риторика ЯМ построена на ожидании признания и учета этих обстоятельств окружающими. Приведем характерный пример диалога на площадке «Авито»:

ЯМ: Здравствуйте! Я видела Ваше объявление про приставку! Продаете еще?

П: Добрый день. Да, продаю.

ЯМ: Может, вы мне ее дешевле отдадите???

П: Насколько дешевле? И почему?

ЯМ: Бесплатно. У меня детки – Сашка и Антошка, 5 и 8, они очень хотят играть, а денег нет, я в декрете.

П: Пять лет в декрете???. Вынуждена Вас расстроить – бесплатно не отдам [21].

Сила одного и того же аргумента по-разному воспринимается сторонами. Очевидно, что для ЯМ упоминание о детях, называние их по именам в уменьшительной форме представляется значимым ходом. Он, однако, отклонен оппонентом ЯМ не без некоторой язвительности, что приводит к переходу спора в ругань с использованием нецензурной брани:

П: Ладно, вы будете покупать приставку?

ЯМ: Можно тогда без игры скидку? Просто у младшенького день рождения, а денег мало.

П: По вашим фото не скажешь, что у вас мало денег.

ЯМ: Это же просто фотографии! У меня двое деток, я на них сильно трачусь, а младший приставку просит плейстейшн.

П: Слушайте, 6000 золотая цена, ниже не могу. В ваше положение не войду.

ЯМ: Вот ты в свои игры пендоские играешь, вот и стал таким гадким!!

П: Давайте вы не будете меня оскорблять.

ЯМ: Да пошел ты ....! ....., детей не жалеешь!

П: Я сам ребенок, мне 16...

ЯМ: Ну дай ты скидку! Давай за 5000.

П: Слушайте, за 6000 рублей вы больше не найдете.

ЯМ: Она же сломанная.

П: Вы даже сломанную минимум за 10 000 купите.

ЯМ: Вот ты ....!

П: Давайте без оскорблений.

ЯМ: Пошел ..., гноем ты подавишься! [22].

Наблюдения показывают, что приведенный пример в своей первой части типичен для социолекта ЯМ и подобных групп, тогда как его завершение типично в случае перерастания аргументативного взаимодействия в конфликт. Как только ЯМ понимает, что ее ключевой аргумент не работает, она производит риторический маневр и помещает в фокус спора свое особое положение, которое оппонентом не признается. Наличие сочувствующей аудитории играет здесь большую роль. Игнорирование или удовлетворение притязаний ЯМ на особый статус определяется для оппонента общественной реакцией в большей степени, нежели его собственной позицией.

Можно также отметить, что столкновение двух представителей поколения Y, использующих социолект с морально обязывающими элементами, заканчивается быстро и безрезультатно. Стороны видят, что используют одно и то же средство, к которому сами невосприимчивы и понимают, что успеха достичь не удастся.

Поколение Z комфортно чувствует себя в крупных онлайн-баталиях на стенах, в чатах и в комментариях к записям. Здесь не только логика, но и здравый смысл отходят на второй план, уступая место игре аффектов. Критерием победы в типичном для «зетов» сетевом споре служит поддержка аудитории – «лайки», «классы», «лойсы», Z можно охарактеризовать как поколение интернет-дуэлянтов, в частности, именно «зеты» составляют основную аудиторию так называемых бугуртов в комментах, под которыми понимаются дискуссии на повышенных тонах по любым поводам. Если к высокой активности в споре представителей поколения X побуждают вопросы о ценностях и принципах, а представителей поколения Y – коммуникативное соревнование, то «зетами» движут негативные аффекты, требующие своего разрешения в агрессии, насилии и подавлении. К их числу можно отнести скуку, зависть, жестокость, тщеславие и пр. В сети такие аффекты реализуются как речевые действия, так что содержание спора, как правило, остается на втором плане. Стратегия «зетов» в некомфортной дискуссии может быть выражена принципом: не важно, что я напишу, главное, чтобы это доставило удовольствие аудитории. Поскольку последняя жаждет разрешения своих аффектов, ожидаемое удовольствие не носит интеллектуального характера, а возникает вследствие подавления кого-то из участников дискуссии агрессивным речевым поведением. Такого рода дискуссии в большинстве случаев нельзя смоделировать средствами теории аргументации.

Схема дискуссий такого рода выглядит так. Представитель поколения X пытается обосновать позицию, обладая знаниями и запасом фактов. Его оппонент либо представляет Z, либо апеллирует к аудитории «зетов», располагая минимальным набором сведений по существу спора. Не имея шансов на успех, он переходит к тому, что, применительно к сетевой коммуникации, получило название «троллинга», т. е. явно или неявно дразнит,

провоцирует и оскорбляет оппонента, использует непонятный для него, но понятный для аудитории сленг для выражения негативных и уничижительных оценок, демонстративно не принимает объективно убедительные аргументы и в своих собственных репликах говорит о чем угодно, кроме существа вопроса. Прагматика такого поведения состоит в демонстративном игнорировании собеседника, а также в игнорировании сложившихся практик убеждения. Здесь локально реализуется притязание на дискурсивную власть, недостижимую, разумеется, для «зета» в данном споре, но присутствующую как иллюзия и в таком качестве воспринимаемую и переживаемую аудиторией. Если, как мы отмечали выше, для *Z* сетевая коммуникация является средой совершенно органичной, то в повседневном столкновении виртуального и реального приоритетом обладает то, на чем в наибольшей степени сконцентрированы интеллектуальные и эмоциональные устремления. Виртуальное во многих отношениях обладает большей уступчивостью, конформностью, становясь тем, что мы хотим в нем найти, и постоянная практика виртуального приучает к обладанию контролем над некоторой условной действительностью. Перенос этого готового отношения на реальное можно теперь осуществить силой воображения, получая в результате картину господства, по меньшей мере, над информацией и дискурсом. Миметическая природа такого переноса хорошо ощущается в том, как аудитория реагирует на споры, складывающиеся по описанной выше схеме. А именно, она воспринимает их как зрелище противоборства не умов, но «силовых» дискурсивных приемов, как театр осмеиваний, уничижений, оскорблений и издевательств не только над одним из участников дискуссии, но и над нормами, регулируемыми сами дискуссии. Аффекты разрешаются благодаря тому, что поруганию предается мощный культурный институт, ускользнуть из-под регуляторного воздействия которого в мире реального нельзя. Следует помнить, что *Z* – это молодое поколение, охотно подвергающее проверке на прочность любые сложившиеся институты.

Как и во всех предыдущих случаях, характер аудитории и её готовность реагировать имеют ключевое значение. Последним примером будет очень короткая дискуссия в группе «Бизнес-идеи» социальной сети «ВКонтакте» [23]. В сообществе была опубликована логическая задача, для которой пользователь *A* предложил верное, оригинальное и сложное решение. Это вызвало раздраженную реакцию пользователя *B* – представителя поколения *Z*, аффективные ожидания которого были обмануты: вместо развлекательного материала ему предложено решать логическую задачу и анализировать ответы других участников. *B* осыпает *A* оскорблениями, так что последний немедленно покидает площадку, на которой разворачивается продолжительная баталия между теми, кому выходка *B* понравилась, и теми, кто осыпает ругательствами его самого *B*. Смена фокуса дискуссии сопровождалась здесь и сменой ожидаемых от нее удовольствий, что, в конечном счете вызывает и смену состава ее участников.

Заключение. Наша цель состояла в том, чтобы на основе анализа типичных случаев сформулировать предположения о том, как представители трех поколений – *X*, *Y* и *Z* ведут себя в неудобных ситуациях сетевых споров. Мы принимали во внимание риторические приемы, использование социолекта и речевые действия. Черты названных поколений в силу того, что поколенческая дифференциация весьма популярна и люди сами относят себя к тому или иному поколению, воспроизводятся осознанно, и неосознанно. Учитывая, что формы и ситуации аргументации исключительно разнообразны, имело смысл рассмотреть

те из них, в которых характерные черты поколений могут проявляться наиболее резко и определенно, и такими ситуациями стали неудобные положения в споре.

В отношении поколения X кажется уместным предположение о связи между достигнутым его представителями статуса и использованием «аргумента к возрасту». Он оказывается неубедительным для представителей других поколений, но работает для самого поколения X. При этом «иксы» придерживаются классических аргументативных практик, не создают поколенческого социолекта и декларируют приверженность принципам добросовестной коммуникации.

Для поколения Y характерно игровое отношение к интернет-спорам, связанное с хорошо ощущаемым им различием между непосредственной и сетевой коммуникациями. Последняя всегда имеет менее значимый статус, поскольку несет меньшую степень личностной вовлеченности, а значит, всегда может быть преобразована в спор ради победы. Она достигается при демонстрации риторической ловкости, которую «игреки» применяют в неудобных ситуациях спора. В их распоряжении социолект непосредственности, с помощью которого они пытаются сделать сетевую коммуникацию более личностной, вызвать доверие, чтобы в критический момент спора сдвинуть его фокус и заслужить одобрение аудитории. Еще одна особенность поколения Y – это групповые социолекты, включающие морально обязывающий *message*. Их использование, по-видимому, может быть успешным при взаимодействии с поколением X и представляет собой разновидность манипуляции. Провал применения социолекта в критической ситуации спора переводит его в открытый конфликт.

Для поколения Z сетевые споры представляют собой арену разрешения негативных аффектов и, одновременно, средство испытания на прочность сложившихся институтов спора и дискуссии. Поведение «зета» в неудобной ситуации представляет собой провокационное речевое действие, цель которого состоит в изгнании оппонента с площадки спора с одновременным смещением его фокуса на обсуждение вопроса о том, как это было сделано. Поддержка аудитории возникает вследствие того, что она получает удовольствие, когда в дискуссии, воспринимаемой как зрелище, получают разрешение те или иные негативные аффекты. Ход спора здесь стихийен, его фокус меняется в каждой критической ситуации, появление в которой маргинальных аргументов, оскорблений, осмеяний, эпатажа вызывает наибольший интерес участников и наблюдателей.

Описанные формы поведения представителей поколений в моменты проигрыша спора фиксируются как паттерны, обеспечивающие групповую идентификацию. Но они реализуются в среде, которая сама претерпевает постоянные изменения. Это значит, что риторические и аргументативные стратегии, которым люди следуют за пределами сетевой коммуникации, будут испытывать влияние последней, в силу того, что она превосходит по скорости своих изменений все прочие стороны социальной динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hample D., Irions A. Arguing to Display Identity // *Argumentation*. 2015. Vol. 29. P. 389–416. DOI: 10.1007/s10503-015-9351-9.

2. In the Mood for Being Influential on Twitter / D. Quercia, J. Ellis, L. Capra, J. Crowcroft // *IEEE Third International Conference on Social Computing (SocialCom)*. Boston, MA, 9–11 Oct. 2011. Boston, 2011. P. 307–314. DOI: 10.1109/PASSAT/SocialCom.2011.27.

3. Howe N., Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: Harper Collins, 1992.
4. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции / пер. с нем. Е. Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.
5. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
6. Handbook of Communication in Organisations and Professions / Ch. Candlin, S. Sarangi (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2011. DOI: 10.1515/9783110214222.
7. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОС-СПЭН, 2009.
8. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: необыкновенный икс. 5-е изд. М.: Синергия, 2019.
9. Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.
10. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
11. Российское «поколение Z»: установки и ценности 2019/2020 / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина и др. 2020. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (дата обращения: 22.10.2020).
12. Зайцева Н. А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2 (3). С. 220–236.
13. Исследование аудитории // Telegram. 2019. URL: <https://tgstat.ru/research> (дата обращения: 22.10.2020).
14. Аудитория социальных сетей в России в 2019 // Popsters. 2020. URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (дата обращения: 22.10.2020).
15. Believe Me – We Can Do This! Annotating Persuasive Acts in Blog Text / P. Anand, J. King, J. Boyd-Graber and etc. // The 2011 AAAI Workshop on Computational Models of Natural Argument. Menlo Park: The AAAI Press, 2011. P. 11–15.
16. Dutilh Novaes C. The Role of Trust in Argumentation // Informal Logic. 2020. Vol. 40, № 2. P. 205–236. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v40i2.6328>.
17. Van Eemeren F. H., Houtlosser P. Strategic Manoeuvring in Argumentative Discourse // Discourse Studies. 1999. Vol. 1, № 4. P. 479–497. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461445699001004005>.
18. Jansen H. "You Think That Says a Lot, but Really it Says Nothing": An Argumentative and Linguistic Account of an Idiomatic Expression Functioning as a Presentational Device // Argumentation. 2017. Vol. 31. P. 615–640. DOI: 10.1007/s10503-017-9436-8.
19. Клименко Н. С. «Чайлдфри» и «Яжемать» как биполярные категории современной феминности // Вестн. КемГУКИ. 2017. Т. 40. С. 59–62.
20. AntiSlang. Словарь современного сленга. URL: <https://antislant.ru> (дата обращения: 22.10.2020).
21. Avito. URL: https://drive.google.com/file/d/1FVcKR_4R3QPnLEu5O03ClH3yhXtdet5d/view?usp=sharing (дата обращения: 22.10.2020).
22. Avito. URL: <https://drive.google.com/file/d/1PI2whl8KOKq2j7bmlA0fWeK58XGlvLi/view?usp=sharing> (дата обращения: 22.10.2020).
23. Actual. Бизнес-идеи // Вконтакте. URL: <https://drive.google.com/file/d/10R-OrCOvpY7lsgcOZxemzdfcwa9msXOo/view?usp=sharing> (дата обращения: 22.10.2020).

Информация об авторах.

Елагин Глеб Борисович – научный сотрудник, исполнитель проекта РФФ № 20-18-00158 по договору с Санкт-Петербургским государственным университетом, Университет-

ская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сфера научных интересов: риторика, теория аргументации, прагматика, логическая семантика. E-mail: elagingleb@gmail.com

Микиртумов Иван Борисович – доктор философских наук (2007), доцент (2002), профессор кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 100 научных публикаций, в том числе персональной монографии. Сфера научных интересов: риторика, теория аргументации, прагматика, логическая семантика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9382-249X>. E-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

REFERENCES

1. Hample, D. and Irions, A. (2015), "Arguing to Display Identity", *Argumentation*, vol. 29, pp. 389–416. DOI: 10.1007/s10503-015-9351-9.
2. Quercia, D., Ellis, J., Capra, L. and Crowcroft, J. (2011), "In the Mood for Being Influential on Twitter", *IEEE Third International Conference on Social Computing (SocialCom)*, Boston, MA, USA, 9–11 Oct. 2011, pp. 307–314. DOI: 10.1109/PASSAT/SocialCom.2011.27.
3. Howe, N. and Strauss, W. (1992), *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*, Harper Collins, NY, USA.
4. Mangejm, K. (2000), "The problem of generations", *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenii. Sostyazatel'nost'. Ekonomicheskie ambitsii* [Essays on the Sociology of Knowledge: The Generational Problem. Competitiveness. Economic Ambition], Transl. by Dodin, E.Ya., INION RAN, Moscow, RUS, pp. 8–63.
5. Levada, Yu.A. (2001), "Generations of the 20th century: research opportunities", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], no. 5 (55), pp. 7–14.
6. *Handbook of Communication in Organisations and Professions* (2011), in Candlin, Ch. and Sarangi, S. (ed.), Walter de Gruyter, Berlin, GER. DOI: 10.1515/9783110214222.
7. Semenova, V.V. (2009), *Sotsial'naya dinamika pokolenii: problema i real'nost'* [Social dynamics of generations: problem and reality], ROSSPEN, Moscow, RUS.
8. Shamis, E. and Nikonov, E. (2019), *Teoriya pokolenii: neobyknovennyi iks* [Generation theory: extraordinary X], 5th ed., Sinergiya, Moscow, RUS.
9. Radaev, V.V. (2019), *Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian Society is Changing], HSE, Moscow, RUS. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.
10. Stillman, D. and Stillman, I. (2018), *Pokolenie Z na rabote. Kak ego ponyat' i naiti s nim obshchii yazyk* [Gen Z at Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace], Transl. by Kondukov, Yu., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
11. Gudkov, L., Zorkaya, N., Kochergina, E. and etc. (2020), *Rossiiskoe "pokolenie Z": ustanovki i tsennosti 2019/2020* [Russian "Generation Z": attitudes and values 2019/2020], available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (accessed 22.10.2020).
12. Zaitseva, N.A. (2015), "Generation theory: are we different or the same?", *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian regions: a look into the future], no. 2 (3), pp. 220–236.
13. "Audience research" (2019), *Telegram*, available at: <https://tgstat.ru/research> (accessed 22.10.2020).
14. "Social media audience in Russia in 2020" (2019), *Popsters*, available at: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (accessed 22.10.2020).
15. Anand, P., King, J., Boyd-Graber, J. and etc. (2011), "Believe Me – We Can Do This! Annotating Persuasive Acts in Blog Text", *The 2011 AAAI Workshop on Computational Models of Natural Argument*, The AAAI Press, Menlo Park, California, USA, pp. 11–15.
16. Dutilh Novaes, C. (2020), "The Role of Trust in Argumentation", *Informal Logic*, vol. 40, no. 2, pp. 205–236. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v40i2.6328>.

17. Van Eemeren, F.H. and Houtlosser, P. (1999), "Strategic Manoeuvring in Argumentative Discourse", *Discourse Studies*, vol. 1, no. 4, pp. 479–497. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461445699001004005>.

18. Jansen, H. (2017), ""You Think That Says a Lot, but Really it Says Nothing": An Argumentative and Linguistic Account of an Idiomatic Expression Functioning as a Presentational Device", *Argumentation*, vol. 31, pp. 615–640. DOI: 10.1007/s10503-017-9436-8.

19. Klimenko, N.S. (2017), ""Childfree" and "Yazhemat" as bipolar categories of modern femininity", *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, vol. 40, pp. 59–62.

20. *AntiSlang, Dictionary of modern slang*, available at: <https://antislant.ru> (accessed 22.10.2020).

21. *Avito*, available at: https://drive.google.com/file/d/1FVcKR_4R3QPnLEu5O03CIH3yhXtdet5d/view?usp=sharing (accessed 22.10.2020).

22. *Avito*, available at: <https://drive.google.com/file/d/1PI2whl8KOKq2j7bmlA0fWeK58XGlvGLi/view?usp=sharing> (accessed 22.10.2020).

23. "Actual. Business ideas", *Vkontakte*, available at: <https://drive.google.com/file/d/10R-OrCOvpY7lsgcOZxemzdfcwa9msXOo/view?usp=sharing> (accessed 22.10.2020).

Information about the authors.

Gleb B. Elagin – Research Officer at the RSF project № 20-18-00158, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. Area of expertise: rhetoric, theory of argumentation, pragmatics. E-mail: elagingleb@gmail.com

Ivan B. Mikirtumov – Dr. Sci. (Philosophy) (2007), Docent (2002), Professor at the Department of Logic, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 100 scientific publications, including a personal monograph. Area of expertise: rhetoric, theory of argumentation, pragmatics, logical semantics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9382-249X>. E-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

Возвышенная теология заката Советской империи. Акат Калистратович Белых

Е. Г. Соколов✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉egsllov@gmail.com

Введение. Общественно-политические дисциплины – важная составляющая гуманитарного знания советского периода российской истории. Научный коммунизм, введенный в качестве обязательного предмета во всех вузах СССР в последние 30 лет существования государства, рассматривался как завершающее выражение всех теоретических положений марксизма-ленинизма. В статье предпринята попытка рассмотреть научный коммунизм как умозрительную спекулятивную конструкцию, которая, с одной стороны, воспроизводит терминологические, логические, смысловые и операционные регламенты классических философских систем, с другой – является привилегированным механизмом дискурсивного производства. В качестве характерного примера того, как и посредством какого инструментария легитимируется доктрина, приводятся тексты работ А. К. Белыха, на протяжении почти 30 лет возглавлявшего кафедру теории научного коммунизма на философском факультете ЛГУ (ныне – СПбГУ).

Методология и источники. Методологически работа базируется на философском анализе репрезентативных для эпохи текстов (Д. де Траси, «Грамматика Пор-Рояля», работы советских российских философов в русле марксистско-ленинской традиции, монографии А. К. Белыха), включенных в утвержденный канонический корпус марксизма-ленинизма.

Результаты и обсуждение. Научный коммунизм, сегодня практически изъятый из исторической памяти, являлся интереснейшим примером того, как происходила эволюция общественной мысли в советский период российской истории. Корпус общественно-политических дисциплин, в который входили марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм), политическая экономия, история КПСС и научный коммунизм, являлись единым комплексом умозрительной спекулятивной доктрины. В полной мере все эти дисциплины, позиционируемые в качестве научного знания, могут быть оценены лишь в контексте магистральных тенденций развития социально-философского знания Нового времени, заданных эпохой Просвещения. Символическими точками отсчета здесь могут считаться проекты «универсальной грамматики» (Пор-Рояль) и «идеологии» (Дестют де Траси).

Заключение. Научный коммунизм – неслучайный, но характерный для отечественной мысли, интеллектуальный конструкт. Коллективный, т. е. в его реализации задействовано большое количество людей, а значит, его можно рассматривать как сформировавшееся направление общественной мысли. Среди исторических аналогов, использующих тот же самый стратегически-тактический арсенал средств выражения и дискурсивной фиксации, его можно и сравнить, и уподобить с известными спекулятивными конструктами теологического характера: высокой схоластикой.

© Соколов Е. Г., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: научный коммунизм, общественно-политические дисциплины, марксистско-ленинская философия, универсальная грамматика, идеология, Д. А. де Траси, А. К. Бelykh.

Для цитирования: Соколов Е. Г. Возвышенная теология заката Советской империи. Акат Калистратович Бelykh // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 20–36. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-20-36

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде–Петербурге. Вторая половина XX века»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.10.2020; принята после рецензирования 10.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Sublime Theology of the Decline of the Soviet Empire. Akak K. Belykh

Evgeniy G. Sokolov✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉egslov@gmail.com

Introduction. Socio-political disciplines are an important component of the Humanities of the Soviet period of Russian history. Scientific communism, introduced as a compulsory subject in all Higher education institutions of the USSR in the last 30 years of the state's existence, was considered as the final expression of all the theoretical propositions of Marxism-Leninism. The article attempts to consider Scientific communism as a speculative speculative construction that, on the one hand, reproduces the terminological, logical, semantic and operational regulations of classical philosophical systems, and on the other hand, is a privileged mechanism of discursive production. As a typical example of how and through what tools the doctrine is legitimized, the texts of the work of A. K. Belykh, who for almost 30 years headed the Department of the theory of scientific communism at the faculty of philosophy of LSU (now SPBU).

Methodology and sources. Methodologically, the work is based on a philosophical analysis of texts representative of the epoch (D. de Tracy, grammar of Port Royal, Soviet Russian philosophers who worked in the Marxist-Leninist tradition, monographs by A. K. Belykh), included in the approved canonical corpus of Marxism-Leninism.

Results and discussion. Scientific communism, now virtually removed from historical memory, was an interesting example of how social thought evolved during the Soviet period of Russian history. The corpus of socio-political disciplines, which included Marxist-Leninist philosophy (dialectical materialism and historical materialism), political economy, history of the Communist party of the Soviet Union, and scientific communism, was a single complex of speculative doctrine. All these disciplines, positioned as scientific knowledge, can be fully evaluated only in the context of the main trends in the development of social and philosophical knowledge of the New time, set by the Enlightenment era. Symbolic points of reference here can be considered projects of "universal grammar" (Port Royal) and "ideology" (Destute de Tracy).

Conclusion. Scientific communism is not an accidental, but characteristic of Russian thought, intellectual construct. Collective, i. e. a large number of people are involved in its implementation, which means it can be considered as a well-formed direction of social thought. Among the historical analogs that use the same strategic and tactical Arsenal of means of expression and discursive fixation, it can be compared and likened to the well-known speculative constructs of a theological nature: high scholasticism.

Key words: scientific communism, socio-political disciplines, Marxist-Leninist philosophy, universal grammar, ideology, D. A. de Tracy, A. K. Belykh.

For citation: Sokolov E. G. Sublime Theology of the Decline of the Soviet Empire. Akat K. Belykh. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 20–36. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-20-36 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant of Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00144 "Theoretical heritage of philosophy in Leningrad-Petersburg. Second half of the twentieth century").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.10.2020; adopted after review 10.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Среди символических маркеров трех последних десятилетий существования СССР, таких как марксизм-ленинизм, КПСС, всемирно-историческая миссия пролетариата, классовая борьба, загнивающий и приближающийся к своему неминуемому краху капитализм, светлое будущее, триумфальное шествие социализма по планете и пр., научный коммунизм (НК) – и как образовательно-воспитательная дисциплина, и как институализированная надлежащим образом область познания, и как идеологема – занимал едва ли ни главенствующее положение и, вне сомнения, с самого начала своего существования и до самого конца находился вне досягаемости любого критического, теоретического в не меньшей степени, нежели практического (в качестве объекта социокультурной прагматики), взгляда. Разумеется, взгляда «изнутри», т. е. направленного из регионов, находящихся так или иначе, под юрисдикцией страны советов. Можно даже сказать, что НК обладал своеобразной «презумпцией благости» (неоспоримости, непогрешимости, очевидности, невинности, неподсудности, истинности), гарантирующей ему статус, неподсудный какому-либо сомнению. И дело не только в цензурно-репрессивном аппарате, пронизывающем всю государственную систему и пресекающем любые неподобающие вольнодумства на корню. Дело в другом: НК не предусматривает даже возможность сомнения как любая абсолютно закрытая дисциплина, замкнутая исключительно на самой себе, самодостаточная и автономная, осуществляющая пробег – и он может быть бесконечным – лишь в пределах собственной сериальной последовательности. Другими словами, НК не предполагает коммуникацию. С ним невозможно полемизировать, но – лишь свергнуть. Что и произошло в реальности.

В начале 90-х гг. минувшего века Советская империя рассыпалась. Все ее и внутренние, и внешние, и умозрительные, и процессуальные сателлиты либо исчезли, либо приспособились к другим обстоятельствам. Прежние фавориты подверглись публичному поруганию. Не избежал сей участи и НК. Однако если другие идеологически-символические конструкты советского времени и сопряженные с ними социокультурные практики вот уже на протяжении почти 30 лет непрестанно в разных дискурсивных обстоятельствах, с различной аксиологической модальностью и предикатным соотношением (история, отечественная история, история идей, наследие, социокультурный ландшафт, впечатляющая фигура в общей структуре российских паттернов и пр.), так или иначе воспроизводятся, порождая отнюдь не формально-академическую полемику, то с НК случилось иное: он попросту отсутствует в жизни новой России. После недолгого периода экзальтированного и демонстративного отказа от прежних, социалистических, догматов и кумиров, с публичным их изгнанием и побиванием, продлившимся первые два года постсоветской эпохи,

научный коммунизм (и как словосочетание-понятие-символ, и как процессуальный инструментарий социальной размерности) был практически предан забвению. Я даже не говорю о риторическом декоре легитимных институций (контр-государственных не в меньшей степени, нежели государственно санкционированных), тем паче – о вербальных фигурах, архивных наборах и вариантах сериальных последовательностей (шаблонах и клише) СМИ. Но и в научно-исследовательских практиках НК нет. Во всяком случае, за минувшие 30 лет мне ни разу не встретилось это словосочетание-маркер в актуальных событийных контекстах какого-либо рода социально-гуманитарной активности. Чуть ли ни единственным исключением является статья М. Ю. Немцева «К истории советской академической дисциплины “Основы научного коммунизма”», написанная на основе доклада, прочитанного на конференции «Стратегии институционального строительства в послесталинском СССР (1953–1968)» (июнь 2015 г., Москва) и опубликованной в различных изданиях [1]. Судя по названию статьи («К истории...»), предполагается, что таковая история (от первичного древнегреческого «исследование, разузнавание, повествование о том, что узнано») есть, или, по крайней мере, должна быть. Однако ее нет в постсоветской России. А интеллектуальные усилия М. Ю. Немцева не привели к тому, чтобы к этому предмету, научному коммунизму (в каком-либо качестве или статусе), возник интерес. Ситуация может показаться странной, ибо апогей яростного отторжения всего советского давно миновал, а временная дистанция весьма способствует тому, чтобы к фактам и обстоятельствам 70-летнего периода нашей истории отнеслись спокойно, если не непредвзято, то хотя бы – без негативного предубеждения. Что в большинстве случаев и происходит. Очевидно, что НК – во всех своих ипостасях – феномен, в который функционально было вовлечено довольно большое количество регионов данности (людей, практик, институций). Причем, речь идет не о какой-то маргинальной, лишь терпимой и отнюдь не значимой, зоне советской социалистической повседневности, но, напротив, – о рекламируемом (в эпохе) и тщательно отформатированном по любым известным на тот момент канонам фасаде. Научный коммунизм – это то, что неизменно присутствовало в «наличном обиходе» практически всего населения Страны Советов в период его заката. Кроме того, поколение 50–60-летних, т. е. те, кто сегодня занимают командные высоты во всех областях жизни, знают не понаслышке, но на собственном опыте студенческой молодости, что это такое, научный коммунизм.

Методология и источники. Чтобы представить масштаб феномена, его статус и занимаемое место в общей социально-организационной структуре хрущевско-брежневского (и пост-брежневского, социалистического) периода, напомним некоторые факты, прекрасно известные современникам тех дней, и, уверен, малознакомые взрослеющим в другие времена. В программах подготовки специалистов любого профиля или направления во всех высших учебных заведениях СССР предмет «Научный коммунизм» («Основы научного коммунизма») вошел в 1963 г. (Приказ министра ВССО СССР № 214 «О введении в вузах СССР курса основ научного коммунизма» от 27 июня 1963 г. [2]) и до самого конца советской эпохи, т. е. до 1991 г., он там присутствовал. Все, кто получил высшее образование в этот почти тридцатилетний период, эту дисциплину проходили. Об официальном статуте и том значении, которое придавалось этому предмету, убедительно свидетельствует и тот факт, что, начиная с 1974/75 учебного года, для получения диплома о высшем образовании

наряду с написанием диплома (или сдачи государственного, итогового, экзамена по выбранной специальности), необходимо было пройти испытание – государственное же! – на знание основ научного коммунизма. Сама дисциплина входила в так называемый общественно-политический цикл (как нынче обозначили бы – модуль) – также обязательный для всех советских студентов, в котором числились: на 1 курсе – «История КПСС», «Политэкономия» (могла быть представлена и двухгодичная развернутая версия – «Политэкономия капитализма» и «Политэкономия социализма»); на 3 или 4 курсе – «Марксистско-ленинская философия» (или «Диалектический материализм» и «Исторический материализм» для некоторых специальностей), и, наконец, на последнем курсе, подводящий итоговую черту – «Научный коммунизм». Цель и задачи, которые преследовались, в общем-то, очевидны: создать общее представление о том, как устроен мир, каково место человека в этом мире, как развивается и функционирует человеческое сообщество, какое будущее ждет людей, какие фундаментальные законы предопределяют результаты и индивидуальные, и коллективных напряжений-усилий. Очевидно, что в любой образовательно-воспитательной процессуальности любой эпохи и в любой культуре вне зависимости от локально-конкретных пайдеветических режимов, инструментального набора, а также форм репрезентации и каналов, по которым совершались соответствующие инвестиции, аналогичные дискурсы присутствовали всегда. Это часть общегуманитарной дрессуры, без которой человека (человека, живущего в обществе) сформировать невозможно. Сегодняшняя модель высшего образования также содержит аналогичный модуль, хоть и наполненный другими дисциплинами, призванными в своей совокупности артикулировать правильность или неправильность конкретного и определенного взгляда на мир – определяется отнюдь не убедительностью, стройностью и аргументированностью догматов, но – обстоятельствами и ситуациями их принятия или непринятия. Поэтому советский общественно-политический блок вузовских дисциплин хоть и «отменен историей», но не дискредитирован и не развенчан: это дело не теории, но практики. Таким образом, интерес к тому, каковы общая конструкция, главные «бенефициары», система аргументации и доказательств, аксиоматические константы и аксиологические архивы этого комплекса, в частности, его кульминационного лозунга («Научного коммунизма»), – не праздный и не сугубо историографический.

Результаты и обсуждение. Марксистско-ленинская философия – это *диалектический материализм* – о том, что есть мир и человек в мире (научное мировоззрение, всеобщий метод познания мира, наука о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и сознания [3, с. 231]) источник; *исторический материализм* – о человеческом обществе (марксистская теория развития общества и методология его познания. Предметом исторического материализма является общество как целостная и развивающаяся социальная система, общие законы и движущие силы исторического процесса [4, с. 570]. История КПСС – назидательное повествование о конкретном и весьма успешном опыте реализации «общих законов движения и развития природы, общества и сознания», наглядный пример того, что – не мечта, но реальность (Изучение истории КПСС вооружает коммунистов, всех трудящихся знанием законов общественного развития, законов классовой борьбы и движущих сил революции, знанием законов построения социализма, коммунизма [5, с. 8]). Политическая экономика – структурно-организационно-функциональный экскурс в чело-

веческое сообщество, в то, из чего оно состоит, как взаимодействуют его составляющие, каким образом функционирует, субстанциональные и акциденцальные аспекты, закономерности и движущие силы развития и пр. (Она изучает законы общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества. Основой жизни общества является материальное производство. Чтобы жить, люди должны иметь пищу, одежду и другие материальные блага. Чтобы иметь эти блага, люди должны производить их, должны трудиться. Люди производят материальные блага, то есть ведут борьбу с природой, не в одиночку, а сообща, группами, обществами. Следовательно, производство всегда и при всех условиях является *общественным* производством, а труд – деятельностью *общественного* человека. [6]). И, наконец, «Научный коммунизм» – развернутая, подробная, с детальным разъяснением всех обстоятельств и «условий возможности-неизбежности» эсхатология: будущее, которое уже наступило. Легко убедиться, что в комплексе все дисциплины дают исчерпывающую картину мира: его прошлого, текущего-настоящего и грядущего.

Главным нумерозным бенефициаром «Научного коммунизма» является рабочий класс и мировой революционный процесс. Вокруг этих «персонажей» закручивается основная теоретическая интрига. Как значится в канонической формулировке, запечатленной во всех учебно-справочных изданиях, научный коммунизм изучает «закономерности развития мирового революционного процесса, закономерности возникновения и развития коммунистического общества – высшей ступени прогресса человечества. Эти закономерности определяют основное содержание социальных изменений в нашу эпоху – эпоху перехода от капитализма к социализму» [7, с. 3]. Общая структура дисциплины включает несколько разделов, которые в своей совокупности и последовательности-связности вполне соответствуют существующим на тот момент (и оставшихся практически без изменений до сего дня) регламентам научно-гуманитарного знания. А именно: после определения предметного горизонта – предыстория и предтечи дисциплины («Утопический социализм»), теоретические источники, пророки и классики («возникновение и основные этапы развития научного коммунизма») [7]. Далее следует аналитический обзор обстоятельств, условий, причин и действующих в период перехода «от... к» агентов и контрагентов: теория социалистической революции; современная эпоха и мировой революционный процесс; мировая социалистическая система – главная революционная сила современности; кризис мирового капитализма и революционное движение рабочего класса; национально-освободительное движение; мировое коммунистическое движение [7]. Следующий раздел содержит ряд сюжетов, призванных дать общее представление о том, какие трансформации в существовании человека и общества уже произошли и произойдут в будущем, а также характеристику этапов эволюции: переходный период от капитализма к социализму; диктатуру пролетариата и её формы; преобразование общественных отношений в переходный период; социалистическое общество; закономерности развития мировой системы социализма [7]. И последний тематический блок включает апологетический анализ значимых для полной реализации всемирно-исторического движения систем-структур-позиций-сил-инструментов, уже обогнавших в реальности, а потому выступающими верными маркерами «принадлежности» и критериями идентификации, которые в грядущем будут развиты и усовершенствованы: коммунизм – высшая фаза коммунистического общества, закономерности перерастания социализма в коммунизм [7]. Таков канонический набор тем.

Какими бы вздорными, абсурдными, фантастическими и пафосными предлагаемые для усвоения темы ни казались сами по себе сейчас – а таковыми они виделись и в эпохе, едва ли и «исполнители», и «потребители» доктрины всерьез и искренне, с восторгом и доверием относились к проговариваемому, разве что, очень наивные, каковых в системе высшей школы было немного – но в своей совокупности они в принципе не могли быть опровергнуты теоретически-дискурсивно. Система, как я уже отмечал вначале, была замкнута на самой себе. Научный коммунизм, и об этом говорилось при всяком упоминании (научный коммунизм – «одна из трёх составных частей марксизма-ленинизма, раскрывающая общие закономерности, пути и формы классовой борьбы пролетариата, социалистической революции, построения социализма и коммунизма... Научный коммунизм органически связан с другими составными частями марксизма-ленинизма – марксистской философией и политической экономией». [8, с. 346]), не может быть рассмотрен вне его логически-предметно-терминологической связи с другими дисциплинарными комплексами, через них легитимируется, черпая в них доказательную базу и всю систему аргументации. Каждый из тематических блоков внутри любого раздела не может существовать автономно, не, тем паче, редуцирован до какого-либо «онтологического субстрата» (фигуры, силы, объекта, элемента), но отсылает – и логически, и терминологически, и процессуально – к другим, которые выступают в качестве «общих». Например, классовая структура социалистического общества и пути достижения социальной однородности – к теории социалистической революции и к революционному движению рабочего класса. Последние находят свое обоснование – в политэкономии, в котором разъясняется, каким образом технологически организуется производство жизни человека и общества, какие аспекты (материальные и экзистенциальные) и инструменты она включает и как они взаимодействуют друг с другом. Логически-теоретическое обоснование этих вопросов содержится уже в другом дисциплинарном регионе – историческом материализме, где оглашены наиболее общие закономерности развития человеческого общества. Но последние также опираются на фундамент – диалектический материализм, в котором социум включен в общую структуру мироустройства, является лишь ее «частным случаем». Посредством таких отсылок мы в итоге упрямся в акт «сотворения мира», т. е. в бинарию материи-сознания, утвержденную в качестве фундаментальной, первичной и исходной, оппозиции – не новой, знакомой нам еще со времен досократиков. И с тех же времен – неразрешимой (дискурсивно-теоретически) в принципе. В подобной ситуации любой спор, любая дискуссия неуместна в принципе. Ибо утвердить правоту своей интерпретации можно лишь двумя способами: посредством практики-силы, т. е. контроля тех регионов, где производится дискурс; либо – веры. Полагаю, что в случае с научным коммунизмом преимущество отдавалось первой тактике, но и вторая – не исключалась полностью во времена «развитого социализма». Чем свидетельством может, в частности, служить достаточно большое количество «убежденных коммунистов», открыто заявляющих о своей приверженности доктрины в постсоветские времена.

Безусловно, научный коммунизм, также, как и все остальные составные части марксизма-ленинизма, – это идеология. И именно в том смысле, в каком это понятие было введено в обиход познания. Все негативные коннотации, связанные с этим термином, возникли уже в процессе его циркуляции в различных общественных практиках. Разумеется, они

связаны с первичным смыслом, не являются ни его абсолютным искажением, ни его процедурной перекодировкой, что повлекла за собой семантическую мутацию. Отнюдь. Речь скорее можно вести об изменении «оптики», или «ракурса» взгляда познания, в результате которого стали обозримы и другие пространства данности умозрения, в контексте которых первичная позитивная интенция была переосмыслена. Идеология в советское время конструировалась именно в рамках тех задач сугубо позитивного и весьма полезного для развития как прикладной, так и теоретической мысли, которые были сформулированы ее творцом – Дестютом де Траси.

Имя Дестюта де Траси до недавнего времени было практически неизвестно в России. Впервые отдельные фрагменты из его работ стали появляться в российской периодике с середины 1990-х гг., первый том его фундаментального труда «Элементы (основы) идеологии» вышел в 2013 г. В отечественных образовательных циклах, посвященных философской мысли Просвещения или истории французской философии, его имя, труды и идеи полностью отсутствуют. Небольшие статьи в справочниках энциклопедического профиля, несколько работ ученых-гуманитариев, посвященных, в основном, «периферийным» или являющимися лишь развитием и конкретизацией авторской концепции [9–15] (в частности, его взгляды на язык и знак – то, что можно квалифицировать как предсемиотику или философию языка, а также – высказывания, касающиеся мыслительной деятельности человека, в частности – логики) – вот и все, что есть. Англоязычная и франкоязычная библиография не многим больше. Однако, интерес – не только в контексте нашего сегодняшнего разговора – этот исторический персонаж, его бурная деятельность в один из самых любопытных периодов французской истории, а также его взгляды все же представляют. Без преувеличения он является основоположником и родоначальником идеологии.

Дестют де Траси был практиком. Он активно принимал участие в событиях конца XVIII и первой трети XIX в. во Франции. Едва ли его политические, экономические и философские труды носили исключительно прикладной характер. Однако в них, несомненно, отразились значимые вехи его биографии. На некоторые, имеющие непосредственно отношение к рассматриваемым сейчас проблемам, обращу внимание. В 1798 г., т. е. еще до наполеоновского переворота 18 брюмера 1799 г., де Траси назначается членом Комитета народного просвещения при Министерстве внутренних дел, который отвечал за реализацию реформы образования. В этом комитете он курировал «идеологические, моральные и политические науки». С 1799 же года де Траси фактически исполнял обязанности главы этого комитета. В 1798 г. начинается его работа, закончившаяся в 1815 г. с выходом 4 тома, над главным трудом – «Элементы (основы) идеологии». Труд был задуман как учебное пособие, которое должно было использоваться в реформированных Центральные школах, где предполагалось воспитывать и образовывать молодежь нового типа, мыслящей и рассуждающей последовательно, точно, отвечающей за свои слова, отчетливо понимающей, что имеет в виду и, что не менее важно, умеющей донести смысл проговариваемого до окружающих. Иными словами, формирование неких агентов идеальной, лишенной каких-либо «шумов», коммуникации. Первый том «Элементов (основ) идеологии: идеология как она есть» выходит в 1801 г., второй («Общая грамматика») – в 1803 г., третий («Логика») – спустя два года, и завершающий («Трактат о воле и ее воздействиях») в 1815 г. В своей совокупности эти учебники и соответствующие им дисциплины должны были создать некую

«экзистенциальную» композицию, в которой теоретическая основа, зафиксированная в первом томе, должна определять практическую деятельность, регулируемую нормативами грамматики, логики и теорией морали.

Таким образом, идеология – не автономна, но может существовать и, соответственно, рассмотрена лишь как составная, хоть и основополагающая (теоретическая, концептуальная, наконец, философская), часть всего комплекса – грамматики, логики, этики. Только в таком сочетании она работает. Таким образом «под контроль» берется вся деятельность человека, практика как таковая. Легитимация законодательных нормативов форм деятельности, а в последующем и управление ими, происходит через регулирование (с минимальным количеством первичных аксиом, представленных как «очевидности», либо, ведь речь идет о дрессуре еще не привычных к самостоятельному мышлению сознания, как «данности») самого производства дискурса. Само по себе это – в отдельных сегментах – уже было проработано до де Траси. В особенности показателен проект «универсальной грамматики», артикулированный еще до Просвещения и послуживший неким эпистемологическим «условием возможности» для формулирования основных его, Просвещения, идей. «Грамматика Пор-Рояля», на которой воспитывалось и французское Просвещение, и последующие поколения. Даже тогда, когда она была формально упразднена, все равно выступала тем операционно-эпистемологическим априори, что настраивало «взгляд» любого говорящего. Прямое и непосредственное соотнесение звуков и букв в первой части «Грамматики» – это, по сути, антропологически-онтологическая легитимация и речи, и письма. А также всех последующих, строго регламентированных, хоть предварительно и фундированных, процедур, наделяемых и при введении, и при функционировании дискурсивным алиби (через именование, отсылки, допускаемые или исключаемые связи и пр.). Но самое примечательное содержится во второй части «Грамматики», где в одной связке присутствуют сознание (рассудок) человека (ну и человек, разумеется) – речь – письмо: «Наш рассудок может производить три операции: Созерцать, Судить и Умозаключать. Созерцание – не что иное, как простой взгляд нашего рассудка на вещь, либо чисто духовный; ... либо соотнесенный с телесными образами... Суждение – это утверждение, что вещь, которую мы созерцали, является таковой, либо таковой не является... Умозаключение – это использование двух суждений для выведения из них третьего» [16, с. 90] Далее авторы характеризуют различные части речи, соотнося их с теми операциями рассудка (а значит – и коррелирующими формами реальности), которые они структурируют и оформляют: «Объекты наших мыслей являются либо вещами... которые называются субстанциями, либо способами существования вещей,.. называются акциденции... Это обусловило основное различие между словами, которые обозначают объекты мыслей: те из них, которые обозначают субстанции, были названы именами существительными, а те, которые обозначают акциденции, указывая на субъект, коему эти акциденции соответствуют, называются именами прилагательными» [16, с. 94]. Аналогичным образом разъясняются и другие части речи. Таким образом, получается, что, первично связав (аксиоматически) реальность, сознание и речь (букву), мы можем управлять реальностью посредством речи (слов и выражений). Напомню, что пор-роялевская «Грамматика» также задумывалась и долгое время функционировала как учебное пособие, т. е. использовалась при первичной настройке сознания-взгляда. «Логика» Пор-Рояля, вышедшая после «Грамматики», – это уже развитие

и «частный случай» использования той же самой реализации того же самого принципа настройки «взгляда» и, соответственно, расчерчивания (структурирования) реальности.

Картина мира, которая предстала перед европейским человеком в XVIII в., была им интегрирована и многократно-многовариантно воспроизведена в последующем, благодаря «Энциклопедии» Дидро–Даламбера, – может рассматриваться как образно-фигуративная иллюстрация грамматической структуры речи (французской вначале, а потом – и многих других языковых континуумов). В этом отношении де Траси воспроизвел модель, лишь акцентировав внимание на точки-звенья-практики, в которых происходило производство дискурса (его же – реальности), но при этом весьма существенно трансформировал общий «метафизический саунд», сместив – а по суди дела изменив – «план трансценденции» в сторону фигур «плана имманентности» (Делез-Гваттари). Важно, что «первичный толчок» был столь прост и непосредственно наивен, как и в «Грамматике» Пор-Рояля. «Знания о любом живом существе неполны, если не изучены его умственные способности. Идеология есть часть зоологии, а в зоологии человека эта часть особенно важна и заслуживает глубокого изучения» [17, с. 26] И начинает свое интеллектуальное путешествие автор с констатации «очевидного»: «Думать ... всегда означает ощущать, и ничего иного, кроме ощущать... слово “думать” обозначает акт восприятия вторичных впечатлений, которые являются производными от собственных ощущений: воспоминаний, отношений, желаний» [17, с. 51] Все последующие, имеющие отношение только и исключительно к чистому умозрению (операциями рассудка-сознания), базируются на онтологически-антропологическом постулате: «Мыслить – значит чувствовать; чувствовать – значит воспринимать свое существование тем или иным способом: у нас нет иного способа узнавать, что мы существуем» [17, с. 106]. В той же мере это относится и ко всем остальным частям Идеологии. Поэтому все остальные разделы-подразделы идеологического комплекса, в сущности, не могут быть квалифицированы исключительно как логические или семиотические, но – с онтологическими сегментами. Показательно, что сам автор мыслил идеологию в качестве некоей мета-теории, призванной прояснить сущность всех наук, независимо от предметных полей, а также их систематизировать. Также им предлагается и единая стратегия (собственно научная методология) – аналитика идей и знаков. Безусловно, язык (речь) выполняет в общей схеме принципиальную роль. Являясь – самим по себе и изначально – результатом многочисленных актов восприятия реальности (данной нам исключительно в ощущениях), фундированный «онтологическим архивом», накопленным предыдущими поколениями живших людей и выведенным за скобки, он, т. е. язык (и все совершаемые с ним манипуляции), и есть средоточие и смысл знания, а значит, постижения реальности, а значит, и обладания ей.

Вернемся к научному коммунизму. Как и в случае с Дестютом де Траси откровенная «идеологичность» этого дисциплинарного проекта заката Советской империи – отнюдь не означает, что он – прихоть или результат заговора злоумышленников или корыстных мошенников, вознамерившихся «оболванить массы», рекламируемую им очевидную иллюзорность. Он, научный коммунизм, боится и онтологически (через простую и извечную философскую бинарию – бытие-сознание), и социологически (через истматовскую, подтвержденную для усиления эффекта политэкономическими конструкциями, панораму развития человеческого общества), и исторически (через историю КПСС как нарратива реаль-

ности), и семиотически-лингвистически-логически (от де Трасси: коли ты оперируешь-мыслишь буквами-словами-частями речи, и твое сознание ими маркировано, то ты в принципе и в конечном счете, хотя бы и «стихийный» и не подозревающий о том – коммунист, научный), и операционно-институционально. Последнее едва ли стоит пространно доказывать: научный коммунизм – хотя и после своего введения в вузовские программы – функционировал в том же самом режиме, что и любой другой сегмент легально-легитимного на тот сегмент познания. Как это ни парадоксально может прозвучать, в рамках научного коммунизма соблюдались те же самые процессуальные регламенты дискурсивного производства, что и в других областях – хоть гуманитарного, хоть негуманитарного – научного знания. В процедурном отношении научный коммунизм – это не только вузы и люди, задействованные в образовательно-воспитательных ритуалах (а это – миллионы), но и научно-исследовательские подразделения-сектора, издаваемая литература, документация (дипломы, удостоверения, протоколы, свидетельства) и, наконец, предметно-тематические наборы и сопряженные с ними – стилистики дискурсивного оформления. Несмотря на очевидную тотальную унификацию всей сферы локально-региональные особенности, разумеется, имели место. Среди таковых интерес – с точки зрения прояснения значимых, но не слишком очевидных в общей концептуальной структуре, нюансов, чаще всего остающихся за пределами внимания – представляет опыт Санкт-Петербурга (в маркировке эпохи – Ленинграда), в частности – Санкт-Петербургского университета, в досоветские времена лидера в производстве гуманитарного, философско-идеологического в частности, дискурса.

Как в случае с научным коммунизмом как таковым, а также с Дестютом де Траси и его теоретическим наследием, об Акате Калистратовиче Белых сегодня можно найти очень мало сведений. Его слова цитируются в упомянутой статье М. Ю. Немцева («Преподаватель Ленинградского университета А. К. Белых заявил: “Заявления о ликвидации курса НК, которое идет в Ленинграде (со ссылкой на московские круги), мы можем расценить как отсутствие политического воспитания у разносчиков этого слуха и зараженность культом личности. Так мы должны расценивать этот слух”» [1, с. 35]. И. Ф. Ярулин, именитый российско-татарский социолог, в своем интервью, вспоминая студенчески-аспирантские годы, проведенные в Ленинградском университете, несколько раз упоминает А. К. Белых. На нескольких сайтах содержатся весьма скудные биографические сведения [18, 19]. В исторических очерках, размещенных на сайтах факультетов политологии, социологии и Института философии СПбГУ, также, как и в печатных изданиях различного толка, публикуемых к знаменательным и юбилейным датам тех или иных подразделений университета (факультетов, институтов, кафедр, отделений и пр.) последних 30 лет, его имя полностью отсутствует. В официальной и публичной иконографии университета он представлен лишь как «профессор, ветеран труда». Да и в кулуарах о нем не вспоминают вовсе, что по меньшей мере странно, если учесть что с 1962¹ по 1992 г. (до момента полной ликвидации подразделения) Акат Калистратович был бессменным заведующим громадной кафедрой – в некоторые годы состав доходил до 30 человек – на философском факультете ЛГУ (ныне – СПбГУ), руководителем соответствующего отделения, на котором обучалось до трети студентов и аспирантов факультета, с конца 90-х гг. XX в. из недр этой кафедры вышли фа-

---

¹ Именно эта дата обозначена в «Биографике» на сайте СПбГУ, что, скорее всего, не соответствует действительности, но точную дату открытия кафедры установить не удалось.

культеты социологии и политологии, которым все это время руководили и руководят по большей части либо его, А. К. Белых, младшие коллеги, либо – ученики и последователи, не говоря уже о том, что кафедры научного коммунизма, существовавшие во всех ленинградских вузах, в основном пополнялись кадрами, прошедшими профессиональную дрессуру в руководимом им подразделении. С профессионально-дисциплинарной мне понятно почему так происходит – если вспомнить о тех топографически-эйдетически-процессуальных горизонтах, в которых разворачивалась интрига: с А. К. Белыхом, равно как и научным коммунизмом в целом не понятно «что делать»: как его идентифицировать, под какую рубрику подводить, в какую традицию наследования вписывать, и, что самое главное, как оценивать с интеллектуальной и научно-познавательной точки зрения то, что он сделал и написал.

На первый взгляд, вроде бы все очевидно: идеологическая агитка, на потребу дня, рабочая марионетка-проводник «в широкие массы советской интеллигенции» директив Политбюро ЦК КПСС со всеми вытекающими отсюда дискредитирующими опошляющими эпитетами (душитель-душегуб свободы, каратель и цензор, вздорный диктатор, оболванивающий людей и т. д.). Но с другой стороны, если посмотреть на масштаб произошедшего, а также на длительность, то очевидно, что, во-первых, перед нами не просто случайный и вздорный эксцесс, не имеющий под собой почву, но, напротив, явление во всех отношениях не с научным коммунизмом и не с Белыхом начавшееся, и с их устранением – не закончившееся, ну и, во-вторых, весьма характерное как для истории отечественной, так и европейской (по крайней мере) идей, имеющее множество аналогов и в прошлом, и в настоящем. Могу предположить, что перед нами – впечатляющий конструкт идеологически-теологически-схоластического толка, причем высокой интеллектуальной пробы, не лишенный изящной виртуозности, представленный в соответствии с «гением и духом места» – столице империи.

Во всех отношениях А. К. Белых – фигура мощная. Об общественно-организационной стороне распространяться не буду: это очевидно. Коснусь лишь некоторых аспектов его профессиональной деятельности, что получила фиксацию в его текстах. В 1958 г., еще до оформления доктрины научного коммунизма А. К. Белыхом была защищена кандидатская диссертация (по философии!) – «Соотношение экономики и политики в социалистическом обществе», впоследствии изданная отдельной книгой. В ней в полной мере используется каноническая, как она утвердилась в диалогно-истматовском комплексе, атрибутивная дефиниция, т. е. устоявшийся к тому времени понятийный аппарат – классовая борьба, пролетариат, общественное бытие и общественно сознание, отношение к собственности и пр. Т. е. все теоретические построения с самого начала и до самого конца выдерживаются в рамках размеченного поля, значимые смысловые точки которого, как было уже показано выше, – не аксиоматические догмы, но – гипердисциплинарные отсылки. Главная же интрига закручивается вокруг политики (как дискурса и института). Вопрос чисто схоластический: как увязать очевидную автономность политической сферы с непреклонностью многократно заявленной тотальностью примата бытия (общественного бытия – экономики – классовых отношений) над сознанием. Логическая последовательность мыслительных шагов такова: «Соотношение экономики и политики – сложный процесс, характеризующийся рядом закономерностей. К их числу относятся: 1) определяющая роль экономики по отноше-

нию к политике; 2) относительная самостоятельность политики; 3) активная роль политики в отношении экономики; 4) первенство политики над экономикой» [20, с. 9]. Каждое положение, а также переход от одного тезиса к другому – это и составляет содержание работы – доказываемая в полном соответствии и в прямом соотношении с каноническим набором текстов классиком марксизма-ленинизма и в каждом своем звене неопровергаем в принципе. Однако крайние точки – п. 1 и п. 4 – прямо противоположны.

Докторская диссертация, по философии же, защищенная менее, чем через 10 лет после кандидатской, в 1967 г., с одной стороны, является тематическим продолжением, с другой, изощренная апологетика необходимости существования политической организации общества (государства) в ситуации, когда, казалось бы, всякая необходимость в нем отпадает – в условиях социализма (тем паче коммунизма), где исчезновение атрибутивных маркеров «антагонизма» постулировано в доктрине. Вначале проговаривается марксистско-ленинский догмат-вывод «о классах как главных носителях политических отношений, который вытекает из применения... научной методологии марксизма-ленинизма, в частности диалектико-материалистической теории предмета (вещи), свойства и отношения» [21, с. 8]. Также подтверждается и «общетеоретический ландшафт»: «Политическая организация общества – особое реально относительно самостоятельное явление, связанное с функционированием классов, государства, общественно-политических организаций» [21, с. 9]. Однако уже на первых страницах – в качестве собственно предмета разговора-исследования – тут же делает оговорку: «...из всех элементов политической организации нашего общества основными являются субъекты (носители) политических отношений, т. е. определенные образования человеческих коллективов. Они же суть и субъекты управления» [21, с. 8]. Вроде бы никакого сумбура или очевидной состыковки с базовым набором элементов, репрезентирующих «общие закономерности развития бытия, общества и мышления» не происходит, но случается сдвиг, изменения ракурса (посредством оператора «субъект»), в результате чего становится доступным для легального аналитического обозрения горизонт конкретной технологической оснастки, в котором первично-субстанциональный набор иной, причем, с точки зрения материально-идеальной бинарии, весьма двусмысленный, – совокупности людей, которые «имеют свои аппараты, их деятельность материализована (как бы овеществлена) в определенных учреждениях и институтах. Поэтому они могут быть условно рассматриваемы как социальные «предметы» («вещи») [21, с. 9]. Открывшееся пространство и обозревается, и осваивается (теоретически разумеется), и легитимируется в качестве допустимого предмета уже практически-прикладных спекуляций (суть – социология и политология в сегодняшней дисциплинарной разверстке). Замечательно даже не то, что «теоретически» классы остаются при социализме – необходимость пролонгированного бытия уже была мифологически-поэтически засвидетельствована ранее, а то, что всякий дискурсивный «объект» (управление, право, власть, практика, экономика, социальность, наука и пр.) всякий раз «привязывается» (через политику) и удостоверяет свою «вторичность» (производность) по отношению к акциденциям первого порядка. Таким образом, «политическая организация общества» становится, по сути дела, вневременным универсальным конструктом, который можно «натянуть» на любую конкретную ситуацию, или, что точнее, идентифицировать последнюю в нужном, т. е. строго-научном правильном ключе. Показательным можно считать послед-

ний раздел работы «Политическое руководство Коммунистической партии», который раскрывает поистине безграничные возможности и варианты (готовую схему) «надлежащей интерпретации» директив суверенного субъекта власти, каковым на тот момент была КПСС. Наглядные примеры применений этой технологии могут служить следующие издания кафедры ЛГУ теории Научного коммунизма, вышедшие под его руководством и с его заглавными статьями: «Развитие 25 съездом КПСС теории социалистического общества» (1978 г.), «26 съезд КПСС о развитом социалистическом обществе» (1983 г.), и «Разработка 27 съездом КПСС проблем научного коммунизма» (1988 г.), выходявшие в издании ЛГУ в многотомной серии «Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Проблемы научного коммунизма».

Среди интеллектуально-исследовательских сюжетов, которые прямо и непосредственно были инициированы А. К. Белых, и вызвали невероятный резонанс как в гуманитарно-научном, так и в общественном дискурсе позднесоветской эпохи, были методологические проблемы теории научного коммунизма (т. е. вопросы собственной организации и функционирования дисциплины, ее предметно-операционно-производственные аспекты, относящиеся к чистому умозрению – логически-эстетическая проработка конструкта) и концепт «развитого социализма», прародителем которого он был, наделавшего довольно много шума в общественном сознании советских людей последних двух десятилетий эпохи. Но разбор этих сюжетов, и в качестве актуальной для гуманитарного знания заката советской империи зоны, и как предметов особого интеллектуального попечения А. К. Белых, требует отдельного и развернутого разговора. Сейчас же сделаем несколько итоговых предположений.

Заключение. Научный коммунизм – весьма значимый, неслучайный, но характерный для отечественной мысли, интеллектуальный конструкт. Коллективный, т. е. в его реализации-творении задействовано большое количество людей (интеллектуалов, но и не только), а значит, его можно рассматривать как направление, традицию, стилистику. Среди исторических аналогов, использующих тот же самый стратегически-тактический арсенал средств выражения и фиксации (т. е. технология дискурсивной оснастки) его можно и сравнить, и уподобить с известными спекулятивными конструктами теологического характера: высокой схоластикой или, если воспользоваться эффектным определением С. Жижека, которое он использовал при анализе идеологии, – «Возвышенной». А. К. Белых и его работы – один из ярких, успешных и впечатляющих примеров «работы» в этой области. Причем, с очень ощутимым «питерским (не ленинградским) акцентом»: имперская иррациональная (рациональным образом оформленная) тотальность и чистота стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Немцев М. Ю. К истории советской академической дисциплины «Основы научного коммунизма» // Идеи и идеалы. 2016. №1 (27), ч. 1. С. 23–38. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-23-38.
2. Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР. М.: Сов. наука, 1963. № 8.
3. Диалектический материализм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / под ред. А. М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 8. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 09.08.2020).

4. Исторический материализм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / под ред. А. М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 10. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 09.08.2020).
5. История Коммунистической партии Советского Союза / Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. М.: Политиздат, 1976.
6. Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянова. М.: Политиздат, 1955.
7. Научный коммунизм / П. Н. Федосеев, В. Г. Афанасьев, К. Н. Брутенц и др. М.: Политиздат, 1976.
8. Научный коммунизм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / под ред. А. М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 17. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 09.08.2020).
9. Голованов Б. Д. Идеология как феномен французского Просвещения и ее философские истоки // Актуальні проблеми духовності. Збірник філософських праць. 2006. № 7. С. 104–113.
10. Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопр. философии. 2013. № 8. С. 146–149.
11. Кротов А. А. Из истории философии образования эпохи Просвещения: Кондильяк и Дестют де Траси // Философские науки. 2014. № 9. С. 129–140.
12. Ланина Е. Е., Ланин Д. А. Идеи и знаки: семиотика, философия языка и теория коммуникации в эпоху Французской революции. СПб.: Лики России, 2004.
13. Бирюкова Н. Б. Концепция логики Дестюта де Траси // Логическая мысль во Франции XVI – начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. М.: КомКнига, 2006. С. 103–120.
14. Дестют де-Траси, Антуан-Луи-Клод // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. К. К. Арсентьева, Ф. Ф. Петрушевского. Т. Ха (20). СПб.: Семеновская типолит., 1893. С. 488.
15. Фролова А. Л. Дестют де Траси // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH60441d1696bcc6acb3e060> (дата обращения: 09.08.2020).
16. Арно А., Лансло Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / пер. с фр. Н. Ю. Бокардовой. М.: Прогресс, 1990.
17. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М.: Академ. Проект: Альма Матер, 2013.
18. Белых Акат Калистратович // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1233-belykh-akat-kalistratovich.html> (дата обращения: 09.08.2020).
19. Бичурский Живой Журнал. Все о Бичуре и бичурянах // LiveJournal. 2020. URL: <https://bichura-rodina.livejournal.com/2757.html> (дата обращения: 09.08.2020).
20. Белых А. К. Соотношение экономики и политики в социалистическом обществе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959.
21. Белых А. К. Политическая организация общества и социалистическое управление. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.

Информация об авторе.

Соколов Евгений Георгиевич – доктор философских наук (2002), профессор кафедры русской философии и культуры института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 4 монографий и более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: современная культура, советская философия, русско-советский авангард, история общественной мысли в России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9843-8371>. E-mail: egsllov@gmail.com

REFERENCES

1. Nemtsev, M.Yu. (2016), "On the history of the Soviet academic discipline "Foundations of Scientific Communism"", *Ideas and Ideals*, no. 1 (27), iss. 1, pp. 23–38. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-23-38.
2. *Byulleten' Ministerstva vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya SSSR* [Bulletin of the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the USSR] (1963), no. 8, Sovetskaya nauka, Moscow, USSR.
3. "Dialectical materialism" (1972), *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t., 3-e izd.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol., 3rd ed.], in Prokhorov, A.M. (ed.), vol. 8, Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, RUS, available at: <https://gufo.me/dict/bse> (accessed 09.08.2020).
4. "Historical materialism" (1972), *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t., 3-e izd.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol., 3rd ed.], in Prokhorov, A.M. (ed.), vol. 10, Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, RUS, available at: <https://gufo.me/dict/bse> (accessed 09.08.2020).
5. Ponomarev, B.N., Volin, M.S., Zaitsev, V.S., Mints, I.I. and etc. (1976), *Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz* [History of the Communist Party of the Soviet Union], Politizdat, Moscow, USSR.
6. *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy] (1955), in Ostrovityanov, K.V. (ed.), Politizdat, Moscow, USSR.
7. Fedoseev, P.N., Afanas'ev, V.G., Brutents, K.N. and etc. (1976), *Nauchnyi kommunizm* [Scientific communism], Politizdat, Moscow, USSR.
8. Scientific communism (1974), *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t., 3-e izd.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol., 3rd ed.], in Prokhorov, A.M. (ed.), vol. 17, Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, RUS, available at: <https://gufo.me/dict/bse> (accessed 09.08.2020).
9. Holovanov, B.D. (2006), "Ideology as a phenomenon of the French Enlightenment and its philosophical origins", *Actual Problems of Mind. Philosophy Journal*, no 7, pp. 104–113.
10. Ivanova A.S. (2013), "The beginnings of "ideology": Antoine Destut de Tracy and his science of ideas", *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], no. 8, pp. 146–149.
11. Krotov, A.A. (2014), "History of Educational Philosophy in the Enlightenment: Condillac and Destutt de Tracy", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 9, pp. 129–140.
12. Lanina, E.E. and Lanin, D.A. (2004), *Idei i znaki: semiotika, filosofiya yazyka i teoriya kommunikatsii v epokhu Frantsuzskoi revolyutsii* [Ideas and Signs: Semiotics, Philosophy of Language and Communication Theory in the Era of the French Revolution], Liki Rossii, SPb, RUS.
13. Biryukova, N.B. (2006), "The concept of logic by Destut de Tracy", *Logicheskaya mysl' vo Frantsii XVI – nachala XIX stoletii: Frantsuzskie predvoskhishcheniya idei matematicheskoi logiki* [Logical thought in France in the 16th – early 19th centuries: French anticipations of the ideas of mathematical logic], KomKniga, Moscow, RUS, pp. 103–120.
14. "Destut de Tracy, Antoine-Louis-Claude" (1893), *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron], in Arsent'ev, K.K. and Petrushevskii, F.F. (ed.), vol. Xa (20), Semenovskaya Tipolitografiya, SPb, p. 488.
15. Frolova, A.L. (2010), "Destyut de Trasi", *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t., 2-e izd.* [New philosophical encyclopedia: in 4 volumes, 2nd ed.], in Stepin V.S. (ed.), *Mysl'*, Moscow, RUS, available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH60441d1696bcc6acb3e060> (accessed 09.08.2020).
16. Arnauld, A. and Lancelot, Cl. (1990), *Grammatika obshchaya i ratsional'naya Por-Royalya* [General and rational grammar of Port-Royal], Transl. by Bokardova, N.Yu., Progress, Moscow, USSR.
17. Destutt de Tracy, A.-L.-K. (2013), *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova* [Éléments d'idéologie: Idéologie proprement dite], Transl. by Lanin, D.A., Akademicheskii Proekt, Al'ma Mater, Moscow, RUS.
18. "Belykh Akat Kalistratovich", *Biografika*, available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1233-belykh-akat-kalistratovich.html> (accessed 09.08.2020).

19. "Bichursky LiveJournal. All about Bichura and Bichuryans" (2010), *LiveJournal*, available at: <https://bichura-rodina.livejournal.com/2757.html> (accessed 09.08.2020).

20. Belykh, A.K. (1959), *Sootnoshenie ekonomiki i politiki v sotsialisticheskom obshchestve* [The ratio of economics and politics in a socialist society], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.

21. Belykh, A.K. (1967), *Politicheskaya organizatsiya obshchestva i sotsialisticheskoe upravlenie* [Political organization of society and socialist governance], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.

Information about the author.

Evgeniy G. Sokolov – Dr. Sci. (Philosophy) (2002), Professor at the Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 4 monographs and more than 100 scientific publications. Area of expertise: modern culture, Soviet philosophy, Russian-Soviet avant-garde, history of social thought in Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9843-8371>. E-mail: egslov@gmail.com

Iconicity and Deconstruction: the Prose by Vladimir Nabokov and the 20th Century Post-Modernist Philosophy

Nina F. Shcherbak✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉n.sherbak@spbu.ru

Introduction. This research aims at analyzing the novel by Vladimir Nabokov *Transparent Things* (1972) from the perspective of post-modernist philosophy. By post-modernist philosophy I mean the post-structural view of the sign theory, that focuses on iconicity, symbolic and iconic nature of the sign, the concept of deconstruction, the concept of rhizome, the concept of silence, the concept of *différance* (as stated by Derrida), the concept of difference and repetition introduced by G. Deleuze. This philosophy is linked to a more general view expressed, for instance, by Derrida (in his work *the Gift of Death (Donner la mort)*). The main innovative element of this research, therefore, is to study the prose by Nabokov as an example of post-modernist writing simultaneously applying the views and concepts introduced by cognitive linguistics, literary critics and post-modern writers like J. Derrida, U. Eco, R. Barthes.

Methodology and sources. The research method used is semantic and structural analysis of the novel by Nabokov *Transparent Things*. Its main tool is the use of ideas introduced by French poststructuralists regarding the theory of sign, the symbolic nature of language, study of multiple meanings generated by a word in the process of its use and decoding.

Results and discussion. The results of this research allow to outline main tendencies in the development of the 20th century narrative. It adheres to the general law of multi-level structure of the novel, play of words and sounds, which corresponds to the general view of difference (as coined by Derrida), deconstruction, rhizome, iconicity of sign. The rhizomorphic structure of the novel at the same time is mirror-like, which allows to apply the difference-repetition dichotomy put forward by G. Deleuze. If the micro-structure of Nabokov's texts allows to make generalization about the author's use of language, its macro-structure reveals deeper philosophical notions, implying that the death of the character in the novel leads to the study of the transcendental, or "the Other" in psychoanalytical terms, thus putting the plot on a different scale of values. The view of language and its structure in its relation to the notion of transparency, allows to see the sign in a Heideggerian way, as bearing the replica of the world, having more in itself about the world, than anything else.

Conclusion. The novel *Transparent Things* by Nabokov falls into the category of similar novels in which the author develops symbolic language and explores its potential, following the general pattern and establishing the rules of narrative construction in post-modern tradition.

Keywords: Nabokov, post-modernism, difference and repetition, deconstruction, theory of sign.

For citation: Shcherbak N. F. Iconicity and Deconstruction: the Prose by Vladimir Nabokov and the 20th Century Post-Modernist Philosophy. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 37–48. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-37-48

© Shcherbak N. F., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Source of financing: the work was supported by a grant M1_2020 (project "Literary texts and its language vs qualitative, corpus and computer-assisted methods: testing and evaluation (Nabokov and comparative analysis)").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 19.10.2020; adopted after review 10.11.2020; published online 25.12.2020

Иконичность знака и деконструкция: проза Владимира Набокова и философия постмодернизма

Н. Ф. Щербак✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉n.sherbak@spbu.ru

Введение. Данная статья посвящена анализу текстов Владимира Набокова (на примере романа «Просвечивающие предметы» (1972)) с позиций постмодернистской философии. Под постмодернистской философией понимается постструктуралистский взгляд на теорию знака, теорий, обозначенных Ж. Дерридой и его последователями. Изучается феномен различия (*différance* – концепт, введенный Дерридой), концепт «различие и повторение», представленные Жилем Делезом. Изучается процесс деконструкции знака, проблемы, обозначенные в работе Дерриды «Дар смерти» (*The Gift of Death*). Основным новаторским элементом данного исследования является комплексный подход, совмещение лингвистических, литературоведческих и философских концепций при изучении прозы Набокова как примера постмодернистского письма.

Методология и источники. В качестве метода исследования использован семантический и структурный анализ романа Набокова с использованием метода биографического анализа. Используются концепции, введенные французскими постструктуралистами относительно теории знака, символической природы языка, множественности значений, порождаемых словом в процессе его употребления и понимания.

Результаты и обсуждение. Результаты данного исследования позволяют наметить основные тенденции в развитии нарратива XX века, который следует общему закону многоуровневой структуры романа, игры слов и звуков, «исключения» вместо «включения», «открытости структуры», вместо «закрытости», «синтагматичности», вместо «парадигматичности», следа или жеста, вместо знака, и т. д. Таким образом, идея «различия» (*différance*) позволяет избежать традиционных оппозиций, являть собой «общий корень всех оппозиционных понятий, которые маркируют наш язык, быть в качестве единого означающего для любых парных смыслов метафизического порядка. Ризоморфная структура романа зеркальна, что позволяет применить дихотомию различия-повторения, выдвинутую Ж. Делезом и Ф. Гваттари, трактовать концепты «пустоты», «молчания», «белого шума». Если микроструктура набоковских текстов позволяет сделать обобщение об использовании автором языка, то его макроструктура раскрывает более глубокие философские понятия, предполагает изучение трансцендентного, применяя иную шкалу ценностей. Взгляд Набокова на язык и его структуру, его отношение к концепту «прозрачности» позволяет увидеть знак в «хайдеггеровском ключе», как знак иконический (подобный иероглифу), т. е. как несущий определенное знание о мире.

Заключение. Роман Набокова «Просвечивающие предметы» относится к разряду романов, в которых автор развивает символический язык и исследует его потенциал, следуя общей схеме и устанавливая правила повествовательного построения в постмодернистской традиции.

Ключевые слова: Набоков, постмодернизм, различие и повторение, деконструкция, постструктурализм.

Для цитирования: Щербак Н. Ф. Иконичность знака и деконструкция: проза Владимира Набокова и философия постмодернизма // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 37–48. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-37-48.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта М1_2020 «Литературные тексты и их язык vs количественные, корпусные и компьютерные методы: взаимное тестирование (Набоков и сопоставительный материал)».

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 19.10.2020; принята после рецензирования 10.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Introduction. This article aims at analyzing the novel by Vladimir Nabokov *Transparent Things* (1992) from the perspective of post-modernist philosophy. By post-modernist philosophy we imply the post-structural view of the sign theory, as well as the views expressed by J. Derrida and his view of difference and deconstruction of the sign. This philosophy is linked to a more general view of expressed by Derrida (for example in his work *the Gift of Death (Donner la mort)* which implies that death is the only real gift that is a gift, as in the hypothetical situation of an action or imagined action, it means that one doesn't expect anything back). The main innovative element of this research is to study the prose by Nabokov as an example of post-modernist writing simultaneously the views and concepts introduced by linguistics, as well as by J. Derrida, U. Eco, R. Barthes, other poststructuralist thinkers.

The title of the novel contains the term “différance” introduced by Derrida. It is the concept of postmodernism philosophy, which is “the common root of all oppositional concepts that mark our language”. As a single signifier for any paired meanings of the metaphysical order (for example: “presence” – “trace”), Derrida introduced the term in order to overcome a number of traditional foundations of metaphysics – the ideas of “presence”, “identity”, “logos”, etc.

Methodology and sources. The research method used is semantic and structural analysis of the novel by Nabokov with the use of some biographical details. Its main tool is the use of ideas introduced by French poststructuralists regarding the theory of sign, the symbolic nature of language, iconicity which accounts for multiple meanings generated by a word in the process of its use and comprehension (or decoding).

Differance and deconstruction: its application to the study of texts. Derrida first uses the term “différance” in his 1963 paper *Cogito et histoire de la folie*. The term “différance” then played a key role in Derrida's engagement with the philosophy of Edmund Husserl. The ⟨a⟩ in the word “différance” is a deliberate misspelling of difference. This misspelling highlights the fact that its written form is not heard, and serves to further subvert the traditional privileging of speech over writing, as well as the distinction between the sensible and the intelligible. The difference articulated by the ⟨a⟩ in “différance” is not apparent to the senses via sound (as the two words are pronounced in the similar way), “but neither cannot it belong to intelligibility”, and this is because the language of understanding is already caught up in sensible metaphors. The notion of “différance” allows to study the powerful and inexplicable power of the language.

Deconstruction is another important term introduced by Derrida that shakes up a concept like text in a way that provokes questions about the borders, the frontiers, the edges, or the limits that have been drawn to mark out its place in the history of concepts.

Theory of sign and its application to the study of Nabokov's prose. By “theory of sign”, I mean the transformations of the idea of Frege’s semantic triangle and, for instance, the realization (with further publication in the work *the Meaning of Meaning* (1923) by Ogden and Richards) [1, p. 4–8] the view about the relation of a symbol to reference and referent. An important vector of development in the “theory of sign” is the change of the structural view of sign to the post-structural view of sign, which is reflected in the former “break” with the referent, and, regarding the latter, break with the reference. In other words, the post-structural view of the linguistic sign (similar to any other sign) is its ability to generate a number of meanings in the context, sometimes simultaneously [2, p. 160–161]. This view allows to explore Nabokov’s prose as a constant play with signs, sounds, meanings, on a micro-level, and having numerous attempts of play within the plot, on a macro-level, exploring open ending and possible echoes of famous plots and story lines.

Symbolic or iconic view of the language sign. According to Pierce [3], there are three types of semiotic signs. They could be symbolic, iconic, or index kind of signs. Most signs of the language are considered to be symbolic, as the relation of a sign to what it signifies, is arbitrary. On the other hand, phono-semantic research has proved that there are a lot of exceptions, that is, a great deal of words, roots of words, parts of words have a direct correlation to what they signify (an open vowel or a closed one might signal about the positive or the negative connotation or change a pragmatic force of the whole sentence). Nabokov’s texts often act as icons, as the meaning could be embodied not only in words, but act “around the word”. The syntactic structure of the sentence, iconic proximity (that is lexical density) could also account for the construction of the symbolic language and play an important part in the process of generating extra meanings.

The unity of the form and the meaning. The famous, almost general view of Ferdinand de Saussure that the form is inseparable from meaning, is challenged by a number of researchers, for instance, prof. Archipov [4], when in his works, he addresses the notions of the form being transformed to the addressee, not the meaning. The form is then decoded by the receiver of the message. This allows to develop further the idea of “internal speech” (introduced by Vigotsky) and prove the ability of a human being to “think in images rather than only in words”. This almost revolutionary view has been supported by researchers like Zhinkin [5, p. 158], who modified the concept of “internal speech”, believing that there is a universal subject-schema code in which “there are no signs of natural language words, but there are images, schemes or images that can form a chain or grouping”.

This view is very important regarding the views that Nabokov expressed himself, and they concern the fact that, as he pointed out, he thought in images, rather than in words. To a reporter's question: “What language do you think in?”, he answered in his interview for the BBC (1962):

I don't think in any language. I think in images. I don't believe that people think in languages. They don't move their lips when they think. It is only a certain type of illiterate person who moves his lips as he reads or ruminates. No, I think in images, and now and then a Russian phrase or an English phrase will form with the foam of the brainwave, but that's about all [6, p. 138].

Rhizome, time and space subsystems, schizo-analysis, “difference and repetition”. Apart from deconstruction, post-modernists concentrated on a number of concepts that allow to explain

the main rule of the narrative construction (art creation or music writing). Rhizome as a metaphor of different connections that were not considered before has been studied by Deleuze and Guattari in their *Capitalism and Schizophrenia* (1972–1980) project. The view of interwoven motives allows to look closely at Nabokov's texts and see the connections of almost anything to everything. This is in tune with ideas of schizo-analysis that is developed in the same work, that includes *Anti-Aedepus: Capitalism and Schizophrenia* (1972) and *A Thousand Plateaux: Capitalism and Schizophrenia* (1980). Similar insights are provided by *Difference and Repetition* (1968). The philosophical notions outlined in these texts go along the lines of a general tendency of post-modern texts to change the canon, to introduce multitude of hidden agendas and playing codes. If the play with time and space subsystems allows to identify different perspectives of the characters, the orchestra of perspectives and the echoing capacity of language, the “difference and repetition” dichotomy allows to see the change of paradigm in the structural way. The “grand narratives” were making up the narrative by introducing “new” or different motives, whereas the Nabokov's text often contains a repetitive patterns of recurring events. The recurring illness, or event, or an action is a sign of a new artistic or aesthetic paradigm, rules of post-modern narrative adhere to it to its full potential [7].

Results and discussion. The results of this research allows to outline main tendencies in the development of the 20th century narrative. The narrative that adheres to the general law of multi-level structure of the novel, play of words and sounds which corresponds to the general idea of J. Derrida and his view of difference and deconstruction. The rhizomorphic structure of the novel at the same time is mirror-like, which allows to apply the difference-repetition dichotomy put forward by Derrida and G. Deleuze. If the micro-structure of Nabokov's texts allows to make generalization about the author's use of language, its macro-structure reveals deeper philosophical notions, implying that the death of the character in the novel is viewed not only as physical death, but points to the study of the transcendental, the Other. *The Gift of Death* places the plot on a different scale of values. The relation of language and structure to the notion of transparency, allows to see the sign in a Heideggerian way, as bearing replica of the world, having more in itself about the world, than anything else.

General characteristic of Nabokov's texts through the prism of linguistic and literary theories. Nabokov's texts, in general, adhere to post-modern tradition in a way that they differ tremendously from “grand narratives” and are a step forward from modernism. As pointed out by Hassan, post-modern texts differ from a more traditional form of the narrative as the closed form is generally changed into the anti-form. The aim becomes a game, the plan – an occasion, the hierarchy – the anarchy, the completed piece of writing – a process, presence turns into absence, God Father the Creator is turned into a Holy Spirit, presence becomes absence [8]. Therefore, the plot of the Nabokov's novel will always have a number of story lines developing simultaneously, a variety of different techniques combined together, a number of interwoven motives, borrowings, reminiscences, stated directly to indirectly.

Language developed by Nabokov is in a way similar to symbolic (the way that the Silver Age poets addressed it, referring to a word as “revealing its darker side in the depths of its meaning”). The wording Nabokov uses is also iconic in many ways, as each symbol or a paragraph adheres to what Ryaguzova coins a “palindrome” principle, that allows to read the word (or a sentence) from left to right and from right to left [9, p. 480–481]. This general

principle allows the author to view the word as bearing a lot of properties, including its form and acoustic properties. It allows to combine different languages, exploring iconic nature of the language as well as its symbolic dimension.

This attitude and view of Nabokov's language allows to explain the core value of his texts that explore not only the psychological, historical, literary tradition, but, above all, touch upon the study of the transcendental dimension. By transcendental dimension I mean the study of the unknown, in a broader sense, the study of the states (such as dreams) that allow to bring in the unconscious, the study of religious practices. Above all the transcendental is viewed in a Foucault tradition of looking at a "gesture to the eternity", which always addresses the ability for acute hearing, attention to minimal details of the narrative, paying attention to previously ignored items (such as punctuation marks, break of rhythm, echo-elements). As was pointed out by James Joyce, epiphany is a sudden spiritual manifestation, whether in conversation, in gesture or in the process of thinking, that is worthy of remembering. Joyce's character thought it was necessary for a writer to put down such experiences with great attention thinking these were very delicate and passing states of one's being [10, p. 5–254].

The plot, the narrative, the meaning of "Transparent Thing". The novel *Transparent Things* (1972) was originally written by Nabokov in English and published in 1972. The novel tells us the story of an American editor and the memory of his four trips to a small village in Switzerland. The time span is two decades. During one of his trips (the third one) the murder is committed which, finally, leads to madness.

As it often happens in Nabokov's texts, it is not the plot, that is so important, yet the revelation, epiphany kind of impression one gets when reading it, as well as extra meanings generated within the texts. The main topic is always the topic of a "total memory recall" almost a psychiatric ability to remember the story of one's life incorporating it into the story or culture of continents and countries. In other words, what Nabokov explores here is the metaphysics of one's memory.

The title *Transparent Things* is metaphoric by its nature and in a way resembles the idea of a concept of an "icon" (or iconic capacity of the sign), as it bears in itself almost everything, the pattern of one's mind or the pattern of the universe. Transparent things are what allows one to see a concept or a phenomenon completely, making up the final jigsaw puzzle into a full and comprehensive entity. Building up a story from different fragments is, on the one hand, characteristic of any post-modern text, on the other hand, it is an ability of an individual, to recall one's experience and in an existential manner to see the relationship of this existence to the essence, or the essence to existence, answering the question posed by Sartre at one point, if the essence precedes existence or the other way round [11].

An important concept that explains general tendencies of post-modern literature to generate meanings in a different way, one could consider the "Vvedensky hieroglyph" which is similar in many ways to the symbol. This is material, a sensually perceived object (a phenomenon or, less often, an action) that serves as a representative of another object or a number of objects, properties, relationships. Similar to a symbol, a hieroglyph is characterized by polysemy, a real embodiment, and it has meaning. The symbol carries a reference to another object or a number of objects, but these objects, in one way or another, are logically connected in meaning with the symbol that expresses them. If, according to Vvedensky, the world cannot be comprehended

logically, if the mind does not understand the world, then no logic can start its work. The hieroglyph, unlike the symbol, is absolutely arbitrary, devoid of the rudimentary natural connection between the signifier and the signified [12]. One of the main features of the hieroglyph is absurdity, illogicality. But the absence of a logical connection between the signified and the signifier does not harm the hypothetical possibility of comprehending the hieroglyph. Derrida pointed out that “by its purely intelligible facet, the signified refers to the absolute Logos and establishes a direct connection with it. In medieval theology, this absolute Logos was an infinite creative subjectivity: the intelligible face of the sign was always turned towards the word and the face of God”, therefore, if in the case of a symbol the chain of movement of our understanding of this symbol is: “signified-object – absolute Logos/word of God”, then the hieroglyph refers to the last phase of this chain. However, this is not due to the fact that the hieroglyph removes an object from this chain, but, according to Vvedensky, each object is already initially an absolute Logos [12].

Time and space subsystems in Nabokov's texts and in “Transparent Things”. The concept of transparency implicitly introduced in the text (in the title) allows to explore the non-linear properties of time. Nabokov's texts are characterized by the combination of different space and time subsystems in the text, which has been largely studied [13]. The study of numerous time and space subsystems in Nabokov's texts allow to see the underlying principle of his narrative construction, that is the development of a narrator who partially gives the character the right for the speech acts (allowing such phrases as “*But he won't, oh no*” [14] to come into play, in which “the voice” of the character is similar to the voice of the narrator).

In most cases the narrator and the character are two different entities, which allow the narrator to reflect on the fate of the character and opt for the analytical type of writing, making the narrative not a story but “permanent reflection on the story”:

But the future has no such reality (as the pictured past and the perceived present possess); the future is but a figure of speech, a specter of thought. Hullo, person! What's the matter, don't pull me. I'm not bothering him. Oh, all right. Hullo, person . . . (last time, in a very small voice).

When we concentrate on a material object, whatever its situation, the very act of attention may lead to our involuntarily sinking into the history of that object. Novices must learn to skim over matter if they want matter to stay at the exact level of the moment. Transparent things, through which the past shines! [14]

In the above given example the analysis of egocentric elements allows to see that first the narrator and the character are two different people (realized in the text as “hello, person!?”). Then the narrator as if “steps back” allowing himself to look at the character from a distance (realized in the text as “I am not bothering him”). Then, the author again reflects “uniting” with the reader by addressing himself and the readers by “we” (in the text realized as “when we concentrate on a material object”). This allows the narrator to hypothesize that there is no future, only the past (in the text “the future has no such reality (as the pictured past and the perceived present possess); the future is but a figure of speech”). This idea of “transcending time” is very characteristic of Nabokov. The idea of “total recall” and memory is what makes the story, not the predictions about the future. In this sense, “transparent things” are the absence of material, it is

the possibility to see through one's life, every moment of it up to the present (realized in the text as "transparent things, through which the past shines").

Transparency and its meaning. In many ways "transparency" is similar to the concept of "vanitas" or "silence", or the study of the "white color" explored at length by art critics [15]. The non-body, air-like sound material is related to the concept of silence [15, p. 17]. This is because the white color is an achromatic color, that together with the black one, and hues of grey, creates a full color scheme from different radiations with the assistance of different factors [15, p. 17–18]. As silence, transparency is a concept that is used in musical and art theories, as well as in literary analysis and philosophy and normally serves as a background to every detail that the text provides. Silence allows for acute hearing, for the so-called ecology of "reading" when every tiny detail is taken into account.

The view of the novel in relation to "silence" which is normally contrasted to hues of meanings and the orchestra of sound realized in poetry, for example, is problematic, as the novel is highly lexically dense. Yet, the contrast of the title to the lexically dense text is where the meaning is hidden. The meaning of the complexity of the Universe, full of details, rhizomorphic connects and paradoxes:

In his shop, and long before that at the village school, the pencil has been worn down to two-thirds of its original length. The bare wood of its tapered end has darkened to plumbeous plum, thus merging in tint with the blunt tip of graphite whose blind gloss alone distinguishes it from the wood [14].

In this example there is no white colour, the graphite and its dark colour (plumbeous plum) is described, as doing all the work. Yet the absent part of the graphite (the one third) that hasn't been used (realized in the text as "the pencil has been worn down to two thirds of its original length"), is what is "absent" from the text, that allows to make it up in one's memory or imagination. It is not what remains from the pencil, it is what has been used that is important! In a similar fashion Eagleton writes about Heidegger and his view of the language, that it is not the hammer that gives insight into matters, it is the "broken hammer" [2].

In the next example, we observe not a usual "contrast" between elements, but "blurring" and "changing the meanings" to its opposite:

It was not a ghost, however, that prevented him from falling asleep, but the stuffiness. He opened wide both casements; they gave on a parking place four floors below; the thin meniscus overhead was too wan to illumine the roofs of the houses descending toward the invisible lake; the light of a garage picked out the steps of desolate stairs leading into a chaos of shadows; it was all very dismal and very distant, and our acrophobic Person felt the pull of gravity inviting him to join the night and his father [14].

First the character sees a ghost, then "the invisible lake", "chaos of shadows", "dismal", "very distant". The "transparency" allows not to have clear outlines, allow for the change of objects and meanings, leaving a lot of space for imagination.

In art and music this phenomenon is often observed. "The move from silence to sound – the material that all my compositions dwell upon, writes Sciarrino, an Italian post-avantgarde composer, "instability that accounts for the appearance of the sound, the process of its existence, and finally – the stage of it dying out" [1, p. 31].

Mix of genres, noises and sounds, general heterogeneity. The general mix of genres allows to have a hybrid-like nature of texts. Nabokov however goes further, as in his writings living objects and man-made objects become one and the same entity. The author was criticized for his artificial kind of intellectual prose, yet the explanation for it is in general tendency of post-war music and art to mix “real object” and “manmade ones”, as musicians of post-avant-garde mix noises and musical sounds in their compositions. Groys in a similar fashion presents the process of continuous innovation in art by transferring objects from every day (profane) space to museum space. [16]. Nabokov adheres to this new tendency of the narrative (or art construction) by placing Person (the main character) among objects and making objects the central focus of his narration:

In his search for a commode to store his belongings Hugh Person, a tidy man, noticed that the middle drawer of an old desk relegated to a dark corner of the room, and supporting there a bulbless and shadeless lamp resembling the carcass of a broken umbrella, had not been reinserted properly by the lodger or servant (actually neither) who had been the last to check if it was empty (nobody had [14].

The text analyzed reveals that the author ascribes a lot of attention to commode, the drawer, umbrella. Such a view allows to “mix” together objects that were traditionally contrasted, that is “manmade” objects and the living ones, developing the world that possesses in itself objects of different kind. This is an important view, as was stated by P. Hallward, and it is important for G. Deleuze (as opposed to the psychoanalytical works written by Lacan in which concentration is on the psyche, not on a mix of living and manmade objects). Since the main strata that binds human beings together is the organism, meaning and interpretation, subjectivation and subordination, it is important to “know how the individual can transcend his form and his syntactic connection with the world” in order to become a transparent ark for this “non-organic life of things that burns us <...>, which is the divine presence in us, the divine relation in which we are alone with God as a source of light” (idea expressed by Deleuze in his work *Logic of Sense* (1969)) [17]. The main point here is the focus not on individual differences, as stated by Lacan and psychoanalysis, but an interchange and mingle of everything (following Deleuze and his idea of the “individual transcending the form”), which means when it is applied to Nabokov’s text, that any object described is partially a way of constructing the outer and inner self of a person, in general, and the main character, in particular.

Death of the character and its function in the novel. The view of Nabokov’s texts through the prism of psychoanalysis was attempted by many researchers, though Nabokov himself denied any relation of his novels to Freud. However, the view of his texts through the prism of psychoanalysis inspired many critics, for example by Orisheva in her work in *Otchayaniye* and the problem of the Other [18]. The psychoanalytic view allows to analyze the murder in *Otchayaniye* as an attempt of an artist to take full possession of his or her piece of art. In *Transparent Things*, similarly, the message that is passed on could be ascribed to the artistic action, or to a psychoanalytical one, in which “killing the Other” means getting rid of the “mirror stage” and maturing.

The death motive also echoes the famous *The Gift of Death* by Derrida, in which he famously considered deconstruction of sign not only as a linguistic problem but related it to most

fundamental metaphysical concepts. *Death of the Author* by R. Barthes brought another dimension to this motive, stating that the author has no more power over his writing, with interpreter being the key person. In this respect *Transparent Things* is an advanced piece of writing, as the story is not about the author, yet about the editor, which seems even to forecast the present times more than in his previous works. Attention to the editing stage of the novel construction seem to be very important for post-modern writing, as authors stop to be the only creator of the text. Thus, by making the main character the editor, Nabokov makes the novel even more innovative.

Post-millennial shift. It has become quite fashionable in art theory to talk about meta-modernism and neo-realistic tendencies in literature. This view is brought about as a change compensation for the “made up” world of intellectual authors. Nabokov has never opted for simplicity of any kind as the cosmic nature of his prose reflects or echoes the complexity of the world. It is the heterogeneity of his texts, multitude of meanings and motives, the unclear echoes and hues of his wording that makes up the texture of his texts about cultural history and collective memory.

Conclusion. The overall conclusion of the article is that Nabokov’s texts (the example analyzed in the article is the novel *Transparent Things*) adhere to rules of post-modern writing and correspond to the philosophy of post-structuralism. The “theory of sign” in its post-structural form, allows to consider the potential of sign, its ability to generate different meanings. The concept of deconstruction allows to view the texts as bearing the potential of multi-meanings that are actualized at the same time. The concept of “différance” allows to break the strict opposition of concepts and ideas and was introduced as a show the “trace” quality of sign, well recognized in Nabokov’s texts. The concept of “difference and repetition”, as well as the concept of rhizome as outlined by Deleuze, allow to see the change of pattern that Nabokov’s texts are characterized by. The development of the theory of sign allows to pay attention to the acoustic potential of the language used by the author, who also explores the iconic potential of the word. The general palindrome principle, attention to smallest detail in the text allow to generate a symbolic language that makes the texture of the novel lexically dense and full of motives. The amount of these meanings and polyphony of different themes create a kind of an icon in miniature, a text as an icon which simultaneously incorporates a variety of semantic and structural dimensions.

REFERENCES

1. Boucher, A.B. and Russo J.P. (1969), “An Interview with I.A. Richards”, *The Harvard Advocate*, vol. 103, pp. 3–8.
2. Eagleton, T. (2010), *Teoriya literatury. Vvedenie* [Theory of literature. An introduction], in Buchkina, E. (ed.), *Territoriya budushchego*, Moscow, RUS.
3. Burch, R.W. (1991), *A Peircean Reduction Thesis: the Foundations of Topological Logic (Philosophical Inquiries, No 1)*, Texas Tech Univ. Press, Lubbock, USA.
4. Arkhipov, I.K. (2005), “The polyphony of the world, text and loneliness of the cognizing consciousness”, *Studia Linguistica XIII. Kognitivnye i kommunikativnye funktsii yazyka* [Studia Linguistica XIII. Cognitive and communicative functions of language], Publishing House of Herzen State Pedagogical University, SPb, RUS, pp. 7–18.
5. Zhinkin, N.I. (1998), *Yazyk. Rech'. Tvorchestvo* [Language. Speech. Creation], Labirint, Moscow, RUS.
6. *Vladimir Nabokov: pro et contra: sb. v 2 t.* [Vladimir Nabokov: pro et contra: in 2 vol.] (1997), in Averin, B.V., Dolinin, A.A. and Malikova M. (ed.), vol. 1, RGKhI, SPb, RUS.

7. Deleuze, G. (1995), *Logika smysla* [Logique du sens], Transl. by Svirskii, Ya.I., Academia, Moscow, RUS.
8. Hassan, I. (1987), "Toward a Concept of Postmodernism", *The Postmodern Turn: Essays In Postmodern Theory And Culture*, Ohio State Univ. Press, Columbus, USA, pp. 84–96.
9. Ryaguzova, L.N. (2002), "The palindrome principle or internal reversibility in the texts of V. V. Nabokov", *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. Beginning and end semantics], in Arutyunova, N.D. (ed.), Indrik, Moscow, RUS, pp. 480–481.
10. Joyce, J. (2022), "Stephen Hero", *Geroi Stiven. Portret khudozhnika* [Stephen Hero. A Portrait of the Artist], Transl. by Khoruzhii, S.S., Minuvshee, Moscow, pp. 5–254.
11. Camus, A. (1955), *The Myth of Sisyphus and Other Essays*, Transl. by O'Brien, J., Alfred A. Knopf, NY, USA.
12. Shamarin, A.V. (2009), "Znakovaya priroda absurda v tvorchestve A. I. Vvedenskogo", Can. Sci. (Philol.) Thesis, MPGU, Moscow, RUS.
13. Paducheva, E.V. (2005), "Igra so vremenem v pervom glave romana Nabokova "Pnin"", *Yazyk. Lichnost'. Tekst: sbornik statei k 70-letiyu T.M. Nikolaevoi* [Language. Personality. Text: collection of articles for the 70th birthday of T.M. Nikolaeva], *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, RUS, pp. 916–932.
14. Nabokov, V., *Transparent things*, available at: https://bookfrom.net/vladimir-nabokov/33439-transparent_things.html (accessed 12.01.2020).
15. Lavrova, S.V. (2019), *Sal'vatore Sharrino i drugie. Ocherki ob ital'yanskoj muzyke kontsa XX – nachala XXI veka* [Salvatore Sharrino and others. Essays on Italian music of the late XX – early XXI century], Izd-vo Akademii Russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoi, SPb, RUS.
16. Groys, B. (2015), *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [About the new one. Cultural economics experience], Transl. by Zborovskaya, T., Ad Marginem Press, Moscow, 2015.
17. Hallward, P. (2010), "You Can't Have it Both Ways: Deleuze or Lacan", *Deleuze and psychoanalysis: philosophical essays on Delueze's debate with psychoanalysis*, in Leen, D.B. (ed.), Leuven Univ. Press, Leuven, Belgium, pp. 33–50.
18. Orisheva, O. (2011), "Vladimir Nabokov's Despair: Mortal Combat with the Other", *Topos*, no. 3, pp. 92–107.

Information about the author.

Nina F. Shcherbak – Can. Sci. (Philology) (2015), MA in English language teaching (Lancaster, UK), Associate Professor at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg, 199034 Russia. The author of 150 scientific publications, monographs and books. Area of expertise: narratology, pragmatics, cognitive linguistics, psycholinguistics, literary studies. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>. E-mail: n.sherbak@spbu.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Boucher A. B., Russo J. P. An Interview with I. A. Richards // *The Harvard Advocate*. 1969. Vol. 103. P. 3–8.
2. Иглтон Т. Теория литературы. Введение / пер. с англ. Е. Бучкиной. М.: Территория будущего, 2010.
3. Burch R. W. A Peircean Reduction Thesis: the Foundations of Topological Logic (Philosophical Inquiries. No. 1). Lubbock: Texas Tech Univ. Press, 1991.
4. Архипов И. К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica XIII. Когнитивные и коммуникативные функции языка: сб. науч. ст.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 7–18.
5. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998.
6. Владимир Набоков: pro et contra: в 2 т. / под ред. Б. В. Аверина, А. А. Долинина, М. Маликовой. Т. 1. СПб.: РХГИ, 1997.

7. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Academia, 1995.
8. Hassan I. Toward a Concept of Postmodernism // *The Postmodern Turn: Essays In Postmodern Theory And Culture*. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1987. P. 84–96.
9. Рязузова Л. Н. Принцип палиндрома или внутренняя обратимость в текстах В. В. Набокова // *Логический анализ языка. Семантика начала и конца* / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2002. С. 480–481.
10. Джойс Дж. Герой Стивен // *Герой Стивен. Портрет художника* / пер. с англ. С. С. Хоружего. М.: Минувшее, 2003. С. 5–254.
11. Camus A. *The Myth of Sisyphus and Other Essays* / transl. by J. O'Brien. New York: Alfred A. Knopf, 1955.
12. Шамарин А. В. Знаковая природа абсурда в творчестве А. И. Введенского: дис. ... канд. филол. наук / МПГУ. М., 2010.
13. Падучева Е. В. Игра со временем в первой главе романа Набокова «Пнин» // *Язык. Личность. Текст: сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой*. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 916–932.
14. Nabokov V. *Transparent things*. URL: https://bookfrom.net/vladimir-nabokov/33439-transparent_things.html (дата обращения: 12.01.2020).
15. Лаврова С. В. Сальваторе Шаррино и другие. Очерки об итальянской музыке конца XX – начала XXI века. СПб.: Изд-во Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой, 2019.
16. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры / пер. с нем. Т. Зборовской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
17. Hallward P. You Can't Have it Both Ways: Deleuze or Lacan // *Deleuze and psychoanalysis: philosophical essays on Delueze's debate with psychoanalysis* / D. B. Leen (ed.). Leuven: Leuven Univ. Press, 2010. P. 33–50.
18. Оришева О. «Отчаяние» Владимира Набокова: смертельная схватка с Другим // *Топос*. 2011. № 3. С. 92–107.

Информация об авторе.

Щербак Нина Феликсовна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций, монографий и научно-популярных книг. Сфера научных интересов: современная литературоведческая теория, нарратология, когнитивная лингвистика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>. E-mail: n.sherbak@spbu.ru

УДК 316.73

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-6-49-64>

Оригинальная статья / Original paper

Культура «перекрестка»: зарождение блюза как контркультурная декларация

М. П. Замотин✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉ jethro79@mail.ru

Введение. Вклад, внесенный в изучение музыки широким кругом дисциплин вне академического музыковедения, таких как социология, антропология, социолингвистика, филология, культурология, способствовал развитию социокультурных исследований о роли музыки в общественных, межличностных отношениях и индивидуальных переживаниях. Целью изучения в статье являются социологические и антропологические исследования музыкально-песенных традиций в контексте социальных отношений, исторических потрясений, субкультур. В последние десятилетия данные исследования представляют научный и методологический интерес для ученых, анализирующих творческую деятельность человека, ее результаты и влияние на изменения в социальных отношениях государств и народов. Блюзовую традицию можно рассматривать как социокультурное явление, и в данном контексте она выступает как контркультура.

Методология и источники. Методологическую основу исследования составляет структурно-функциональное направление в социальных науках, в рамках которого искусство, его разновидности и творчество как необходимая деятельность человека могут изучаться целым набором методик. Музыкальная культура может изучаться как объект и как текст, что предполагает наличие соответствующих подходов: текстового и контекстуального. Результатом их использования является выявление смысловых отношений, которые через творческую активность людей влияют на социальные связи и отношения отдельных индивидов, групп, этнических сообществ. Подобный подход позволяет анализировать связь музыки и индивидуальных или коллективных представлений людей, формирование их идентичностей. Музыка и вложенные в нее значения формируют контекст социокультурных явлений, но также музыка сама является их контекстом. В статье использовались тексты и биографические данные таких исполнителей, как Son House, Robert Johnson, Skip James, William Samuel McTell, Edward W. Clayborn.

Результаты и обсуждение. В результате изучения и анализа социальной истории блюза конца XIX – начала XX вв., биографий блюзменов, а также текстов исполняемых песен были выявлены ведущие поэтические мотивы, отражающие личностные и социальные отношения представителей данной социальной группы. Такие образы, как любовь-флирт, несчастная любовь, отдых от работы (лучше сбежать от нее), образы сельской дороги Дельты, железнодорожные пути, вокзалы, товарные вагоны, уход из дома и одновременно тоска по его отсутствию, тюрьма, болезнь, смерть и кладбище,

© Замотин М. П., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и их демонстрация через социально-ориентированное творчество формируют в глазах добропорядочных граждан маргинализацию тех, кто поет об этом.

Заключение. Рассмотренный материал наглядно показал, что блюз как музыкальный жанр, а также блюзмены как его исполнители и как носители культуры этого жанра представляют собой слаженную социальную систему, которую можно обозначить как контркультуру. Данный социальный и культурный феномен во многом сложился благодаря маргинальному положению его представителей, что выражалось в первую очередь в том, что блюз – состояние души, которое входило в противоречие с представлениями о респектабельности и «правильном» образе жизни.

Ключевые слова: социология музыки, антропология музыки, этномузыкология, народная музыка, социальное неравенство, афроамериканская блюзовая музыкальная традиция.

Для цитирования: Замотин М. П. Культура «перекрестка»: зарождение блюза как контркультурная декларация // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 49–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-49-64

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 20.10.2020; принята после рецензирования 09.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

The Culture of "Crossroads": the Emergency of Blues as a Countercultural Declaration

Maksim P. Zamotin✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉jethro79@mail.ru

Introduction. Apart from classical academic musicology, sociology, social anthropology and related disciplines such as sociolinguistics, philology, and cultural studies contributed to the development of research of music and its role in social, interpersonal relations, and individual experiences. The aim of this research is to investigate musical and singing traditions within the context of social relations, historical challenges, and sub-cultures by sociological and social anthropological approaches. In the last decades these research is of relevance for scholars interested in creativity and creative individuals whose impact effect is ambient in current social and political processes. The main tradition can be approached as a socio-cultural phenomenon emerging in the form of sub-culture.

Methodology and sources. Methodological background of this research is of structural-functional character. Within this framework art and creativity can be approached by various sets of research techniques. Culture of music can be studied both as an object and as a text; hence, textual and contextual approaches are of significance. In result, we can discover reasons motivating people to influence social relations and preconceptions within certain groups and societies. This approach allows the analysis the connections between individual and collective perceptions of people regarding their identities and place in a society. Finally, not only music shapes the context of sociocultural phenomena, but it is the context itself per se. For this paper I used texts and bibliographic data of singers such as follows: Son House, Robert Johnson, Skip James, William Samuel McTell, Edward W. Clayborn.

Results and discussion. The analysis of social history of blues in the end of the nineteenth and in the beginning of the twentieth centuries as well as biographies of bluesmen along with the texts of their songs clearly demonstrates poetic motifs, individual and social reflections of different communities. The images such as love and flirt, manqué love, rest from hard work, roads, railways, trains, abandoned home with simultaneous lack of home, prison, illness, death and cemetery as well as the demonstration of all the listed

images by socially oriented creativity in music, represents deep forms of marginality of those who sing it out in front of respected citizens living normal lives.

Conclusion. The material scrutinized in this paper clearly shows that blues as a genre of music along with bluesmen who are representatives of a certain sub-culture, constitute a coherent social system which can be characterized as a counter-culture. This social and cultural phenomenon in a way we encounter it derived from marginal status of its representatives. This marginal status becomes visible in blues as emotion and soul-reflection to a large degree contradictory to the idea of respectable citizens and so-called "right way of life".

Key words: sociology of music, anthropology of music, ethnomusicology, folk music, social inequality, African-American blues musical tradition.

For citation: Zamotin M. P. The Culture of "Crossroads": the Emergency of Blues as a Countercultural Declaration. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 49–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-49-64 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.10.2020; adopted after review 09.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Являясь неотъемлемой частью социальной жизни, музыка часто воспринимается нами как некий объект интереса, который можно использовать совершенно по-разному. Ее функции – интегрирующая, коммуникативная, эстетическая, развлекательная и др. – служат соответствующим целям и воплощаются в формах музыкальной, песенной культур разных народов и обществ, с помощью которых люди пытаются обозначить себя в этом мире. Вечные мотивы любви, дружбы, преданности, предательства, жизни и смерти находят выражение в разнообразных формах и жанрах музыкального искусства. Очевидно, что изучение пространства музыки не может и не должно ограничиваться исключительно областью искусствознания или академической теории музыки.

Социальная нагрузка музыкального самовыражения настолько велика и разнородна, что давно стала предметом пристального изучения учеными – представителями социальных наук. Такие категории, как идентичность (групповая или индивидуальная, этническая или политическая), неравенство, девиация, социальные нормы, дискриминация, гендер и те разнообразные проблемы, которые волнуют людей и заставляют участвовать многих в деятельности по устранению несправедливостей в обществе, меняют нашу социальную реальность, иногда даже незаметно для нас. Музыка в этом смысле является проводником, демонстрируя нам отношение к различным аспектам нашей жизни, являясь деятельностным отображением контекстуальности жизни человека. Музыкальное творчество всегда несет в себе систему смыслов, вложенных в него, и ожидания, что эти смыслы будут услышаны и восприняты.

Смысловое наполнение формировавшегося на наших глазах нового жанра представляет огромный интерес для социальных исследований, поскольку мы можем наблюдать, фиксировать и интерпретировать появление и развитие целой социокультурной среды. В статье речь пойдет об афроамериканской культуре и изучении раннего блюза и творчества блюзменов Дельты¹, положивших начало развитию целого жанра, серьезно повлияв-

---

¹ Общепринятое название области зарождения блюза – Дельта Миссисипи. «Дельта» является историко-культурным понятием.

шего на социальную, политическую, культурную и музыкальную жизнь Америки, Европы, России и других стран.

Методология и источники. За последние 50–60 лет область социогуманитарного знания во всем мире претерпела ряд значительных качественных изменений с точки зрения формирования и формулирования научно-исследовательских задач в области изучения обществ, социальных связей, форм и проявлений неравенства и других социально значимых явлений и проблем. Были охвачены такие области, как экономическая социология, политическая социология и множество сопредельных областей не только макро-, но и среднего, и микроуровней. Перед каждой из этих областей стоит ряд вопросов о том, какие общие теории или аналитические инструменты предлагает дисциплины социогуманитарной направленности (социология, социальная антропология и др.) и что является уникальным в предмете и способах анализа и постановке проблемы. В России социальные науки продолжительное время находились (да и сейчас находятся, хотя и неофициально) в маргинальном положении. То же самое можно сказать о некоторых областях социального знания с точки зрения постановки проблем или трактовки как «неакадемического», а как следствие – малоинтересного для детального изучения. В области искусства актуальны как никогда социологическое и социально-антропологическое изучение процессов влияния творчества на социум и проявление через различные формы искусства и жанры реакции отдельных людей и социальных групп на политические, экономические проблемы властных отношений, дискриминации, неравенства, формирования и демонстрации идентичностей.

Поиск и развитие новых областей социального знания в рамках отдельных специализаций в социологии и социальной антропологии часто зависели от личного интереса ученых. В социологии музыки это можно наблюдать, читая работы Макса Вебера, У. Е. В. ДюБуа, Альфреда Шютца, Говарда Беккера, Ричарда Петерсона, Пьера Бурдьё, Тиа ДеНора и других теоретиков.

Музыка является областью искусства, одной из его форм, и поэтому возникает вопрос, как может быть сформулирована социологическая значимость музыки? Некоторые исследователи западной традиции также предлагают, например, задаться следующими вопросами: 1. Что такое музыка с точки зрения социологии? 2. Как люди и группы используют музыку? 3. Как стало возможным коллективное производство музыки? 4. Как музыка соотносится с более широкими социальными различиями, особенно классовыми, расовыми и гендерными? Обращаясь к этим вопросам, мы демонстрируем, что социология музыки актуальна для изучения таких разнообразных социальных явлений как стратификация, общественные движения, девиантное поведение, организационная социология и символический интеракционизм [1]. Наиболее часто встречающееся обоснование актуальности изучения и формулирования социальной проблемы музыки – это способ взаимодействия, который выражает и составляет социальные отношения (будь то субкультуры, организации, классы или нации), который воплощает культурные формы и предположения исследователей относительно этих отношений. Это означает, что социокультурный контекст необходим для понимания того, какова активная роль музыки для общества и в обществе, каково ее влияние на различные процессы и наоборот, что выражают производство и использование музыки и песен. В самом деле, когда одна и та же музыка находится в этих контекстах, она может действовать совершенно по-разному.

В рамках социальных и гуманитарных наук интерес к изучению музыки формировался благодаря изменениям в предметной области изучения этого явления. Начиная с искусствознания и общей теории и истории музыки, в социогуманитарном поле немецкой интеллектуальной традиции появилось отдельное направление – музыковедение, которое положило начало ряду тематических интересов в области социологии, культурной и социальной антропологии, этнографии (этномузыковедение). Данные тенденции нашли выражение в активном изучении не только элитарной (классическая европейская традиция), но и так называемой народной музыки. Поскольку европоцентризм в изучении неевропейских культур определял не только методологию, но и общецеховую позицию европейских и американских ученых в вопросе, каким образом правильно изучать взаимосвязь музыки и обществ, первоначально лекалом в изучении и сравнении музыки неевропейских культур и народов являлся принцип формирования самой музыкальной структуры. Следовательно, сложилась целая традиция, которую можно назвать «институционализированной системой тональности».

Музыка как институциональная система тональности означает, что конкретные ноты постоянно используются и повторяются достаточно часто, чтобы к ним можно было относиться как к вещам, звуковым кирпичикам для песен, симфоний или других композиций. Один из фундаментальных аспектов тональности – это деление подачи в различных тонах (т. е. нотах). Хотя это деление может быть рассмотрено в исключительно описательном ключе, М. Вебер отмечал выдающуюся универсальность, которую можно было наблюдать в разных эпохах, и полагал, что система тональности является продуктом западного мира. Данная система тональности основывалась на принципах математики и акустики. В итоге это привело к единому темпераменту музыки в XVIII в., 12 нотам в октаве, что позволяло легко переводить тональность произведения, оставляя при этом характер мелодии. Таким образом, гармонические элементы становились предсказуемыми и стабильными. Такая рационализация облегчает процесс рационализации в отличительных особенностях и помогает создавать, к примеру, оркестровую музыку, а также раскрывает социальные процессы рационализации вообще. Именно эта рационализация определяет манеру и практики слушания музыки [1].

Ученые критически относятся к пониманию музыки как объекта и настаивают на понимании музыки как процесса, т. е. деятельности. Объект несет в себе фиксированные качества, музыка же находится в постоянном процессе становления и никогда не достигает полноценного статуса объекта. Она представляет собой нечто «не скованное» и открытое, что-то, что можно обозначить не как музыку, а как музицирование. Музыковед Кристофер Смолл, который предложил использовать термин *musicing* (музицирование), настаивает на таком понимании. Музыка – это не вещь, а деятельность, нечто, что создают люди. Музыка как вещь – это фикция и абстракция действия, реальность которого исчезает, как только мы начинаем близко к ней (реальности) подступаться.

В сфере джаза, который известен импровизацией, способной каждый раз по-разному прочувствовать и исполнить песню, развитие импровизационных навыков – это также непрерывный процесс. Чтобы импровизировать, джазовые музыканты развивают такие познавательные навыки, как понимание взаимосвязи аккордов и отдельных нот и отождествление с характером и ролью своего конкретного инструмента. Они приобретают такие

телесные навыки, как знание того, как использовать свое тело при передаче этой «мгновенной» музыки. Они учатся интерактивному мастерству и этикету для коллективного исполнения, которые включают спонтанные музыкальные отрывки солистов, разворот среди солистов и аккомпанемент, умело реагирующий на ожидаемые и неожиданные направления, которые принимает импровизация. Их мастерство импровизации, в свою очередь, определяется более широким контекстом, содержащим семейную поддержку, наставничество, социальные связи между музыкантами и меняющийся ландшафт возможностей исполнения. То, что кажется эфемерным – импровизация, которая смешивается на джазовых площадках и на записях, – на самом деле отражает широкий ареал деятельности, связывающей музыкальную и немusical жизнь исполнителей и слушателей.

В середине XX в. социальные исследователи музыки стали подходить к проблеме музыки как к социокультурному явлению. Обращаясь к музыке как к объекту или рассматривая ее как деятельность, они приходили к пониманию необходимости изучать ее как явление автономное, а не как часть, неотделимую от социальной жизни. Многие исследователи обратили внимание на то, как музыка встраивается в социальную жизнь (например, если речь шла о социальных отношениях). Английский социолог Тиа ДеНора (2000) говорит о ряде стратегий, с помощью которых музыка мобилизуется как ресурс для создания сцен, процедур, предположений и случаев, составляющих общественную жизнь. Иными словами, люди используют музыку, чтобы придать смысл себе и своему миру [2].

Очевидно, что, говоря о музыке, мы подразумеваем не музыку вообще, а разнородную систему направлений, жанров, стилей, множество исполнителей, композиторов, певцов, песен и т. д. Вся эта цветущая сложность, безусловно, наполнена целым сонмом символических и предметных значений, поскольку первый актер произведения всего этого – человек. Музыка указывает нам на нечто, выходящее за рамки себя, представляя собой какой-либо аспект общественной жизни. Данный факт является иллюстрацией того, как люди используют музыку, чтобы определить, кем они являются как личности и как члены коллективов. Можно пойти дальше и развить идею о вписанных в музыку значениях как со стороны исполнителя/композитора, так и со стороны аудитории, которой направлено музыкальное послание. Поиск и выявление смысловых значений весьма усложняет исследователю его работу. В связи с этим стоит обратиться к двум основным теоретическим подходам: первый заключается в акцентировании внимания на музыкальном объекте («текстуалисты»), второй обращает внимание в первую очередь на контекст.

Текстовый подход часто рассматривает музыку как аналогичную языку. Наиболее простым примером являются многочисленные исследования, посвященные текстам песен. Социологи и представители других научных дисциплин исследуют смысл, интерпретируя один набор слов в другой набор, описывающий его. Использование текстуального подхода усложняется, когда ученые обращаются к самой музыке, особенно учитывая важную разницу между музыкой и языком. В то время как базовые элементы языка (слова) имеют значение, базовые музыкальные элементы (ноты) имеют в лучшем случае тривиальное значение. Некоторые рассматривают это, фокусируясь на структуре музыки (например, взаимосвязи между отдельными нотами) и отслеживая значение оттуда (ДеНора). Например, музыкальную структуру можно проанализировать с точки зрения ее формальных особенностей (структура синтаксиса первична по отношению к семантике). Определенным

образом структурированная музыка (ноты, ритм, тембр, интервалы) вызывает в нашем сознании образы, культурно привязанные (коллективно или индивидуально) к нашей повседневности, устоявшимся стереотипным социальным представлениям или чувствам и ощущениям начала и конца, покоя и борьбы, жизни и смерти.

Контекстуалисты же сосредоточены на слушателях, которые в текстовом подходе часто игнорируются, воображаются, или в качестве слушателя выступает сам исследователь. Контекст формируют сами потребители музыкальных произведений, следовательно, значения услышанному придают сами люди. Как утверждал А. Шютц, музыкальный смысл особенно социологический, потому что он как происходит через взаимодействие, так и делает возможным взаимодействие. По этой логике музыка и ее значение не просто разворачиваются в социальном контексте, но и являются частью самого контекста.

ДеНора в своем исследовании обращается к музыкальному смыслу и индивидуальной идентичности. С помощью интервью и наблюдения она приходит к выводу, что люди создают личность («я»), используя музыку для того, чтобы отмечать и документировать важные аспекты своей жизни (запоминающиеся события и развивающиеся отношения) и руководить тем, как они договариваются о таких видах деятельности, как шопинг, аэробика и занятие любовью. Люди находят смысл, связывая текст и контекст, используя музыку, чтобы обозначить свои развивающиеся автобиографии. Стоит отметить, что построение автобиографического саундтрека является внутрииндивидуальным процессом, предполагает Дэвид Хесмондхалф, поскольку люди сравнивают себя с другими, и это превращается в визуализацию того, как их опыт и перспективы приводят (или не приводят) к различным музыкальным предпочтениям. Также многие используют музыку для развития своей частной веры, связывая себя с религиозной общиной.

Группы также используют музыку как инструмент для построения идентичности – «нас». Отношения между группой и музыкой могут реализовываться двумя способами: музыка идентифицируется людьми внутри (и вне) группы как «принадлежащая» ей (музыканты джаз-бэндов), и членство в группе отмечается отчасти тем, что охватывает эту музыку (постоянные зрители – «знатоки жанра», коллекционеры пластинок). Двусторонние отношения также могут возникать преднамеренно и внезапно, когда группы приходят к тому, чтобы увидеть особую музыку, означающую как их «нас-нет», так и их бедственное положение. Афроамериканские рабы использовали духовность с религиозной лирикой, чтобы определить себя и скрытно критиковать плачевные условия своей жизни (в книгах Ф. Дугласа 1845 г. и ДюБуа 1903 г.), а в начале 1900-х гг. почти 400 тыс. текстильщиков ушли с работы, столкнувшись с местной музыкой, которая учила их солидарности и предлагала рецепты действий.

Музыкальное творение глубоко социально. Даже когда один человек отвечает за музыку, ее усилия, скорее всего, являются внутрииндивидуальными. В то время как члены субкультур могут намеренно использовать музыку для определения своего положения в социальном порядке, Бурдые в 1984 г. утверждал, что члены классов делают это с небольшим предвидением. Экономическое положение каждого класса формирует у его членов определенное отношение к музыке, и это создает иллюзию естественности происходящего. Французский высший класс, обладая значительными ресурсами и досугом, стремится к потреблению серьезного жанра, а не развлекательного – например, к классической музыке,

которая требует длительного обучения и культивирования, чтобы ее оценить. Привилегированное положение высшего класса означает, что его высокий статус рассматривается как «легитимный», а знание классической музыки служит «культурным капиталом», который облегчает получение возможностей и достижение успеха в различных областях. С учетом ограниченных финансов и свободного времени французского рабочего класса, они отдают предпочтение приятной музыке, которая требует мало подготовки, чтобы ее оценить, и служит для развлечения.

В XIX–XX вв. музыканты, ученые-исследователи «создали» жанр «народной музыки» в противовес классическим и коммерческим классификациям в рамках проекта по прослеживанию форм различной национальной музыки, чтобы ее изучение привело к единым протоформам музыки. В США проблема расы особенно проявлялась при обсуждении вопроса о том, была ли «истинная» американская народная музыка, скажем, в английских балладах альпинистов или в гибридных спетых рабами спиричуэлах². Изучая запутанную историю народной музыки, к 1960-м гг. образованные городские жители в США ценили народную музыку именно потому, что эта музыка являлась обычной народной, как черной, так и белой. Чем маргинальнее, скромнее и проще создатели музыки, тем интереснее она была для таких энтузиастов (например, Алан Ломакс, который в одиночку и с коллегами собирал фольклор черной Америки для Архива народной песни, или фольклорист Гэрри Смит).

Идея о том, что между социальными группами существуют связи, и они определяются особенностями их музыки, начала зарождаться в 1970-х гг. В 1970 г. Эндрю Честер провел различие между удлинительной и интенциональной формами музыкального выражения. Честер увидел важные связи между музыкальными характеристиками и социальными группами. Он считал, что в то время как внутренние координаты музыкальной формы механически не определяются ее социальной базой, каждой социальной группе соответствуют определенные приемлемые жанры. Идея о том, что особенности музыкальной формы могли дать жизнь социальной реальности культуры, набирала все большую популярность в течение 1970-х и 1980-х гг.

В 1978 г. Пол Уиллис утверждал, что ранний рок-н-ролл и прогрессивный рок артикулировали социальные реалии субкультуры мальчишки-байкера и контркультуры хиппи соответственно. 1990-е годы, казалось, свидетельствуют о водоразделе в культурном изучении музыки. Проблема, связанная с конкретными социальными категориями (класс, пол, этническая принадлежность, возраст, субкультура, контркультура и т. д.), была заменена более общей и широко распространенной проблемой идентичности. Эта забота о самобытности охватывала устоявшиеся социальные категории явно сложными способами и в то же время требовала и подтверждалась вниманием к конкретным деталям живых культурно-музыкальных реалий в той мере, в какой это не касалось характеристик более ранних работ на данную тему.

Результаты и обсуждение. Исследовательское поле во многом определяется любопытством исследователя, и настоящая статья не является исключением. Интерес к музыке и

---

² Спиричуэл (англ. spiritual – духовный) – духовные песни афроамериканцев, сформировавшиеся во второй половине XIX в. на основе духовных гимнов, завезенных в Америку белыми переселенцами. Основная тематика – библейские ветхозаветные сюжеты, которые использовались как наставления и исполнялись с характерными элементами африканских традиций песнопения. Перенимая религию «белых», бывшие рабы связывали с христианской моралью перспективы спокойной и праведной жизни.

музыкальной культуре со временем становится более глубоким и требует личного детального и предметного исследования. Простая на первый взгляд музыка, не требующая особой интеллектуальной подготовки, может открывать новые аспекты, которые начинаешь осознавать и понимать, вооружившись междисциплинарным подходом и методологией.

Музыка афроамериканской традиции в силу целого ряда обстоятельств представляет собой конгломерат, сформировавшийся на пересечении нескольких культур, являет собой целый новый мир. Несмотря на то, что исторически афроамериканская культура – образование недавнее, накопленного и осмысленного материала о ней собрано более чем достаточно. Интерес к ней возник довольно давно, но профессиональное комплексное научное изучение различных пластов и традиций афроамериканцев началось только с середины XX в. В силу разных причин активно исследовались такие формы афроамериканской музыки, как блюз и джаз.

Если говорить о блюзе, главным источником должна являться сама музыка. Но поскольку интерес автора заключается в изучении связи между социальными смыслами блюза и его акторами – блюзменами и конкретными темами, которые воплотились в жанре и образах оригинального блюза, источником являются тексты и социокультурное пространство происхождения блюза.

Термин или понятие «блюз» обладает невероятным количеством интерпретаций, начиная с примитивных и кратких, относящихся скорее к переводу и идиоме – «блюз» в переводе с английского значит «меланхолия» или «хандра». Конечно, такая трактовка что-то объясняет, но одновременно не объясняет ничего. Блюз – слишком сложное музыкальное и культурное явление. В. Писигин приводит следующие объяснения этого понятия, данные самими блюзменами:

«...Великий блюзмен Дельты Эдди “Сан” Хаус (Son House. – М. 3.) говорил примерно то же самое:

“Блюз не игрушка, как считают сегодня. Сейчас молодежь берет что-нибудь и делает из этого блюз. Любую старую мелодию.

И другие соглашались, мол, это так, это такой вот блюз!.. Но это совсем не так. Есть только один блюз. И этот блюз существует между влюбленными мужчиной и женщиной. Влюбленными!.. Я был женат пять раз! Таков уж я. Пять раз! И я хорошо представляю, что такое блюз. Что такое настоящий, хороший блюз! Б-Л-Ю-З!”»

Есть у Сан Хауса и менее романтическая трактовка блюза, изложенная в его «The Jinx Blues»:

«Понимаешь, блюз – это не что иное, как лихорадка, болезненный, мучительный душевный недуг... Понимаешь, блюз – это нестерпимый озноб сердца...»

Многолетний друг и партнер Эдди «Сан» Хауса – Вилли Ли Браун (Willie Lee Brown, 1900–1952) говорил еще жестче:

«Блюз – это не что иное, как самая настоящая болезненная простуда, мерзкая и гадкая...»

А вот диалог, опубликованный в газете «Kansas City American Citizen» еще в 1893 г.:

«– Что с тобой происходит сегодня, ты чем-то расстроен?»

– У меня блюз.

– Блюз... А что ты называешь блюзом?

– Сейчас скажу другими словами, чтобы объяснить тебе блюз. Понимаешь, блюз – это когда ты просыпаешься утром и чувствуешь себя подавленным. Одеваешься. И тебе все безразлично, и настроение все ухудшается. Затем садишься завтракать, а кусок не лезет в горло. Тебе хуже прежнего. Потом поднимаешься, идешь причесаться... и в зеркале видишь, как безысходность мрачного будущего разъедает тебя. На душе тоскливо, как никогда прежде» [3, с. 22–23].

О происхождении блюза написано очень много книг и снято достаточно фильмов. В них поднимаются вопросы о музыкальной структуре блюзовых и джазовых исполнений, предпринимались попытки вывести корни блюза и джаза как из европейской традиции (джаз), так и из этнической музыки Африки, изучались биографии блюзменов, анализировался процесс проникновения блюзовой и джазовой музыкальной эстетики через лейблы звукозаписывающих компаний в широкие массы. Внимание также фокусировалось на расовой особенности социальных и культурных взаимодействий белого и цветного населения сельского Юга и промышленного Севера. И это далеко не полный перечень исследовательских тем, посвященных изучению афроамериканской музыкальной эстетики культуры США.

Одной из широко известных теорий происхождения блюза считается теория африканской прародины. Апологеты этого направления считали, что блюзовые песни согласуются с ритмами африканцев, вывезенных европейскими работорговцами в качестве рабов в Европу и на плантации обеих Америк. Предпринимались целые экспедиции для подтверждения этой позиции (например, проект кинорежиссера Мартина Скорсезе). Перелом в понимании произошел, видимо, после публикации в 1981 г. книги Самюэля Чартерса «The Roots of the Blues: an African Search», которую он написал после посещения Западной Африки, где наблюдал и фиксировал местную музыку. Слушая африканских музыкантов, он сопоставлял записанное с тем, что слышал на американском Юге, после чего сделал следующий вывод: «Я смотрел на пленки и записи, разложенные на пыльном бетонном полу комнаты, и окончательно понимал, что не нашел в блюзе той музыки, которая была бы частью старой африканской жизни и культуры. Элементы блюза (things in the blues) могли произойти от племенных музыкантов старых королевств, но блюз как стиль представляет собой нечто иное. По сути, это новый тип песни, зародившийся вместе с новой жизнью на американском Юге» [4, с. 127].

В СССР тоже интересовались афроамериканской музыкальной культурой – в рамках академического музыковедения. Советский искусствовед В. Д. Конен в 1961 г. написала книгу «Пути американской музыки», в которой сформулировала: «Долгое время творчество американских негров оставалось вне поля зрения городских кругов. Но начиная с середины прошлого века, негритянская музыка США стала привлекать к себе внимание во всем мире. Сначала эстрадные негритянские песни, затем трагические хоровые спиричуэлс, потом предвестники джаза: регтайм, блюз, джаз-бэнд, еще позднее свинг и современный джаз – все это постепенно вошло в американскую и европейскую культуру. Почти в то же время американские негры проявляли выдающиеся способности и в поэзии, и в драматическом искусстве, и в эстрадном танце. До недавнего времени само собой подразумевалось, что это творчество – чисто негритянское. Эмоциональная непосредственность,

некоторая наивность и сентиментальность, свойственная искусству негров, издавна ассоциировалась в представлениях американцев с обликом уроженцев Африки. Но в наше время ряд серьезных исследований, относящихся не только к музыке американцев, но и к художественной культуре Африки, полностью развеял эту легенду и привел к радикальному пересмотру вопроса о расово-национальных истоках негритянской музыки США. Материалы, открытые в XX в., приводят к выводам, что художественное творчество африканцев и американских негров вовсе не одно и то же; что преемственность между ними не элементарна и не прямолинейна; что искусство, созданное американскими неграми, могло сформироваться только в Новом Свете и является характерным и органичным элементом его культуры» [5, с. 59].

Блюз как идея и как образ жизни изначально включал в себя комбинацию нескольких жанровых форм: менестрельные баллады белых переселенцев Шотландии и Ирландии, отголоски работных песен с плантациях Юга и традиции духовных христианских песнопений («lining out»), почерпнутые в сельских общинах. Вобрав в себя эти элементы, блюз сложился как жанр народной светской песни американских негров южных штатов. Одной из отличительных особенностей блюза и блюзовой песни было то, что она сочинялась и игралась как музыка отдыха. Классический блюз 20–30-х гг. развивался уже как профессиональный жанр, в котором сложились основные мотивы повествований. Любовь – несчастная любовь, отдых от работы (лучше сбежать от нее), путь (образы сельской дороги Дельты, железнодорожные пути, вокзалы, товарные вагоны), уход из дома и одновременно тоска по его отсутствию (пересекается с темой побега от контроля белого человека, что в свою очередь приводит к неявным отсылкам к недавнему рабству), болезни, тюрьма (образ Кеннет Хит) и кладбище.

Подобные образы в некоторой степени характеризуют отношение тех, кто чувствует и поет блюз (потому что не может не петь), к тем общественным правилам и нормам социального бытия, которые выстраивались в афроамериканских общинах, куда, безусловно, проникали некоторые ценности христианской морали и трансформировались в мифологическую систему представлений, которые должны регулировать правильную жизнь. Коллективное бессознательное молодой формирующейся афроамериканской части населения США, травмированной недавним институционализированным рабством и в начале XX столетия находящейся на Юге в качестве свободных, но бесконечно дискриминируемых титульной (белой) частью населения, находило утешение в следовании формам христианской морали, парадоксально сочетавшейся с языческим восприятием. Идеалы благопристойности и покорности не всегда и не у всех находили понимание, и творчество, очевидно, служило способом выхода таких эмоций как несогласия со своим местом в этой жизни. Отношения блюзменов и остального общества складывались подчас напряженно. Например, сбежать из дома, чтобы подвизаться музыкантом на кораблях, ходивших по Миссисипи, считалось неприемлемым, поскольку эти прогулочные маршруты обязательно содержали в себе такие пороки, как пьянство, блуд, азартные игры, да и занятие музыкой считалось делом легкомысленным – так к чему хорошему могла привести такая жизнь? На этой почве часто случались семейные конфликты, не говоря уже о том, что религиозные общины также порицали такое поведение. Отчасти это было связано с тем, что в сознании многих афроамериканцев блюз являлся антагонистом спиритичуэлов [6].

Подавляющее большинство блюзменов периода Дельта-блюза (или кантри-блюза) избрали путь бродяги, что не соответствовало во многом привычному и общепринятому оседлому существованию. «В самом начале XX в., точнее – в 1903 г., темнокожий музыкант Вильям Хэнди (William Christopher Handy, 1873–1958) ожидал здесь поезда, который безнадежно опаздывал. Дело шло к ночи, и Хэнди прикорнул на лавочке. Вдруг его разбудили странные звуки: “Рядом со мной, пока я спал, худой небрежного вида негр забренчал на гитаре. Одежда его была лохмотьями, ступни выглядывали из ботинок. В лице отражалась некая вековая печаль. Во время игры он прижимал нож к струнам гитары в манере, популяризированной гавайскими гитаристами, использовавшими стальные брусочки. Незабываемое впечатление. Так же моментально захватила меня и его песня: *Goin’ where the Southern cross’ the Dog...*»

Сингер повторил строку трижды, аккомпанируя себе самой причудливой гитарной музыкой, которую я когда-либо слышал. Мелодия застряла в моей голове. Когда сингер сделал паузу, я склонился к нему и поинтересовался значением слов. Он закатил глаза, показывая, что его позабавил мой вопрос. Вероятно, я сам должен это знать, но он не прочь дать некоторые разъяснения. В Мухеде (Moorhead, MS) восточно-западное железнодорожное направление встречается и пересекается с северо-южным четыре раза в день. Этот парень направлялся туда, где Southern пересекается с Dog, и ему было совершенно все равно, известно ли это кому-либо еще. Он просто пел о Мухеде, пока ждал...» [3, с. 7].

Такой образ жизни был обычным для очень разнообразной, но в чем-то гомогенной социальной группы. Эти люди пересекались, но не были связаны между собой. Их объединяли, скорее, общие темы, которые они считали нужным сообщить всему миру, и главный лейтмотив состоял в выражении обиды на несправедливость жизни и безразличие к ним и к тем проблемам, о которых не принято было говорить в приличном и благопристойном обществе, но с ними сталкивались все. Они и нашли отражение в образах, о которых пел блюз.

В этом смысле блюзмены являлись маргиналами в своем отечестве. Маргинальность – это состояние души, а не вещь. Можно считаться уважаемым человеком, но испытывать блюз, а тем более не стесняться петь его, демонстрируя на всеобщее обозрение «непринятые» в обществе переживания, чувства, которые пересекаются с откровенно девиантным, неприемлемым, а иногда уголовным, поведением.

Характерная песня – классика Дельта-блюза Son House – «Am I Right Or Wrong?»:

*«Когда-то я был вырванным сорняком
Как катящийся камень, холодный и совсем один
Жил до того дня, когда придет мой поезд
Никогда не заботился о школе или каких-либо золотых правилах
И папа всегда говорил, что я бесполезный дурак
Поэтому я вышел из дома, чтобы показать им, что они ошибались
И направился по дороге, распевая мою песню».*

Но ребячливая песенка с веселым мотивом заканчивается неожиданно, хотя по исполнению не скажешь, что это опечалило «сингера»:

*«Да, когда я пошел домой показать им, что они неправы
Все, что я нашел, это два надгробия» [7].*

Один из мотивов блюза – Hard times is here (тяжелые времена). Об этом поет один из самых известных и влиятельных авторов и исполнителей Skip James в своей «Hard Time Killin' Floor Blues»:

*«Тяжелые времена здесь и везде, куда вы идете
Времена тяжелее, чем когда-либо раньше
Вы знаете, что люди они дрейфуют от двери к двери
Но они не могут найти небеса, мне все равно, куда они пойдут
Слушайте, что я говорю вам, как раз перед моим уходом
Эти тяжелые времена убьют вас просто высушивая очень долго
Ну, ты слышишь, как я пою эту старую одинокую песню
Люди, вы знаете, что эти тяжелые времена могут длиться так долго
Люди, если я когда-нибудь смогу встать с этого старого тяжелого убийственного пола
Господи, я никогда больше не опущусь на дно
Знаете, вы скажете, что у вас есть деньги, вы должны быть уверены
Но эти тяжелые времена убьют тебя просто выгнав одинокую душу» [8].*

На самом деле этот текст – целая философия, которой не нужны наукоемкие трактаты, потому что это жизненная философия людей, получивших от жизни не только пряники, но побывавших на ее темной стороне, и они не могут об этом не петь.

Обращаясь к биографиям ранних блюзменов, можно с удивлением узнать, что это были одаренные люди. Например, William Samuel McTell, певец и гитарист, который вырос в неполной семье (отец рано ушел от них), был слепым на один глаз, но вскоре совсем потерял зрение. После смерти матери в подростковом возрасте вынужден был покинуть родной город и стал играть на улицах. Играл во флюидной, синкопированной гитарной технике так называемого пальцевого стиля, распространенной среди многих исполнителей пьемонтского блюза. В отличие от своих современников, он предпочитал использовать исключительно двенадцатиструнные гитары. МакТелл также был умелым слайд-гитаристом, выделявшимся среди регтайм-блюзовых исполнителей. Его вокальный стиль, гладкий и непринужденный тенор, сильно отличались от многих более жестких голосов блюзменов Дельты, таких как у Чарли Паттона. МакТелл выступал в различных музыкальных стилях, включая блюз, регтайм, религиозную музыку и хокум. В 1940 г. фольклористы Джон А. Ломакс и Руби Террилл Ломакс записали его для архива народной песни Библиотеки Конгресса. В 1940-х и 1950-х гг. он играл на улицах Атланты, часто со своим давним соратником Керли Уивером. Его последние записи были сделаны во время импровизированной сессии владельцем магазина пластинок в Атланте в 1956 г. Страдавший от диабета и алкоголизма МакТелл умер через три года. Характерная, хотя не самая печальная история жизни с просторов американского Юга.

Блюз по своей музыкальной форме, но еще больше по содержанию текстов и назначению мог родиться в среде духовно раскрепощенных индивидуумов, но только не рабов – поэтому он появляется лишь после отмены рабства. Создавать и петь блюз могли люди с верой в высшую справедливость, но в то же время живущие с фатальной уверенностью в неизбежном худшем. Можно сказать, что они верили в бога, но дьявола считали удачливее [3, с. 33]. Иллюстрацией к этому служит легенда о Роберте Джонсоне, который продал душу дьяволу за умение фантастически играть на гитаре и петь блюз. Легенда гласит, что в

юности Роберт, который не отличался особым талантом, после ряда неудач на музыкальном поприще пообещал приятелям, что будет играть блюз, как бог. После этого заявления он пропал на несколько месяцев, а когда вернулся, настолько невероятно играл и пел блюз, что сразу попал под пристальное внимание продюсеров и стал записываться. На вопрос, где он так научился петь и играть, Джонсон заявил, что в своих скитаниях оказался на перекрестке, там заключил контракт и продал душу дьяволу за такое умение. Роберт Джонсон периодически заигрывал с дьявольщиной в своих песнях и, по слухам, даже разговаривал с нечистой силой. Создав себе такой таинственный образ, в глазах богопослушных обывателей он заступил за черту, маргинализирующую себя и свой выбор (очень многие верили в эту легенду). Как бы то ни было, такие блюзовые шедевры, как «Cross Road Blues», «Hell Hound On My Trail», «Me and The Devil Blues», по сей день входят в золотой фонд блюзовой классики.

Маргинализируя себя, окружающую действительность и разнообразные повседневные практики своей жизни, блюзмены демонстрировали, насколько тонкие грани отделяют привычную, понятную и приятную жизнь от нелицеприятной реальности, которая может неожиданно и надолго повернуться к тебе спиной, и от этого никто не застрахован. Как сказал в свое время Дж. Леннон, жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты строишь другие планы.

Преподобный Эдвард В. Клейборн запомнился как «евангелист гитары», используя форму «блюзового евангелия», похожую на Blind Willie Johnson. Ступив в пространство блюза, он приносил религиозные мотивы, исполняя тексты о вечном. Одна из песен о том, что все грешники покинут эту землю, «This Time Another Year You May Be Gone»:

*«На этот раз через год меня может не будет
На какое-то одинокое кладбище, Господи, как это долго?
Диакон, на этот раз через год, ты можешь уйти
На какое-то одинокое кладбище, Господи, как это долго?
Проповедник, на этот раз через год, возможно, вас не будет
На какое-то одинокое кладбище, Господи, как это долго?...» [9].*

И дальше: игрок, грабитель, убийца, лжец, нарушитель спокойствия – все окажутся на одном кладбище, и никто не избежит своей участи. Через образ смерти блюзовые певцы и поэты настойчиво напоминают, что никто не защищен, т. е. музыка может рассматриваться не только как другая форма обозначения или средство лирического выражения, но как особый вид деятельности, которым занимаются люди.

Заключение. Формулируя проблему сознательного социального маргинализования блюзового мировоззрения, практик блюза, его исполнения и, в конечном итоге, самой повседневности блюзменов через анализ поэтических образов, биографий и уникального социокультурного пространства афроамериканской культуры, можно сделать вывод, что по своей природе блюз является не чем иным как контркультурой. И эта контркультура проявляется через демонстрацию обычных человеческих желаний, слабостей, ожиданий, повествуя о разбитых надеждах, несбывшихся мечтаниях, тяжелой жизни и страстной любви. Блюз противостоял безразличию и силе принятых в обществе правил, которые запрещают высказывать «непозволительные» чувства, боль, страх, сомнения, неуверенность. Исполнение его казалось простым, мелодии – незатейливыми и как будто пришедшими из

глубины человеческой истории, поэзия – примитивной. Однако эмоциональный заряд и драйв проникают в самое сердце, обнажая скрываемые чувства, переживания и страхи обычного человека, убаюканные социальным нормативом «у нас все хорошо».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Roy W. G., Dowd T. J. What is Sociological about Music? // *Annual Rev. of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 183–203. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102618>.
2. DeNora T. *Music in Everyday Life*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
3. Писигин В. Ф. Пришествие блюза: в 5 т. Т. 1. Country Blues. Книга первая: Delta Blues, vol. 1 / под ред. С. А. Брезницкой. М.: Империиум Пресс, 2009.
4. Charters S. *The Roots of the Blues: an African Search*. N. Y.: Da Capo Press, 1981.
5. Конен В. Д. Пути американской музыки: Очерки по истории музыкальной культуры США. М.: Сов. композитор, 1961.
6. Коровкин В. Корни блюза: опыт исследования афроамериканского фольклора // *Полный джаз*. 1992. № 4. URL: <http://www.jazz.ru/mag/106/read.htm> (дата обращения: 19.10.2020).
7. House "Son" E. J. Am I right or wrong // *Genius*. URL: <https://genius.com/Son-house-am-i-right-or-wrong-lyrics> (дата обращения: 19.10.2020).
8. James S. Hard Time Killing Floor Blues (Today! Album Version) // *Genius*. URL: <https://genius.com/Skip-james-hard-time-killing-floor-blues-today-album-version-lyrics> (дата обращения: 19.10.2020).
9. Clayborn E. W. This Time Another Year You May Be Gone. 1928 // *AZ Lyrics*. URL: <https://app.lyrics.az/rev-edward-w-clayborn/rev-edward-w-clayborn-1926-1928/this-time-another-year-you-may-be-gone.html> (дата обращения: 19.10.2020).

Информация об авторе.

Замотин Максим Павлович – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5, 197376, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология культуры, социальная и культурная антропология. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>. E-mail: jethro79@mail.ru

REFERENCES

1. Roy, W.G. and Dowd, T.J. (2010), "What is Sociological about Music?", *Annual Review of Sociology*, vol. 36, pp. 183–203. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102618>.
2. DeNora, T., (2000), *Music in Everyday Life*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
3. Pisigin, V.F. (2009), *Prishestvie blyuza. T. 1. Country Blues. Kniga pervaya: "Delta Blues, vol. 1"* [The coming of the blues. Vol. 1. The first book: "Delta Blues, vol.1"], in Brezitskaya, S.A. (ed.), Imperium Press, Moscow, RUS.
4. Charters, S. (1981), *The Roots of the Blues: an African Search*, Da Capo Press, NY, USA.
5. Konen, V.D. (1961), *Puti amerikanskoi muzyki: Ocherki po istorii muz. kul'tury SShA* [Ways of American Music: Essays on the History of US Musical Culture], Sovetskii kompozitor, Moscow, USSR.
6. Korovkin, V. (1992) "The roots of the blues: an African American folklore research experience", *Polnyi dzhaz*, no. 4, available at: <http://www.jazz.ru/mag/106/read.htm> (accessed 19.10.2020).
7. House, "Son" E. J., "Am I right or wrong", *Genius*, available at: <https://genius.com/Son-house-am-i-right-or-wrong-lyrics> (accessed 19.10.2020).
8. James, S., "Hard Time Killing Floor Blues (Today! Album Version)", *Genius*, available at: <https://genius.com/Skip-james-hard-time-killing-floor-blues-today-album-version-lyrics> (accessed 19.10.2020).

9. Clayborn, E.W. (1928), "This Time Another Year You May Be Gone", *AZ Lyrics*, available at: <https://app.lyrics.az/rev-edward-w-clayborn/rev-edward-w-clayborn-1926-1928/this-time-another-year-you-may-be-gone.html> (accessed 19.10.2020).

Information about the author.

Maksim P. Zamotin – Senior Lecturer at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: sociology of culture, social and cultural anthropology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>. E-mail: jethro79@mail.ru

Социальное поведение городского правительства и жителей мегаполиса в период пандемии (на примере Санкт-Петербурга)

С. М. Елисеев^{1✉}, В. А. Глухих²

¹Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉eliseevprof@gmail.com

Введение. Коронавирус стал серьезным испытанием для национальных и региональных систем власти и управления. Многие системы продемонстрировали свою эффективность и гибкость, компетентность, слаженность в работе. Но были и случаи, когда на региональном и даже национальном уровнях принимались ошибочные решения. Цель написания данной статьи – определить основные тенденции изменений социального поведения городского правительства и граждан Санкт-Петербурга в условиях пандемии коронавируса.

Методология и источники. Работа опирается на классические и современные теории социологии города, социологии формирования и функционирования публичных пространств и публичной жизни в современном городе, данные городской статистики по заболеваемости COVID и эмпирические наблюдения.

Результаты и обсуждение. Городское правительство Санкт-Петербурга с самого начала стало центром координации и мобилизации всех городских ресурсов по преодолению пандемии. Но правильно и эффективно распорядиться имеющимися ресурсами ему не всегда удается. Одной из причин неэффективного использования имеющихся ресурсов стало то, что в правительстве с самого начала не была определена стратегия борьбы с пандемией коронавируса. Решения принимались ситуативно, порой непоследовательно. Стоит отметить, что, несмотря на введенные ограничения, модели социального поведения значительной части горожан существенно не изменились, а только трансформировались в гибридные социальные практики.

Заключение. В результате исследования были описаны сложившиеся нормативные и гибридные модели социального поведения правительства и граждан в публичном пространстве города в условиях пандемии коронавируса, определены наиболее пострадавшие от введенных запретов виды социальных отношений (местно-локальные) и локальные пространства (торговля, индустрия развлечений и т. д.), в которых чаще всего происходят нарушения новых социальных норм.

Ключевые слова: социальное поведение, публичное пространство, власть, пандемия.

Для цитирования: Елисеев С. М., Глухих В. А. Социальное поведение городского правительства и жителей мегаполиса в период пандемии (на примере Санкт-Петербурга) // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 65–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-65-74

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 20.10.2020; принята после рецензирования 10.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Social Behavior of the City Government and Citizens of the Metropolis during a Pandemic (for Example St Petersburg)

Sergei M. Eliseev^{1✉}, Vladimir A. Glukhikh²

¹University associated with the Interparliamentary Assembly of the European
Economic Community, St Petersburg, Russia

²Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉eliseevprof@gmail.com

Introduction. The coronavirus has become a serious test for national and regional power and management systems. Many systems have demonstrated their effectiveness and flexibility, competence and coherence. But there were also cases when erroneous decisions were made at the regional and even national levels. The purpose of this article is to determine the main trends in changes in the social behavior of the city government and citizens of St Petersburg in the context of the coronavirus pandemic.

Methodology and sources. The article is based on classical and modern theories of urban sociology, sociology of the formation and functioning of public spaces and public life in a modern city, data from urban statistics on COVID incidence and empirical observations.

Results and discussion. From the very beginning, the city government of Saint Petersburg became the center of coordination and mobilization of all city resources to overcome the pandemic. However, it is not always possible to manage the available resources correctly and effectively. One of the reasons for the inefficient use of available resources was that the government did not define a strategy to combat the coronavirus pandemic from the very beginning. Decisions were made situationally, sometimes inconsistently. It is worth noting that, despite the restrictions imposed, the social behavior patterns of a significant part of citizens have not changed significantly, but have only been transformed into hybrid social practices.

Conclusion. The study described the existing normative and hybrid models of social behavior of the government and citizens in the public space of the city in the context of the coronavirus pandemic, identified the most affected types of social relations (local-local) and local spaces (trade, entertainment, etc.) in which new social norms are most often violated.

Key words: social behavior, public space, power, pandemic.

For citation: Eliseev S. M., Glukhikh V. A., Social Behavior of the City Government and Citizens of the Metropolis during a Pandemic (for Example St Petersburg). DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 65–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-65-74 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.10.2020; adopted after review 10.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Коронавирус во всем мире стал тяжелым испытанием для всех сфер жизнедеятельности общества. Он устроил своеобразный краш-тест на выживание для многих сегментов экономики и культуры, досуга и спорта, образования и здравоохранения. Серьезным испытанием он стал для национальных и региональных систем власти и управления. Многие системы в условиях пандемии коронавируса продемонстрировали свою эффективность и гибкость, компетентность, слаженность в работе. Но были и случаи, когда на региональном и даже национальном уровнях принимались ошибочные решения. Мы не будем здесь называть конкретные регионы и города, поскольку борьба с коронавирусом

продолжается, и остается открытым вопрос, какие стратегии будут признаны мировым сообществом наиболее эффективными, а какие – ошибочными. Но это будет еще нескоро. А пока пандемия коронавируса стала самым серьезным вызовом, с которым человечество столкнулось в XXI в. Эту беду сравнивают со Второй мировой войной, Великой депрессией, терактом 11 сентября. Подобно другим эпохальным событиям, пандемия COVID-19 привела к фундаментальному сдвигу в общественном укладе и мышлении людей.

Сегодня, спустя год после начала пандемии коронавируса, мы можем сделать некоторые выводы относительно изменений, которые он внес в социальные взаимодействия общества, бизнеса и власти. Разумеется, мы не претендуем на целостное описание всех изменений, которые произошли в российском обществе с распространением коронавируса и объявлением пандемии. Мы намерены описать только наиболее заметные и эмпирически наблюдаемые изменения в публичном пространстве, которые произошли в одном из субъектов РФ – Санкт-Петербурге.

Методология и источники. Публичная сфера является важным социальным пространством современного общества. Именно в публичной сфере вырабатывается общественное мнение, обсуждают социальные проблемы, представляющие общий интерес, где различия во мнениях регулируются рациональными аргументами, а не обращением к устоявшимся авторитетам, догмам или обычаям.

Предварить исследование необходимо определением самого понятия, чтобы очертить границы анализа, поставить его в определенные рамки. Выполнение этой научной процедуры сразу же наталкивается на известные затруднения, поскольку в современной науке отсутствует не только четко фиксируемая, устоявшаяся дефиниция публичного пространства, но и определение публичности. Среди социологов, философов, культурологов и политологов не существует единого понимания или единообразного подхода к этому явлению. Имеются лишь отдельные представления, трактовки, которые не дают возможности репрезентативной атрибуции, локализации ее пространственных координат. Более того, в российской официальной лексике, в документах практически не используется понятие «публичное пространство», его заменяет термин «открытое пространство», который имеет несколько иное смысловое содержание.

В данной работе мы будем рассматривать публичное пространство как область социальной жизни и связанных с ней социальных практик, в которой обсуждаются дела, представляющие общий интерес, где различия во мнениях могут регулироваться рациональными аргументами и достигается согласие между моралью и правом, общественным мнением и законом [1].

В зарубежной социологии имеется достаточное количество трудов, ориентированных на переосмысление процессов формирования публичных пространств и публичной жизни в современном мире. К ним можно отнести работы З. Баумана «Текущая современность» (2008) [2], Дж. Урри «Мобильности» (2012) [3] и «Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия» (2012) [4]. Отдельным направлением в социологии являются труды о формировании городского публичного пространства. В любом городе публичное пространство – важнейшая составляющая городской жизни. Городское пространство давно стало предметом социологических исследований. Здесь можно вспомнить

работы классического периода Г. Зиммеля [5], М. Вебера [6], Р. Парка [7] и современные исследования Д. Джекобс [8], Р. Сеннета [9, 10], Ш. Зукин [11].

Под публичным пространством города ученые прежде всего понимают открытые, общедоступные пространства, приспособленные для пребывания людей, для «коммуникации незнакомцев» (Л. Лофланд) [12].

По мнению современных исследователей, публичное пространство города имеет ряд существенных для горожан характеристик, таких как доступность, комфорт, равенство участников, свободный доступ к пространству, безопасность и т. д. [13]. Эти наиболее распространенные характеристики публичного пространства города сегодня можно дополнить еще одной чертой – мобильностью. Мобильность понимается здесь как антипод статичности, как процесс, характеризующий современность, препятствующий реализации функции собраний и коммуникации в официальных публичных местах. Именно ограничение мобильности, по нашему мнению, может вызывать у горожан протест и возражения.

Эпидемия коронавируса существенно трансформировала публичное пространство городов, изменив привычные социальные отношения, присущие им. Наиболее пострадавшей от коронавируса частью городского пространства, по нашему мнению, оказались публичные и местно-локальные социальные отношения (торговля, общественный транспорт, индустрия развлечений, туризм). Конечно, семейно-личностные отношения пострадали, но значительно меньше. Этому есть разумное объяснение. Значительная часть этих отношений и до пандемии коронавируса происходила в социальных сетях и интернет-сервисах. В условиях пандемии и введения ограничений мы наблюдаем заметный рост данного общения.

Результаты и обсуждение. Эпидемия коронавируса поставила власть во всем мире перед необходимостью срочно ввести ограничения в публичное пространство. Это стало общемировой тенденцией в борьбе с коронавирусом. Санкт-Петербург не исключение. Первоначальное постановление об ограничениях в связи с новым коронавирусом было подписано губернатором Петербурга 13 марта 2020 г. С тех пор его изменяли более 10 раз, увеличивая запреты и ограничения. Последние изменения датируются 11 ноября 2020 [14]. На первый взгляд, поведение городской власти Петербурга в условиях пандемии коронавируса в принципе мало чем отличается от поведения аналогичных институтов в других городах.

Понятно, что введение ограничений преследует цель защитить горожан от эпидемии коронавируса, перекрыть коммуникационные каналы в публичном пространстве, способствующие его распространению. Однако рациональность принятых мер вызывает у нас сомнение. Для раскрытия этого тезиса мы предлагаем обратиться к теории системного анализа.

Если анализировать публичное пространство с точки зрения системного подхода, то оно предстает в качестве социально сконструированного и управляемого объекта, который находится в определенном равновесном состоянии и может переходить в новое состояние в результате случайного или целенаправленного воздействия. Принятие правительством Санкт-Петербурга мер по ограничению активности горожан в публичном пространстве имеет целенаправленный характер и преследует цель остановить распространение коронавируса в городе и вернуть публичное пространство в режим спокойствия. Принятие решения в публичном пространстве должно опираться на достоверную информацию. В противном случае принятое решение приведет к иному результату. В нашем случае решения

по введению ограничений в публичном пространстве города должны были бы вести к снижению роста заболеваемости COVID-19 и/или снижению показателя смертности от него. Но статистика свидетельствует об обратном (рис. 1, 2) [15].

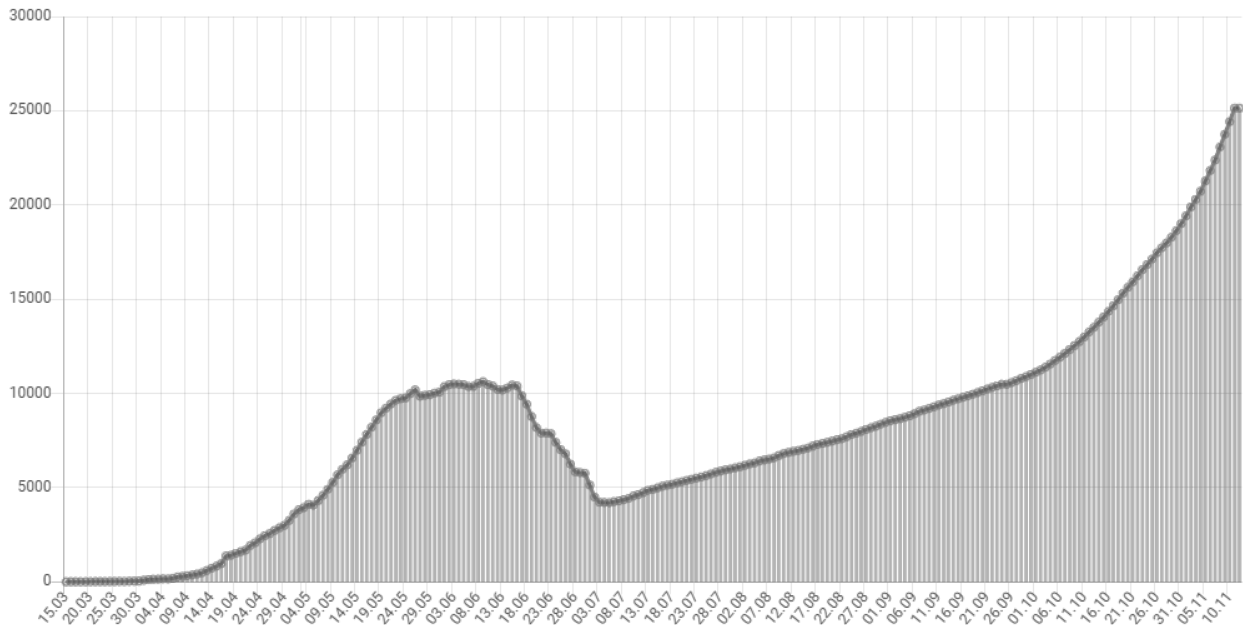

Рис. 1. Количество зараженных по Санкт-Петербургу
Fig. 1. Number of infected in St Petersburg

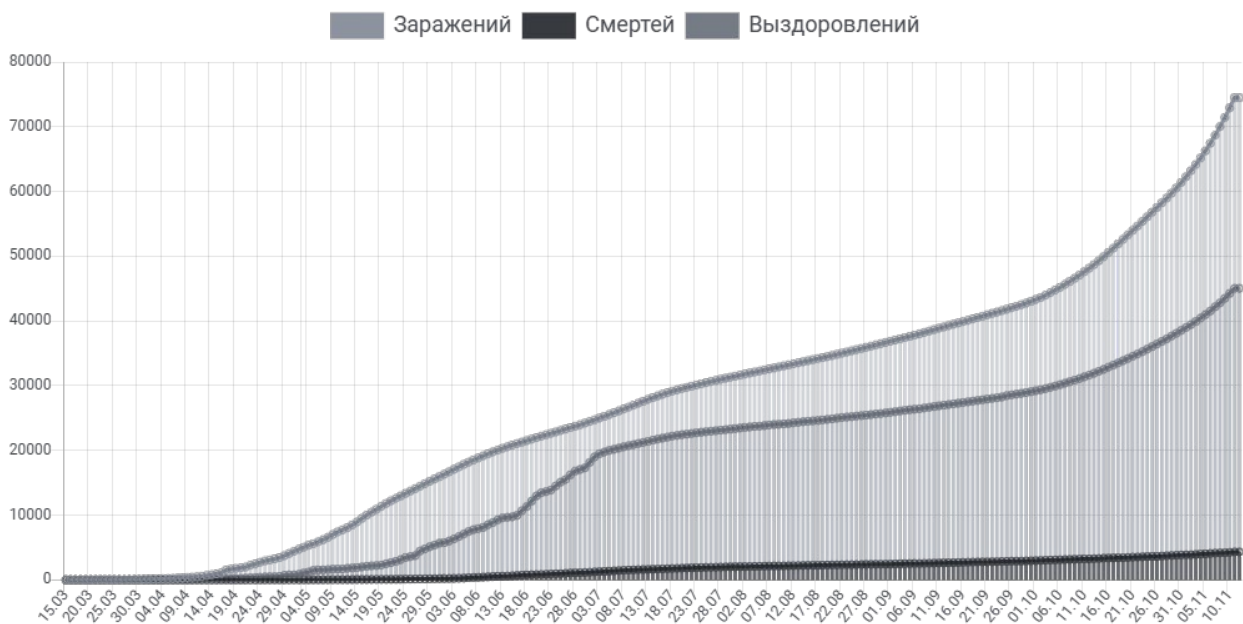

Рис. 2. Статистика случаев заражения по Санкт-Петербургу
Fig. 2. Infection case statistics for St Petersburg

У врачей есть свои версии осеннего роста заболеваемости коронавирусом. Но если абстрагироваться от сугубо медицинских аспектов проблемы и сосредоточиться на социальных, то можно сделать ряд предположений:

1. Решения правительства о введении ограничения в публичное пространство города не показали свою эффективность. Перевод учебных заведений (школ, вузов) на дистанци-

онные формы образования, 30 % сотрудников – на удаленную работу только видеоизменил коммуникативные потоки в публичном пространстве. Школьники и студенты получили свободу общения на улице, спортивных площадках, а в ряде случаев – в торгово-развлекательных центрах и кафе.

2. Ряд независимых исследований доказывает, что решения городской власти о введении ограничений в публичное пространство часто опираются на информацию (данные городской статистики), достоверность которой не доказана или вызывает сомнение [16].

3. За весь период пандемии коронавируса в городе не сформировался единый центр принятия решений, координирующий управление региональным здравоохранением. Работают 19 ведомств, имеющих различные показатели эффективности своей деятельности. Без такого центра происходит существенная десинхронизация работы амбулаторного и стационарного звеньев [17].

4. Поспешное перепрофилирование ряда медицинских учреждений на прием и лечение больных коронавирусом часто шло с нарушением требований постановления правительства РФ. Как было отмечено в октябре текущего года комиссией Министерства здравоохранения, которая изучала эпидемическую ситуацию в Петербурге, большая часть пациентов (54,6 %), страдающая тяжелыми сердечно-сосудистыми заболеваниями, выпала из поля зрения медицинского персонала. При этом заместить это дистанционным и телемедицинским консультированием в режиме «врач–пациент» не смогли. Это привело к большому числу госпитализаций таких пациентов с коморбидной патологией и внебольничными пневмониями, отягощенными коронавирусной инфекцией [17].

5. Вопреки собственным решениям о запрете или ограничении массовых мероприятий в период пандемии коронавируса Правительство Санкт-Петербурга организовало и провело 7 и 8 ноября 2020 г. городское световое шоу «Чудо света» в Петропавловской крепости. Организаторы уверяли, что оно станет первым событийным городским мероприятием с управляемой логистикой зрительских потоков и позволит обеспечить соблюдение всех мер безопасности. Мероприятие прошло в гибридном формате. Прямые включения из Петропавловской крепости прошли в социальных сетях, на сайте tv.fontanka.ru, на официальном городском туристском портале Visit Petersburg. Однако как свидетельствуют фотографии и видео с мероприятия, зрители собрались в огромную толпу, не соблюдая необходимую дистанцию и масочный режим. Кроме того, большинство петербуржцев пришли на фестиваль без перчаток и медицинских масок (либо носили их неправильно). Интересно отметить, что после проведения этого городского праздника резко выросла статистика заболеваемости коронавирусом.

Но было бы необъективно оценивать ситуацию в городе негативно, возлагая всю ответственность на городское правительство. Значительная часть горожан скептически относится как к коронавирусу, так и мерам по борьбе с ним. В нее входят и так называемые ковид-диссиденты, которые действительно верят, что такого заболевания как COVID-19 не существует, и призывают игнорировать все запреты и ограничения, вводимые правительством в борьбе с коронавирусом. Стоит отметить, что большинство горожан соблюдает социальные ограничения, но только в определенных ситуациях. Так, например, в магазинах масочный режим соблюдают почти 100 % покупателей. Но на местных рынках, которые есть в каждом районе, масочный режим соблюдают, по нашим оценкам, только 30–40 %.

Мы эту практику оцениваем как доказательство того, что в городе не сложился социальный договор между властью и частью горожан относительно соблюдения правил поведения в условиях пандемии коронавируса.

Поведение горожан Санкт-Петербурга резко контрастирует с социальным поведением жителей китайских городов. Так, например, в городе Ухань, в котором проживают 12 млн чел., жители продемонстрировали высокую дисциплину и послушание. Как недавно сообщило издание Фонтанка.ру, в городе «каждый жилой комплекс, от маленького девятиэтажного дома до башен в 30 этажей, охраняется со всех сторон. И когда людям сказали сидеть дома, то не было выбора: все выходы из ЖК перекрыли заборами, оставив лишь один. А при попытке выйти проверяли пропуск и температуру. А не как у нас: вышел из своей многоэтажки и пошел куда хочешь» [18]. В итоге город постепенно возвращается к обычной жизни. Маски еще носят, но ночные клубы, бары работают по полной программе, и там все ходят без масок.

Сознавая, что часть горожан систематически нарушает введенные ограничения и правила, правительство вынуждено ужесточить меры социального контроля за поведением граждан в публичной сфере. Но, как часто бывает в России, строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения. Власть публично декларирует ужесточение мер в борьбе с коронавирусом, понимая, что большинство из принимаемых ею мер на практике неисполнимы в силу как федерального, так и регионального законодательств.

Заключение. Подводя итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы. В условиях социальной неопределенности и при отсутствии возможности предсказать сценарий развития событий человек либо впадает в панику, либо мобилизует весь свой потенциал на преодоление кризисной ситуации. Современное общество так устроено, что основные ресурсы и возможности сконцентрированы в органах государственной власти и управления. Именно они в силу своих функций должны принимать решения, направленные на преодоление кризиса и напряженности, координировать деятельность социальных институтов и граждан. В этом плане можно констатировать, что городское правительство с самого начала стало центром координации и мобилизации всех городских ресурсов по преодолению пандемии. Но правильно и эффективно распорядиться имеющимися ресурсами ему не всегда удается. Одной из причин неэффективного использования имеющихся ресурсов стало то, что в правительстве с самого начала не была определена стратегия борьбы с пандемией коронавируса. Решения принимались ситуативно, порой непоследовательно. Отдельные решения сами по себе, скорее всего, были верными. Но, выстраиваясь в определенную логическую цепочку, они привели к неудовлетворительному результату.

Как следствие – ежедневный прирост числа инфицированных и появление кризисных тенденций в системе городского здравоохранения. Об этом свидетельствуют данные статистики и выводы комиссии Минздрава РФ. Сохраняя объективность, нужно отметить, что в сложившихся условиях не все зависит только от городского правительства. Важнейшей составляющей борьбы с распространением инфекции является социальное поведение граждан, их реальная поддержка принимаемых правительством мер. Наши эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что значительная часть горожан придерживается гибридных социальных практик поведения в городском публичном пространстве. Под термином «гибридные социальные практики» мы понимаем такое социальное поведение,

которое сочетает в себе в типовых ситуациях соблюдение и несоблюдение установленных в городе норм и правил (масочный режим, социальная дистанция, гигиеническая обработка рук и т. д.). Вместе с тем стоит отметить, что большинство горожан не впадает в панику, сохраняет психологическую и эмоциональную устойчивость. Они приспособились к новой реальности и продолжают жить своей повседневной жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухих В. А., Елисеев С. М. Тенденции и проблемы развития публичной сферы в России // ДИСКУРС. 2018. Т. 6, № 6. С. 96–101.
2. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
3. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Издательство Праксис, 2012.
4. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 23–35.
6. Вебер М. Город // М. Вебер. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Юрист, 1994. С. 309–440.
7. Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. с англ. С. Баньковской // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
8. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011.
9. Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, В. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос, 2002.
10. Sennett R. Verfall und Ende des oeffentlichen Lebens. Die Tyrannei der Intimitaet. Frankfurt am Main: Fischer, 2004.
11. Zukin S. The Cultures of Cities. Malden, Oxford: Blackwell, 1995.
12. Lofland L. H. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory (Communication and Social Order). N. Y.: Aldine de Gruyter, 1998.
13. Антонова А. А. Классификация публичных пространств в современной городской культуре // Урбанистика. 2017. № 3. С. 74–80. DOI: 10.7256/2310-8673.2017.3.24020.
14. О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121: Постановление правительства Санкт-Петербурга от 11 ноября 2020 года № 904 // Рос. газ. 2020. 11 ноября. URL: <https://rg.ru/2020/11/11/spb-post904-reg-dok.html> (дата обращения: 12.11.2020).
15. Онлайн-статистика коронавируса Covid-19 в Санкт-Петербурге на сегодня // Coronavirus (Covid-19). URL: <https://coronavirus-monitor.ru/coronavirus-v-sankt-peterburge/> (дата обращения: 12.11.2020).
16. Решение. Пандемия COVID–19: оценка качества информации для принятия управленческих решений. Отчет о результатах кабинетного исследования. СПб., 2020. URL: <https://static.ngs.ru/news/2020/99/images/d8d526d5d1044ccd7940f0d040abf845.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).
17. Минздрав назвал главные ошибки Петербурга в борьбе с коронавирусом // ДокторПитер. URL: <https://doctorpiter.ru/articles/26660/> (дата обращения: 12.11.2020).
18. Казаков И. «В Ухане все спокойно»: как спустя год пандемии коронавируса не носить маски, открыть все заведения и спокойно жить // Фонтанка.ру. 2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/11/17/69554238/> (дата обращения: 17.10.2020).

Информация об авторах.

Елисеев Сергей Михайлович – доктор политических наук (1997), профессор (2002), заведующий кафедрой коммуникативных технологий и сервисной деятельности Универ-

ситета при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая теория, социология политики и власти, политические процессы и технологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8462-4168>. E-mail: Eliseevprof@gmail.com

Глухих Владимир Александрович – кандидат философских наук (1984), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», ул. Проф. Попова, д. 5, 197376, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов – социология высшей школы, этносоциология. E-mail: vladimirglu@mail.ru

REFERENCES

1. Glukhikh, V.A. and Eliseev, S.M. (2018), "Trends and problems in the development of the public sphere in Russia", *DISCOURSE*, vol. 6, no. 6, pp. 96–101.
2. Bauman, Z. (2008), *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity], Transl. by Asochakov, Yu.V., Piter, St Petersburg, RUS.
3. Urry, J. (2012), *Mobil'nosti* [Mobilities], Transl. by Lazarev, A.V., Izdatel'stvo Praxis, Moscow, RUS.
4. Urry, J. (2012), *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century], Transl. by Krlechkin, D., HSE Publishing House, Moscow, RUS.
5. Simmel, G. (2002), "Die Großstädte und das Geistesleben", *Logos*, no. 3–4 (34), pp. 23–35.
6. Weber, M. (1994), "City", *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society], Transl. by Levina, M.I., Yurist, Moscow, RUS, pp. 309–440.
7. Park, R. (2002), "The City as a Social Laboratory", *Russian Sociological Review*, Transl. by Ban'kovskaya, S., vol. 2, no. 3, pp. 3–12.
8. Jacobs, J. (2011), *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities], Transl. by Motyl'ov, L., Novoe Izdatel'stvo, Moscow, RUS.
9. Sennett, R. (2002), *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man], Transl. by Isaeva, O., Rudnitskaya, E., Sofronov, V. and Chukhrukidze, K., Logos, Moscow, RUS.
10. Sennett, R. (2004), *Verfall und Ende des oeffentlichen Lebens. Die Tyrannei der Intimitaet*, Fischer, Frankfurt am Main, DEU.
11. Zukin, S. (1995), *The Cultures of Cities*, Blackwell, Malden, Oxford, USA.
12. Lofland, L.H. (1998), *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory (Communication and Social Order)*, Aldine de Gruyter, New York, USA.
13. Antonova, A.A. (2017), "Classification of public spaces in modern urban culture", *Urbanistika* [Urban Studies], no. 3, pp. 74–80. DOI: 10.7256/2310-8673.2017.3.24020.
14. "On amendments to the Decree of the Government of St Petersburg dated 13.03.2020 No. 121: Decree of the Government of St Petersburg dated 11 November 2020 No. 904" (2020), Rossiiskaya gazeta [Russian newspaper], 11 Nov., available at: <https://rg.ru/2020/11/11/spb-post904-reg-dok.html> (accessed 12.11.2020).
15. "Online statistics of the coronavirus Covid-19 in St Petersburg for today", *Coronavirus (Covid-19)*, available at: <https://coronavirus-monitor.ru/coronavirus-v-sankt-peterburge/> (accessed 12.11.2020).
16. Reshenie (2020), *Pandemiya COVID-19: otsenka kachestva informatsii dlya prinyatiya upravlencheskikh reshenii. Otchet o rezul'tatakh kabinetnogo issledovaniya* [Pandemic COVID-19: Assessing the Quality of Information for Making Management Decisions. Desk research report], St Petersburg, available at: <https://static.ngs.ru/news/2020/99/images/d8d526d5d1044ccd7940f0d040abf845.pdf>. (accessed 12.11.2020).

17. "The Ministry of Health named the main mistakes of St Petersburg in the fight against coronavirus", *DoktorPiter*, available at: <https://doctorpiter.ru/articles/26660/> (accessed 12.11.2020).

18. Kazakov, I. (2020), ""Everything is calm in Wuhan": how after a year of the coronavirus pandemic not wear masks, open all establishments and live in peace", *Fontanka.ru*, available at: <https://www.fontanka.ru/2020/11/17/69554238/> (accessed 17.10.2020).

Information about the authors.

Sergey M. Eliseev – Dr. Sci. (Policy) (1997), Professor (2002), Head of the Department of communication technologies and service activities, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 160 scientific publications. Area of expertise: political theory, sociology of politics and power, political processes and technologies. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8462-4168>. E-mail: Eliseevprof@gmail.com

Vladimir A. Glukhikh – Can. Sci. (Philosophy) (1984), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: methodology of social knowledge, interpersonal and intergroup communication. E-mail: vladimirglu@mail.ru

Практики социальной работы с мигрантами в России: экспертные оценки

Е. А. Ковтун[✉], В. П. Милецкий

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[✉]ekaterin.kovtun@yandex.ru

Введение. Регулирование социальной адаптации мигрантов – один из значимых вопросов для миграционной и социальной политики государства. Между тем проблемным компонентом процесса адаптации является отсутствие системного подхода к решению возникающих у мигрантов проблем внутри принимающего общества. В связи с этим необходимо исследование современных практик социальной работы с мигрантами и их семьями для выявления наиболее эффективных из них. Анализ социальной работы с мигрантами в государственных учреждениях культуры и социальной защиты, а также в некоммерческих организациях позволяет сформировать представление об общем состоянии социальной работы с мигрантами в современной России и выявить проблемы в ходе адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Методология и источники. Данные для социологического исследования в форме экспертных интервью были собраны с использованием качественного метода оценки практик социальной работы с мигрантами. Полуструктурированные интервью (в количестве 30) были проведены в 2018–2019 гг. в Москве, Санкт-Петербурге и Казани с руководителями и сотрудниками центров по работе с мигрантами, с учеными, изучающими миграционные процессы, организаторами регулярных мероприятий (семинаров, конференций) на эту тему. Выборка (30 экспертов) формировалась методом снежного кома. Количество экспертных интервью позволило охватить разнообразные практики социальной работы как в государственных структурах, так и в некоммерческих организациях.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показали, что в социальной работе с мигрантами в современной России применяются различные практики, отличительной особенностью которых является доминирующая направленность на социокультурную адаптацию и интеграцию. Эффективность практик социальной работы с мигрантами и их семьями может быть определена в конкретных изменениях: улучшение информированности и правовой грамотности иностранных граждан, повышение уровня их правовой защищенности, упрощение доступа к услугам здравоохранения и образования, доступность помощи в поиске жилья и трудоустройстве, возможность повышения профессиональной квалификации и расширения знаний о языке, культуре и истории российского общества.

Заключение. Экспертные оценки определили наиболее эффективные практики социальной работы с мигрантами, используемые в России: юридические консультации, мобильные консультационные пункты, адаптационные курсы, а также мобильные приложения, разработанные государственными и негосударственными организациями. Зафиксировано возрастание роли некоммерческих организаций (национальных культурных организаций по сохранению и развитию культур, Домов дружбы

народов), использующих социальные практики, которые помогают мигрантам и их семьям эффективнее адаптироваться к условиям принимающего общества.

Ключевые слова: экспертные интервью, экспертные оценки, мигранты, социальная работа, миграционная политика, работа с мигрантами.

Для цитирования: Ковтун Е. А., Милецкий В. П. Практики социальной работы с мигрантами в России: экспертные оценки // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 75–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-75-86

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» (проект № RFMEFI61317X0072 «Создание модели многофункционального центра компетенций в области социальной работы с мигрантами в условиях нарастания потока переселенцев в Россию и Швейцарию для снижения угроз обществу, экономике, государству»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 19.10.2020; принята после рецензирования 09.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Practices of Social Work with Migrants in Russia: Expert Assessments

Ekaterina A. Kovtun[✉], **Vladimir P. Miletskiy**

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

[✉]ekaterin.kovtun@yandex.ru

Introduction. Regulation of social adaptation of migrants is one of the most important issues of state migration and social policy. One of the problems in the process of adaptation of migrants is the lack of a systematic approach to solving the problems faced by migrants in the host society. Therefore, it is necessary to study social work practices with migrants and their families to identify the most effective ones. The analysis of social work with migrants in state institutions of culture and social protection and in non-profit organizations reveals the situation with social work with migrants in Russia and identifies problems in the process of adaptation and integration of migrants into Russian society.

Methodology and sources. Data for the sociological study in the form of expert interviews were collected using a qualitative method for evaluating social work practices with migrants. Semi-structured interviews were conducted in 2018–2019 in St Petersburg, Moscow, and Kazan with employees of professional centers for work with migrants, scientists specializing in the study of migration processes in their various aspects, and organizers of regular events (seminars, conferences) on this topic. The sample (30 experts) was formed by the snowball method. The number of expert interviews allowed us to cover a variety of social work practices both in government structures and in nonprofit organizations.

Results and discussion. The results of the study showed that various practices are used in social work with migrants in Russia. A distinctive feature of these practices is the dominant focus on socio-cultural adaptation and integration. The effectiveness of social work practices with migrants and their families can be defined in specific changes: improving awareness and legal literacy of foreign citizens, increasing their legal protection, simplifying access to health and education services, accessibility of assistance in finding housing and employment, the possibility of improving professional skills and knowledge of the language, culture, and history of Russian society.

Conclusion. Expert assessments revealed the most effective practices of social work with migrants used in Russia: legal advice, orientation courses, mobile counseling points where migrants can get advice from a social worker, a lawyer, and a doctor, and mobile applications integrated with state and non-state organizations. The results obtained show that the role of non-profit organizations (national cultural organizations for the preservation and development of cultures, the House of Friendship of Peoples) that use social practices to help migrants and their families adapt more effectively to the conditions of the host society is growing.

Key words: expert interviews, expert assessments, migrants, social work, migration policy, work with migrants.

For citation: Kovtun E. A., Miletskiy V. P. Practices of Social Work with Migrants in Russia: Expert Assessments. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 75–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-75-86 (Russia).

Source of financing: the work was supported by the Federal Target Programme “Research and Development in Top Priority Dimensions of the Science and Technology Complex of Russia in 2014-2020” (project No. RFMEFI61317X0072 “Creating a model of a multifunctional center of competencies in social work with migrants under conditions of their growing inflow in Russia and Switzerland to mitigate threats to society, economy, the state”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 19.10.2020; adopted after review 09.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Миграция в современном мире является одним из весьма актуальных социальных процессов, рассматриваемых на различных уровнях: от международного диалога при участии ООН и до обсуждения в отдельных странах и регионах. В мире наблюдается большое разнообразие миграционных потоков, вызванных изменениями социальных, экономических, политических, демографических условий в различных частях света. Нередко миграционные потоки воспринимаются как негативное явление, сопровождающееся преступностью, насилием, нелегальными видами деятельности и нарушением прав человека. В связи с этим процессы включения мигрантов в систему социальной защиты с целью их адаптации и интеграции в принимающем обществе являются ключевыми как с точки зрения миграционной политики и обеспечения стабильности в обществе, так и с точки зрения социальной политики и обеспечения прав человека.

Страны-члены ООН в целях обеспечения устойчивого развития договорились обеспечить учет демографических факторов и миграции в своих стратегиях развития и содействовать реализации прав человека и основных свобод всех мигрантов, с тем чтобы решать проблемы международной миграции на основе международного, регионального и двустороннего сотрудничества и диалога, признания прав и обязанностей стран происхождения, транзита и назначения и недопущения действий, которые могут повысить уязвимость мигрантов (резолюция 66/288 ГА ООН). В связи с этим вопросы социальной политики в отношении мигрантов, социальной работы с мигрантами и их семьями, предусматривающие их адаптацию и интеграцию в странах проживания и сохранение в них стабильности и безопасности, являются актуальными в рамках задач, стоящих перед всеми принимающими мигрантов государствами.

Международная миграция вносит весомый вклад в экономику принимающих стран, дополняя местные трудовые ресурсы и восполняя дефицит рабочей силы. В то же время

мигранты в принимающем сообществе сталкиваются с проблемами при адаптации и социализации в новой среде. Это незнание языка принимающей страны и ее законодательства, особенно в области трудовых отношений, правил пребывания и получения официального статуса, получения необходимой правовой и социальной помощи, включая незнакомую культуру и бытовой уклад. Интеграцию следует рассматривать как закономерный результат процесса, позволяющего мигранту жить независимо от внешней поддержки и получить социальный статус, обеспечивающий его стабильность. В этом отношении в «Предложениях к миграционной стратегии России до 2035 года» специально отмечается, что одним из важных факторов, проблематизирующих повестку миграционной политики, является игнорирование вопросов адаптации и интеграции мигрантов [1]. Упрощенное понимание интеграции сугубо в социально-культурном направлении и перенесение ответственности за адаптацию и интеграцию исключительно на самих мигрантов могут обернуться резким обострением проблем, связанных с миграцией.

Согласно данным доклада о международной миграции, подготовленного Отделом населения ООН, число международных мигрантов к середине 2017 г. достигло около 258 млн чел. (3,4 % от всего населения мира) [2]. По статистике МВД Российской Федерации, по состоянию на 2019 г. зарегистрировано 19 518 304 фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства [3]. Учитывая несомненную актуальность миграционной проблематики, в социологической науке миграция рассматривается как социальный процесс, специфика которого заключается в формировании факторов мобильности, самого процесса перемещения, адаптации мигрантов на новой территории при сохранении групповой идентичности [4]. При этом особую роль в регулировании миграции играет институт социальной работы, активно участвующий в реализации миграционной политики и позволяющий не только реализовывать задачи, связанные с социальными услугами, но и регулировать риски социальной напряженности, снижать уровень конфликтности в обществе и др.

Отдельно некоторые исследователи отмечают положительную роль умеренной миграции и вред крупномасштабной [5, 6]. При этом выгоды от использования миграции для принимающей страны зависят от ее возможности и способности интегрировать мигрантов в новую для них социокультурную среду. В связи с этим институт социальной работы обращает внимание на самые острые социальные проблемы мигрантов и уточняет, какие методы работы с мигрантами и их семьями являются эффективными. В результате происходит расширение области миграционных исследований путем усиления их междисциплинарности [7], интеграции различных уровней анализа, переосмысления связи между миграцией и интеграцией, а также наблюдаются повышение внимания к вопросам взаимодействия с мигрантами в принимающих сообществах, изучение основных структур общества и важных для общества сфер деятельности, в которых также разрабатываются и реализуются меры по адаптации и интеграции мигрантов (политика, экономика, право, здравоохранение, религиозные общины, институт семьи, массмедиа и др.) [8].

В существующих исследованиях о роли института социальной работы в процессе интеграции мигрантов в принимающем сообществе подчеркивается важность социальной поддержки мигрантов и их семей, так как они в процессе адаптации сталкиваются с проблемами различного характера: социальными, юридическими, образовательными, медицинскими, трудовыми. Вопросы социальной поддержки мигрантов в основном рассматри-

ваются через призму основных направлений миграционной политики. Вместе с тем ученые акцентируют внимание на том, с какими конкретными проблемами чаще всего сталкиваются мигранты, приехавшие в Россию, и какие практики социальной работы наиболее успешны в этом отношении.

С учетом изложенного целью статьи является изучение практик социальной работы с мигрантами в России, определение на этой основе общего состояния такой работы, а также уяснение с помощью экспертных оценок реальных проблем адаптации и интеграции мигрантов в российском обществе.

Задачи исследования включают в себя:

- анализ экспертных мнений и определение общей характеристики состояния социальной работы с мигрантами в России в настоящее время;
- определение эффективности существующих практик социальной работы с мигрантами;
- выявление и ранжирование социальных, политических и экономических факторов, влияющих на процессы адаптации и интеграции мигрантов в принимающем сообществе;
- выделение групп мигрантов, наиболее нуждающихся в социальной поддержке.

Методология и источники. В статье представлены результаты социологического исследования в области социальной работы с мигрантами, проведенного методом экспертных интервью. Стоит заметить, что, как правило, при изучении миграции как социального явления разные исследователи прежде всего обращают внимание на оценки уровня интегрированности и адаптированности мигрантов в принимающем сообществе. В настоящем исследовании предполагается непосредственно изучить такие практики социальной работы с мигрантами, которые являются частью повседневного взаимодействия мигрантов и их семей с представителями социальных служб, органов власти и общественных организаций. По мнению Л. М. Лобаковой и Е. А. Сертаковой, преимущество использования экспертного интервью заключается в возможности получения ранее неизвестных достоверных сведений, оценок и мнений от респондентов, обладающих высокой профессиональной квалификацией и компетентных в исследуемом вопросе [9]. Данным обстоятельством обуславливается выбор в качестве метода исследования экспертных полуструктурированных интервью.

В 2018–2019 гг. проведена серия экспертных интервью (N = 30). В качестве экспертов выступили ученые, специализирующиеся в области изучения миграции, практикующие социологи и юристы, специалисты в сфере социальной политики и социальной работы с мигрантами, в том числе сотрудники российского отделения Красного Креста и Управления Верховного комиссара по делам беженцев ООН в России, государственные и муниципальные служащие. Формирование выборки осуществлялось методом снежного кома, в рамках которого выбирались респонденты, специализирующиеся на изучении миграционных процессов и их различных аспектов, сотрудники профессиональных центров по работе с мигрантами, а также организаторы регулярных мероприятий (семинаров, конференций) по данной тематике.

Социология в данном случае предоставляет широкие возможности для комплексного исследования миграции как социального процесса во всем его многообразии, а область социологического изучения миграции включает в себя широкий спектр таких вопросов, как, например, интенсивность миграционной мобильности различных групп населения,

динамика социальных установок мигрантов и общественного мнения граждан принимающих стран, особенности протекания миграционных процессов и процесса адаптации мигрантов в различных регионах, прогнозирование воздействия миграционных процессов на страны исхода и назначения. Т. Юдина в своем исследовании подчеркивает роль социологии как интегративной науки и высказывает необходимость создания целостной специальной социологической теории миграции [4]. Одной из актуальных проблем для социологов в этом отношении является приживаемость (адаптация) мигрантов.

Начало изучению российскими исследователями миграции методами социологической науки было положено Т. И. Заславской, выделившей три фазы миграционного процесса: принятие решение о переселении, само передвижение и адаптация в новой среде, а также выявление стереотипов и социальных установок, оказывающих влияние на миграционное поведение населения [10]. Как отмечает А. А. Лаконова, мигрант выбирает стратегию поведения, сценарий адаптации и интеграции, исходя из проблем, с которыми сталкивается [11]. В связи с этим спешная адаптация мигрантов требует выявления и изучения проблем, возникающих у мигрантов и их семей в принимающей стране. Так, например, исследователи отмечают некоторые аспекты миграционного опыта, выделенные в ходе интервьюирования мигрантов: языковой и культурный барьер; чувство одиночества из-за отсутствия друзей или семьи; проблемы, связанные с формированием дружеских контактов в новой среде; статус миграции и продолжительность пребывания в этом статусе определенных лиц; предшествующий опыт работы [12]. Кроме того, качественные методы исследования миграции позволяют понять мотивы действий конкретных индивидов или социальных общностей, а также уяснить культурные особенности стран происхождения, транзита и принимающих мигрантов государств [13], а также выделить возможные проблемы мигрантов, попадающих в новую для них социальную среду.

Результаты и обсуждение. По результатам анализа данных, полученных в ходе проведенных интервью, были выявлены категории проблем, с которыми чаще всего сталкиваются мигранты и с которыми они обращаются в организации и структуры, оказывающие социальную помощь мигрантам (табл. 1).

Таблица 1. Проблемы, с которыми сталкиваются мигранты
Table 1. Problems faced by migrants

Проблема	Выдержки из интервью
Проблема занятости и трудоустройства	<i>Нелегальное оформление:</i> «...очень часто мы сталкиваемся с проблемой, что лицам, официально имеющим статус беженца, отказывают в трудоустройстве. Поэтому мигрантам и беженцам приходится трудоустраиваться нелегально и поддерживать теневую экономику»; «...много работодателей экономят и нарушают закон, например, мигранты приезжают сезонно, на 3 месяца, им не оформляют патент, так как это дорого»; «...если мигранты хорошо владеют языком, то проблем, конечно, меньше. Но если слабо – много обмана. Таких людей обманывают работодатели и посредники». <i>Несоблюдение условий труда:</i> «...медицинские, санитарные нормы находятся на критическом уровне»
Получение информации	<i>Трудность ориентирования в законодательстве:</i> «...не знают конкретные нормативные акты и как они меняются»; «...попадая в большой город, они не знают, куда идти, часто обращаются к землякам за помощью при оформлении документов, часто сталкиваются с юридическими трудностями»; «...возникают главные вопросы: куда идти? В чем заключается процедура?»; «...мигранты не успевают отслеживать новые правила, например, изменившиеся сроки регистрации»

Окончание табл. 1
End of table 1

Проблема	Выдержки из интервью
Уровень жизни	«...если взять, например, трудовых мигрантов из Средней Азии, то их уровень зарплаты минимальный»
Финансовые проблемы	«...увеличилась стоимость выхода мигранта на трудовой рынок. Это и покупка патента, и оплата курсов, оформление документов, съем жилья и т. д.»
Образование	«...по образованию в последние годы вопросов поступает много. Мигранты хотят получать образование, хотят дать образование детям, так как многие приезжают с детьми»; «много негативного опыта, когда мигрант и переселенец является специалистом в той отрасли, которая не востребована, или вовсе диплом образца другой страны не котируется в России»
Обеспечение и защита прав	«...мигрант боится при нарушении трудовых прав обращаться в органы власти, так как зачастую просто не уверен в законности оформления собственных документов»; «...система социального страхования, медицинского и пенсионного обеспечения только начинает работать»
Социализация и адаптация	«...стигматизация определенных мигрантских групп в общественном сознании и СМИ, трансляция стереотипов и мифов о мигрантах»

Из таблицы видно, что основные проблемы связаны с трудоустройством и получением заработной платы, сложностями с оформлением документов, получением медицинской помощи и образования. Кроме того, в ходе интервью отмечены проблемы с начислением пенсий, социальным страхованием, налогообложением, признанием в местах пребывания мигрантов их дипломов и квалификации, полученных в другой стране.

На основе полученных данных сделан вывод о том, что социальная работа с мигрантами в России включает в себя разнообразные эффективные методики адаптации: юридические консультации, ориентационные курсы, медицинскую помощь, а также инструменты, удобные для использования мигрантами: мобильные приложения для мигрантов, интегрированные с государственными организациями и негосударственными службами помощи мигрантам («Мигрант», «M-Help. Помощь мигрантам»), горячие линии, мобильные консультационные пункты в местах работы и проживания мигрантов, где можно получить консультацию социального работника, юриста и врача. Отдельным категориям мигрантов, наиболее нуждающимся в социальной поддержке, предоставляются проживание и питание, для чего существуют такие программы, как «Ночлежка», «Мать и дитя», «Спасибо», «Свет Надежды», «Поискофонд», «Карита» и др. (табл. 2).

Таблица 2. Практики социальной работы с мигрантами в России
Table 2. Practices of social work with migrants in Russia

Сфера деятельности	Практики социальной работы
Здравоохранение	Бесплатные консультации врачей
Образование	Подготовка детей мигрантов к школе и ЕГЭ, курсы для взрослых: языковые курсы, курсы профессиональной переподготовки
Юридическая помощь, информирование	Бесплатные консультации по различным вопросам: законодательство, трудоустройство, социальная помощь, образование; выпуск печатных изданий на различных языках с информацией о процедурах и порядке получения социальных услуг, оформления документов
Социализация и адаптация	Тематические форумы, выезды и мероприятия, объединяющие и раскрывающие национальные особенности народов и культур; интеграционные центры и приюты для временного пребывания уязвимых категорий мигрантов
Медиация конфликтов	Мониторинг межнациональных отношений; тренинги; социальная реклама, направленная на повышение толерантности; психологические консультации; вовлечение диаспор, НКО в разрешение конфликтов

По экспертным оценкам, именно консультационные услуги пользуются популярностью у мигрантов. Около 80 % из них при обращении за социальной поддержкой получают консультации по вопросам трудоустройства, оформления документов, регистрации по месту пребывания и др. Так, например, российское отделение Красного Креста предоставляет консультации по вопросам получения убежища, гражданства, оформления социальных льгот, проводит курсы по подготовке и переподготовке кадров (веб-дизайн, парикмахерское искусство, кулинарные курсы и т. д.). Для детей мигрантов проводятся курсы по подготовке к выпускным экзаменам в школе. Образование позволяет мигрантам и их детям приобрести навыки, которые могут быть использованы как в профессиональной сфере или на работе, так и в повседневной жизни [14, 15].

Следует отметить, что многие эксперты выделяют позитивную роль некоммерческих и благотворительных организаций в работе с мигрантами и их адаптации. Это и региональные отделения международных организаций (например, отделение российского Красного Креста), и отдельные небольшие проекты (помощь уязвимым категориям, брошенным детям, беременным женщинам-мигранткам), инициатива создания которых идет снизу. Адаптация мигрантов необходима также и самому принимающему обществу. По словам одного из экспертов, адаптацию недостаточно проводить только на государственном уровне. Следует также практиковать социализацию и адаптацию мигрантов и их семей через волонтерские центры, НКО и другие институты гражданского общества. На государственном уровне таким проектам оказывается поддержка прежде всего через разнообразные гранты. Вместе с тем со стороны учреждений государственной власти предоставляются помощь в организации мероприятий и площадок для их проведения, информационная поддержка, субсидии на проведение мероприятий.

По мнению экспертов, интеграция, проходящая без отрыва от принимающего сообщества, позволяет мигрантам быстрее и эффективнее адаптироваться. В связи с этим стоит отметить роль некоммерческих организаций (национально-культурные организации по сохранению и развитию культур, Дома дружбы народов) в сохранении культур народов и развитии диалога между ними. Успешная адаптация приезжающих в принимающем обществе является основой для стабильности внутри государства, обеспечения безопасности как граждан, так и мигрантов, а также сохранения государственного суверенитета. При этом специалисты, работающие в сфере предоставления социальной помощи мигрантам, отмечают востребованность адаптации и интеграции у семей, приезжающих на постоянное место жительства, которые хотят не только интегрироваться, но и сохранить свою культуру.

Система социального страхования, медицинского и пенсионного обеспечения мигрантов в России находится ныне в процессе развития. Уже существует минимальный уровень социальной защиты и социальных гарантий мигрантам, включающий, например, медицинскую помощь. Позитивными являются также практики упрощенных процедур обеспечения социальных гарантий в рамках соглашений между странами (СНГ, ЕАЭС), признания дипломов, учета трудового стажа, снижения налоговой ставки, оказания внеплановой медицинской помощи и др.

Среди опрошенных экспертов в контексте предоставления мигрантам социальных услуг и их объема чаще всего упоминаются вопросы, связанные с механизмами упрощенного предоставления прав на социальную помощь для мигрантов. При этом отмечается, что нелегальные мигранты и их семьи являются одной из самых социально незащищенных

категорий. Также в ходе обработки интервью в качестве наиболее нуждающихся в социальной помощи и поддержке были выделены временно являющиеся трудовыми мигрантами лица, прибывающие на постоянное место жительства, неработающие члены семей мигрантов, их дети, беженцы и лица, ищущие убежище, переселенцы-соотечественники и иностранные студенты.

В ходе интервью эксперты отметили, что нет универсальных практик социальной работы с мигрантами, так как следует учитывать специфику каждого региона и его возможности. Тем не менее возможность обмена опытом практической деятельности имеет позитивный характер как для практикующих специалистов, так и для ученых, изучающих процессы миграции, ибо позволяет обмениваться опытом и выстраивать социальную работу с мигрантами более эффективно.

В целом, можно выделить четыре уровня социальной работы с мигрантами: локальный, местный, региональный, федеральный. На локальном уровне возможны оказание адресной помощи, проведение работы с отдельными категориями мигрантов, а также с представителями организаций, помогающих в адаптации мигрантов – культурных центров, диаспор и др. На местном или муниципальном уровне социальная работа практикуется в рамках сотрудничества с образовательными и медицинскими учреждениями. На региональном уровне осуществляются разработка и проведение мероприятий, программ по адаптации мигрантов и развитию межнациональных отношений, формированию толерантности, практикуется социальная работа с учреждениями культуры. На федеральном уровне идет разработка стратегии миграционной политики, обеспечивается снятие барьеров в сфере пенсионного страхования через заключение международных договоров со странами транзита, практикуется работа со СМИ по формированию толерантного восприятия мигрантов принимающим обществом. Развивая эффективные практики социальной работы, возможно использовать выгоды от международной миграции в интересах стран происхождения мигрантов и их семей, а также уменьшать негативные последствия от нее.

В ходе интервью эксперты отмечали направления работы с мигрантами, развитие которых, по их мнению, перспективно и эффективно для проведения социальной работы с мигрантами в России и улучшения качества их жизни (табл. 3).

Таблица 3. Направления работы с мигрантами (рекомендации экспертов)
Table 3. Directions of work with migrants (recommendations)

Направление	Предложение
Трудоустройство	Не повышать стоимость патента для привлечения мигрантов на рынок труда и уменьшения вероятности их ухода в теневой сектор; проводить работу с работодателями, по квоте которых приехал мигрант, в случае отказа предоставить работу
Налогообложение	Поощрение законопослушных работников-мигрантов через снижение налоговой ставки
Социальное обеспечение и страхование	Развитие соглашений между государствами для упрощения процедур учета трудового стажа, признания дипломов, пенсионного обеспечения
Более активное вовлечение НКО в работу с мигрантами	Первичные приемы, консультации могут осуществляться через волонтерские центры, кадровые центры, НКО

Среди возможных направлений работы и перспектив эксперты также выделили введение процедуры разграничения легальности пребывания, нахождения и происхождения мигрантов для предоставления прав и социальных гарантий мигрантам, длительно прожива-

ющим на территории одного государства, ассимилировавшимся и интегрированным в общество. Кроме того, экспертами высказаны предложения о создании единых документов для пенсионного страхования, снятии ряда ограничений и барьеров для мигрантов через соглашения между странами и группами стран. Также для снижения негативного восприятия мигрантов принимающим обществом отмечена необходимость и важность социальной работы с мигрантами различных категорий, в том числе и с нелегально пребывающими на территории России.

Заключение. Результаты исследования показали, что учреждения и организации, работающие с мигрантами в России, играют важную роль в процессах их адаптации и интеграции, а также решают широкий круг задач, связанных с проблемами, с которыми сталкиваются мигранты. Основные трудности, с которыми чаще всего, по мнению экспертного сообщества, сталкиваются мигранты: правильность оформления документов, доступ к информации, юридические и финансовые сложности, вопросы, связанные с трудоустройством, доступ к медицинской помощи и образованию, в том числе для детей мигрантов. Оценивая ситуацию в сфере социальной защиты мигрантов и их включенности в систему социальной поддержки, эксперты отметили, что на мигрантов в гораздо меньшей степени распространяются те возможности, которые имеют граждане России. Однако при этом эксперты подчеркивают, что в рамках специальных соглашений и договоренностей, например, в ЕАЭС, процессы получения для мигрантов ряда социальных гарантий, например медицинского страхования и пенсионных льгот, упрощаются.

В сфере социальной работы с мигрантами как в государственных учреждениях, так и в некоммерческих организациях применяются такие основные практики как консультирование по проблемным вопросам (оформление документов, здоровье, юридическая помощь, разъяснение процедур и предоставление информации), предоставление локальной социальной помощи (предоставление временного жилья, продовольствия, одежды), организация социокультурных мероприятий (форумов, фестивалей, праздников), медиация при решении межличностных и межэтнических конфликтов и гармонизация межэтнических отношений. Важную роль в процессах адаптации и интеграции играют также сообщества диаспор.

Проанализировав совокупность практик социальной работы с мигрантами, выделенных экспертами в ходе интервью, правомерно сделать вывод о том, что в целом социальная работа с мигрантами в России является достаточно гибкой, сочетающей практики различной направленности и учитывающей специфику регионов. Подобная гибкость отчасти обусловлена отсутствием унифицированных практик социальной работы с мигрантами, что может являться проблемным аспектом при формировании общероссийских рекомендаций или стандартов предоставления социальных услуг мигрантам. Однако применение различных современных практик и обмен опытом с другими странами способны повысить эффективность системы социальной работы с мигрантами и их семьями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года. М.: РСМД, 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf> (дата обращения: 19.10.2020).
2. Department of Economic and Social Affairs. International Migration Report. United Nations, 2017. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017.pdf> (дата обращения: 18.10.2020).

3. Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/> (дата обращения: 19.10.2020).
4. Юдина Т. Н. Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006.
5. Clemens M. A. Economics and emigration: Trillion-dollar bills on the sidewalk? // J. of Economic Perspectives. 2011. Vol. 25, № 3. P. 83–106. DOI: 10.1257/jep.25.3.83.
6. Коллиер П. Исход: Как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
7. Amelina A., Horvath K. Sociology of migration // The Cambridge Handbook of Sociology. Core Areas in Sociology and the Development of the Discipline / in K. Korgen (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. P. 455–464. DOI: 10.1017/9781316418376.046.
8. Kraal K. The Future for Migration Research in Europe // IMISCOE Policy Brief. 2008. № 7. P. 1–7.
9. Libakova N. M., Sertakova E. A. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North // J. of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8, № 1. С. 114–129. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-1-114-129.
10. Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социол. исслед. 1978. № 1. С. 64–72.
11. Лакомова А. А. Социальная адаптация мигрантов: отечественный и международный опыт // ОГАРЕВ-ONLINE. 2016. № 23. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/socialnaya-adaptaciya-migrantov-otechestvennyj-i-mezhdunarodnyj-opyt> (дата обращения: 19.10.2020).
12. Vazquez Maggio, L., Westcott H. Researchers' reflections of empathy following interviews with migrants // Qualitative Research J. 2014. № 14 (3). С. 214–227. DOI: 10.1108/QRJ-12-2012-0029.
13. Handbook of Research Methods in Migration / in C. Vargas-Silva (ed.). Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2012. DOI:10.25336/P6H03S.
14. Global Education Monitoring Report 2019: Migration, Displacement and Education. Building Bridges, not Walls. Paris: UNESCO Publishing, 2018. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866> (дата обращения: 19.10.2020).
15. Good Practices in Migrant Integration: trainer's manual. Warsaw: OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). URL: <https://www.osce.org/odihr/393527?download=true> (дата обращения: 19.10.2020).

Информация об авторах.

Ковтун Екатерина Андреевна – магистр социологических наук (2018), аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная работа с мигрантами, социология коррупции, антикоррупционная политика в России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-5646>. E-mail: ekaterin.kovtun@yandex.ru

Милецкий Владимир Петрович – доктор политических наук (1998), профессор (2002), профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 83 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики и права, теория российской модернизации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1030-4115>. E-mail: falesm@mail.ru

REFERENCES

1. Ivakhnyuk, I.V. (2017), *Predlozheniya k migratsionnoi strategii Rossii do 2035 goda* [Proposals for the migration strategy of Russia until 2035], RIAC, Moscow, RUS, available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf> (accessed 19.10.2020).

2. Department of Economic and Social Affairs (2017), *International Migration Report*, United Nations, available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017.pdf> (accessed 18.10.2020).

3. "Main indicators on the migration situation in the Russian Federation for January-December 2019", *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, available at: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/> (accessed 19.10.2020).

4. Yudina, T.N. (2006), *Sotsiologiya migratsii* [Sociology of migration], Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.

5. Clemens, M.A. (2011), "Economics and emigration: Trillion-dollar bills on the sidewalk?", *Journal of Economic Perspectives*, vol. 25, no. 3, pp. 83–106. DOI: 10.1257/jep.25.3.83.

6. Collier, P. (2016), *Iskhod: kak migratsiya izmenyaet nash mir* [Exodus: How Migration is Changing Our World], Transl. by Edelman, N., Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, RUS.

7. Amelina, A. and Horvath, K. (2017), "Sociology of migration", *The Cambridge Handbook of Sociology. Core Areas in Sociology and the Development of the Discipline*, in Korgen, K. (ed.), Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 455–464. DOI: 10.1017/9781316418376.046.

8. Kraal, K. (2008), "The future for migration research in Europe", *IMISCOE Policy Brief*, no. 7, pp. 1–7.

9. Libakova, N.M. and Sertakova, E.A. (2015), "The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North", *Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 1, pp. 114–129. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-1-114-129.

10. Zaslavskaya, T.I. and Rybakovskii, L.L. (1978), "Migration processes and their regulation in a socialist society", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 64–72.

11. Lakomova, A.A. (2016), "Social adaptation of migrants: Russian and international experience", *Ogarev-online*, no. 23, available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/socialnaya-adaptaciya-migrantov-otechestvennyj-i-mezhdunarodnyj-opyt> (accessed 19.10.2019).

12. Vazquez Maggio, L. and Westcott, H. (2014), "Researchers' reflections of empathy following interviews with migrants", *Qualitative Research Journal*, no. 14 (3), pp. 214–227. DOI: 10.1108/QRJ-12-2012-0029.

13. *Handbook of Research Methods in Migration* (2012), in Vargas-Silva, C. (ed.), Edward Elgar Publishing, Cheltenham, Northampton, UK. DOI: 10.25336/P6H03S.

14. *Global Education Monitoring Report 2019: Migration, Displacement and Education. Building Bridges, not Walls* (2018), UNESCO Publishing, Paris, France, available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866> (accessed 19.10.2020).

15. *Good Practices in Migrant Integration: trainer's manual* (2018), OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), Warsaw, Poland, available at: <https://www.osce.org/odihr/393527?download=true> (accessed 19.10.2020).

Information about the authors.

Ekaterina A. Kovtun – Master (Sociology) (2018), Postgraduate Student at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 15 scientific publications. Area of expertise: social work with migrants, sociology of corruption, anti-corruption policy in Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-5646>. E-mail: ekaterin.kovtun@yandex.ru

Vladimir P. Miletskiy – Dr. Sci. (Policy) (1998), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 83 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics and law, theory of Russian modernization. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1030-4115>. E-mail: falesm@mail.ru

Портрет семей российских хоумскулеров: по результатам онлайн-опросов

М. Н. Яшина✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉ mnya@mail.ru

Введение. Практика получения семейного образования становится модной тенденцией в нашей стране в последние годы. Несмотря на растущую популярность среди населения, достаточного научного осмысления эта форма обучения у нас пока не получила. Цель статьи – описание социального портрета семей, выбравших семейную форму обучения для ребенка. Научная новизна работы обусловлена представленными в ней эмпирическими данными, имеющими динамический характер наблюдения за изучаемым объектом.

Методология и источники. Методологической базой для исследования стали конфликтный подход и принципы радикально-гуманистического подхода к образованию в трактовке И. Иллича. Эмпирической базой являются результаты трех опросов родителей детей от 6 до 18 лет, которые находятся на семейном образовании. Опросы проходили в период с 2016 по 2020 г. по единой методике и инструментарию. Для сбора данных разработана анкета для онлайн-опроса, который был распространен в социальных сетях, преимущественно в сообществах «ВКонтакте», посвященных семейному образованию. Выборка составила 443 человека.

Результаты и обсуждение. По данным опросов дети, находящиеся на семейном обучении, растут в полных семьях, где оба родителя имеют высокий уровень образования. Мать, как правило, не работает или имеет свободный график и выступает в качестве учителя для ребенка. Основным источником дохода в семье является доход отца. Совокупный доход семьи в среднем составляет от 40 до 60 тыс. руб. в месяц. В семье, чаще всего, двое детей, один из которых находится на семейном образовании. Семейное образование реализуется преимущественно с детьми начальной школы.

Заключение. Особенностью изучения семейного образования не только в нашей стране, но и в мире является отсутствие точных статистических данных относительно количества детей хоумскулеров. В связи с этим возможны в реализации только неслучайные выборки. Портрет российских хоумскулеров отличается от американских, в частности, по уровню, на котором реализуется семейное образование, месте проживания семей, их доходам.

Ключевые слова: семья, семейное образование, альтернативное образование, хоумскулинг, социальные сети, школа.

Для цитирования: Яшина М. Н. Портрет семей российских хоумскулеров: по результатам онлайн-опросов // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 87–98. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-87-98

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 15-33-01398 «Семейное образование как новая образовательная практика в современной России») и гранта РФФИ (проект № 19-011-00947 А «Российские семьи в планировании и реализации образовательного маршрута детей»).

© Яшина М. Н., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 20.10.2020; принята после рецензирования 10.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Portrait of a Russian Homeschooler's Family: Results of an Online Poll

Maria N. Yashina✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉mnya@mail.ru

Introduction. The practice of obtaining family education has become a fashionable trend in our country in recent years. Despite the growing popularity among the population, we have not yet received enough scientific understanding of this form of training. The purpose of the article is to describe the social portrait of families who have chosen a family form of education for a child. The scientific novelty of the work is due to the empirical data presented in it, which have a dynamic nature of observing the studied object.

Methodology and sources. The methodological basis for the study was the conflict approach and the principles of a radical humanistic approach to education in the interpretation of I. Illich. The empirical basis of the study is the results of three surveys of parents of children from 6 to 18 years old who are on family education. Surveys were implemented from 2016 to 2020, according to the same methodology and tools. To collect data, a questionnaire for an online survey was developed, which was distributed on social networks, mainly in VKontakte communities dedicated to family education. The total data set includes 443 respondents.

Results and discussion. According to surveys, children in family education grow up in full families, where the parent's ode has a high level of education, the mother, as a rule, does not work or has the possibility of a free schedule and is a teacher for the child. The main source of income in the family is the father. The total income of the family, which averages from 40 to 60 thousand rubles per month. In the family, most often two children, one of whom is in family education. Family education is mainly provided with primary school children.

Conclusion. The peculiarity of studying family education not only in our country, but also in the world is the lack of accurate statistics on the number of children of homeschoolers. In this regard, only non-random samples are possible in the implementation. The portrait of Russian homeschoolers differs from American ones, in particular in the level at which family education is implemented, the place of residence of families, and their income.

Key words: family, family education, alternative education, homeschooling, social networks, school.

For citation: Yashina M. N. Portrait of a Russian Homeschooler's Family: Results of an Online Poll. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 87-98. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-87-98 (Russia).

Source of financing: the work was supported by grants from the Russian Foundation for Humanities Research (project No. 15-33-01398 "Homeschooling as a new educational practice in modern Russia") and the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-011-00947 A "Russian families in the planning and implementation of the educational route for children").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.11.2020; adopted after review 10.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Альтернативное образование всегда вызывало интерес и жаркие споры, имея как своих ярых поклонников, так и столь же непримиримых противников. «Как учить

и чему учить?» – эти, казалось бы, локальные вопросы, интересующие непосредственных участников, практикующих альтернативное образование, становятся предметом обсуждения широкой общественности. Причинами тому являются как изменения, которые претерпевает на протяжении уже многих лет традиционная система образования с ее школами, классно-урочной системой, ФГОС и т. п., каждый раз вызывая новую волну интереса к альтернативным формам обучения, так и принципы, лежащие в основе этих форм обучения и могущие приводить к формированию личности другого типа, с не очень понятными для окружающих установками и нормами поведения, качеством получаемых знаний и уровнем социализированности. Среди форм альтернативного образования наиболее популярной на сегодняшний день является семейное образование, также называемое «домашнее образование» или «хоумскулинг» (homeschooling).

Наиболее активно в России о семейном образовании заговорили в 2013 г. после принятия нового ФЗ «Об образовании», в статье 17 которого отражена возможность получать образование вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Принятый законодательный акт стал толчком к активной институционализации этой сферы. Появились нормативные документы, регламентирующие семейное образование в регионах, активно стали создаваться сообщества в социальных сетях, выполняющие функции социальной поддержки подобных семей. Выпускаются журналы и проводятся конференции, как правило, силами активных приверженцев этой формы обучения, регулярно в различных СМИ фигурирует информация о семейном образовании. Складывающаяся форма институционализации «снизу», реализующаяся в первую очередь посредством активной социальной позиции самих семей, формирует некоторый крен в презентации данных, посвященных семейному образованию. Практики семейного образования в нашей стране в обосновании своих взглядов опираются на американский опыт в этой сфере. Но эти примеры однобоки, и из всего многообразия литературы отбираются лишь положительные аспекты [1]. Исследования, ставящие под сомнение эффективность или трудности в реализации альтернативного образования, старательно не замечаются. Почти полное отсутствие к настоящему моменту отечественных работ в данной области способствует порождению дополнительных мифов, окружающих семейное образование в России. В складывающихся обстоятельствах сбор эмпирических данных о семьях, чьи дети обучаются дома, является как нельзя актуальным.

Целью данной статьи является описание социального портрета семей, выбравших альтернативную форму обучения для ребенка.

Методология и источники. Семейное образование в мире представлено неравномерно. Наиболее широко оно распространено в США, реализуется в Канаде и Австралии, в Европе развитие этой формы обучения зависит от страны: например, в скандинавских странах оно разрешено, а в Германии находится под запретом. Степень охвата детей хоумскулингом отражается на степени его изученности. Наиболее полно опыт семейного образования представлен в англоязычных публикациях, значительная доля которых приходится на описание ситуации в США [2]. В такой ситуации неудивительно, что исследователи семейного образования ориентируются преимущественно на американский опыт.

Особенностью изучения семейного образования является сложность определения численности детей-хоумскулеров из-за проблем статистического учета этой категории не

только в России, но и в других странах, даже в США. Причины в каждой из стран могут иметь локальный характер, но общими для всех являются следующие: различия в законодательствах и закрытость самой социальной группы [2].

Теоретической основой представленного исследования послужили конфликтный подход и принципы радикально-гуманистического подхода к образованию в трактовке И. Иллича. Оба подхода видят в существующей системе образования консервативную силу, выступающую источником напряжения в обществе. Подобное состояние негативно потому, что школьная система воспитывает тип личности, устраивающий государство, и не учитывает интересов и склонностей ребенка. Избежать этого, по мнению И. Иллича, можно, отказавшись от обязательного государственного образования в пользу альтернативных форм обучения и передачи функции обучения ребенка родителям или не лицензированным специалистам [3].

Для реализации цели исследования нами был разработан инструментарий для проведения онлайн-опроса родителей, чьи дети в возрасте от 6 до 18 лет находятся на семейном образовании. Онлайн-опросы проходили в октябре–ноябре 2016 г., апреле 2018 г. и в мае–июне 2020 г. Всего в опросе приняли участие 443 человека.

Опросник включал блок вопросов о способах организации учебного процесса в домашних условиях, мотивах выбора семейного образования, а также социально-демографический блок, в котором отражены пол, возраст опрашиваемого, количество детей в семье, количестве детей, находящихся на семейном образовании, род деятельности родителей, а также совокупный семейных доход.

Для распространения онлайн-опросника первоначально был проведен анализ существующих сообществ в социальных сетях «ВКонтакте», «Facebook» и «Одноклассники», посвященных семейному образованию. Поиск производился по следующим ключевым словам: семейное образование, семейное обучение, домашнее обучение, домашнее образование, хоумскулинг, homeschooling, обучение на дому, образование на дому.

В 2016 г. сообществ, деятельность которых ориентирована на Россию, по тематике исследования было 337, но эта цифра довольно условна, так как сообщества, особенно малочисленные (до 50 чел.) постоянно увеличиваются. Наибольшее количество сообществ по семейному образованию представлено «ВКонтакте» (308 групп, из них 12 численностью более 1 000 чел.). В «Facebook» и «Одноклассниках» было 23 и 6 сообществ соответственно [4]. «ВКонтакте» отбор сообществ был выполнен по стратифицированной выборке. Основой стратификации послужили размер групп. Внутри групп использовалась вспомогательная программа Rstudio для обеспечения объективной случайной выборки респондентов. Каждая отобранная группа была пропущена через программу Rstudio, которая в дальнейшем выдавала 10 чел. под установленные критерии: активность, возможность отправить личное сообщение, семейное состояние, после чего вручную рассылалось сообщение отобранным пользователям.

Во время проведения отбора респондентов, было выявлено, что пользователи «ВКонтакте» очень редко заполняют или обновляют графу «Семейное положение». Таким образом, программе не удалось выяснить причастность пользователя к выборке. Вследствие этого критерий «семейного состояния» был исключен. Часть респондентов, отобранных для опроса, игнорировали сообщения, воспринимая ссылку, помещенную в сообщение, как вредоносную. Некоторые респонденты, получив сообщение с просьбой принять уча-

стие в опросе, просили оставить «семейников в покое», считая, что «все пересчеты нацелены на изведение объекта обсчета». Также в группах было выявлено большое количество участников, которые никак не связаны с семейным образованием. В их число входят: работники рекламных агентств, репетиторы, учителя, продавцы компаний «сетового маркетинга», руководители кружков и абсолютно случайные люди. Таким образом, складывалась ситуация, что количество потенциальных респондентов, подходящих под требования опроса, оказалась значительно меньше, чем изначально предполагалось. В результате были опрошены представители 30 групп из 34 первоначально предполагавшихся.

В «Facebook» и «Одноклассниках» был проведен сплошной отбор сообществ из-за их незначительного количества. Анкета с просьбой о размещении высылалась администратору сообщества. В итоге на «Facebook» анкету согласились разместить 60 % сообществ. Она была представлена во всех крупных сообществах, превышающих 1 000 чел. В «Одноклассниках» анкета размещена во всех сообществах. Доля участников опроса по социальным сетям распределилась следующим образом: «ВКонтакте» – 69,3 %, «Facebook» – 28,1 %, «Одноклассники» – 2,6 %.

В опросе 2018 г. российский сегмент сообществ по семейному образованию в «Facebook» и «Одноклассниках» оказался представлен преимущественно закрытыми группами, а также меньшим количественным и географическим многообразием – в основном сообщества принадлежат Москве и Московской области. Из-за таких особенностей опрос в этих социальных сетях было решено не проводить. В итоге было принято решение разослать онлайн-опросник в 32 сообщества по семейному образованию «ВКонтакте» (в 2018 г. сообществ насчитывалось уже 348), из которых 25 сообществ численностью более 1 000 чел. подверглись сплошному отбору, остальные 7 – случайному отбору из списка сообществ численностью от 500 до 1 000 чел. После отбора администраторам были разосланы запросы с просьбой о размещении онлайн-опросника на стене сообщества. Анкета первоначально размещалась в открытых сообществах. Всего откликнулось 7 сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Но в последующем некоторые участники еще самостоятельно перемещали ее в закрытые сообщества, членами которых являлись. Администраторы остальных отобранных групп либо проигнорировали запрос, либо ответили отрицательно.

Опрос в 2020 г. был реализован по той же схеме. Для удобства описания полученных результатов их презентация будет представлена в обобщенном виде, за исключением случаев, отражающих значительные изменения в изучаемом объекте.

Результаты и обсуждение. В опросах приняли участие преимущественно женщины (95,7 %). Доля мужчин составила 4,3 %. Модальный возраст респондентов соответствовал диапазону от 36 до 40 лет (42,3 %). Все федеральные округа были представлены в опросе, с преобладающим количеством опрошенных в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (42,7 и 25,0 %). Неравномерность распределения соответствует структуре количества детей хоумскулеров по стране.

В нашей стране семейное образование сосредоточено в мегаполисах (49,7 %), особенно в Москве и Санкт-Петербурге [5], в которых при огромном выборе образовательных учреждений родители не могут найти наиболее подходящее для их ребенка, и выбирают семейное образование (рис. 1). Тогда как малые города и сельская местность, где есть объективные причины для выбора семейного образования, менее активно включены в этот процесс. Значительное количество семей хоумскулеров в селах является исключением и

отражает модную тенденция последних лет, когда семьи с детьми переезжают из мегаполиса в сельскую местность. Воспроизводя на новом месте жительства практики городской культуры. Увлеченность семейным образованием не является отражением образовательного уклада местных жителей на селе. В США наоборот наиболее развита эта форма обучения в сельских (41 %) и пригородных районах (28 %), в крупных и мелких городах (21 и 10 % соответственно) [6].

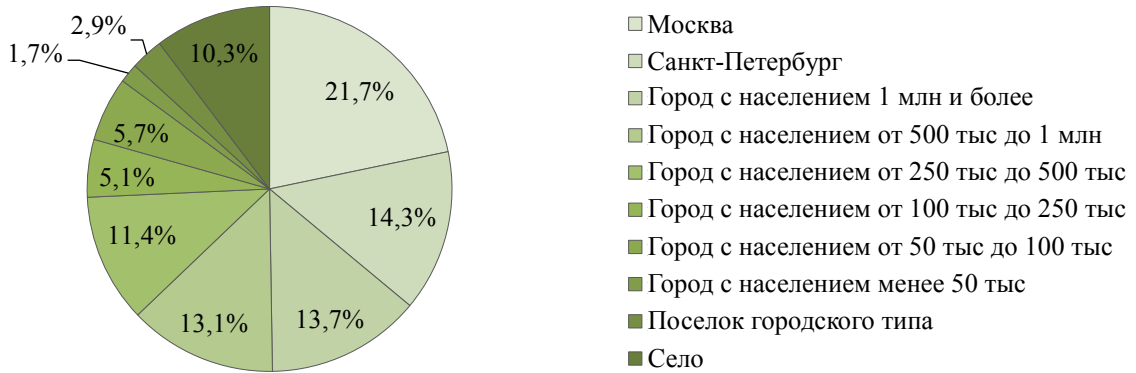

Рис. 1. Семейное образование в мегаполисах, городах и поселках России
Fig. 1. Family education in megalopolises, cities and towns of Russia

В среднем в семьях, принявших участие в опросе, двое детей. У 68 % семей двое и более детей, 32 % семей имеют одного ребенка. 91,7 % семей полные. Детей, практикующих семейное образование, в среднем один в семье, но есть семьи, в которых все дети обучаются дома. Мальчики составляют 54,1 %, девочек – 45,9 % совокупности. По результатам репрезентативных исследований в США, девочек чуть больше на семейном образовании, чем мальчиков.

Хотелось бы отметить возрастные особенности детей, находящихся на семейном образовании. Минимальный возраст начала семейного образования связан с возрастом получения школьного образования в нашей стране. Средний возраст ребенка на семейном образовании 9,7 лет. Половина совокупности в возрасте от 8 до 12 лет. Основное количество детей приходится на начальную школу (рис. 2). Это связано с тем, что на начальном этапе обучения родитель без специальной подготовки в состоянии справиться с учебным материалом собственными силами.

Рис. 2. Принадлежность ребенка к уровню школьного обучения
Fig. 2. A child's belonging to the level of schooling

Складывающуюся тенденцию в российском семейном образовании с постепенным уменьшением количества хоумскулеров при переходе от одной ступени обучения к другой

можно объяснить диктатом внешних обстоятельств. Начиная с 5 класса, у родителей, предполагающих продолжение семейного образования для своих детей, возникают сложности при организации учебного процесса, требующие, как правило, привлечения дополнительных ресурсов (пап, репетиторов, обсуждения со школой о возможности посещения некоторых предметов). В некоторых случаях сами дети проявляют интерес к посещению школы. Родители в свою очередь уже спокойнее относятся к переходу на школьное обучение своих уже повзрослевших и окрепших, как в моральном, так и в физическом плане детей. К 9 классу, а тем более в старшей школе ситуация еще более усугубляется необходимостью сдачи итоговых экзаменов в форме ОГЭ и ЕГЭ. И здесь семьи, готовые отдать детей в общеобразовательные школы для подготовки к итоговым аттестациям, сталкиваются с проблемой, что школы не ждут их с распростертыми объятиями. В результате к окончанию школы на семейном образовании, официально оформленном, остаются единицы. В этом аспекте отечественная практика семейного образования отличается от ситуации в США, где по мере приближения к окончанию школы количество хоумскулеров увеличивается от 18 % на начальной ступени до 32 % к старшим классам [6].

На протяжении трех волн опроса планы по продолжению обучения ребенка не изменяются. Половина опрошенных (50,2 %) не видит иной формы обучения для своего ребенка, кроме как семейное. Вторая половина не столь определена в своих планах: многое зависит от обстоятельств, желания ребенка, возможностей семьи. Так, 25,4 % со временем планируют вернуться в школу, 6,4 % будут исходить из интересов ребенка, 15,6 % еще не думали, как будет происходить дальнейшее обучение, для 2,4 % – это продолжение обучения в частных школах, еще для 0,2 % – это построение уникального образовательного маршрута для своего ребенка, сочетающее разнообразные комбинации обучения. Возвращаясь к школьному обучению, родители будут тщательно выбирать учебные заведения, претендуя на школы, дающие высокое качество образования, грамотных и внимательных учителей, а также соответствующий социальный контингент учащихся. Те, кто готов вернуться к формальному образованию, но не видит подходящих для себя учебных заведений, ориентируются на другие формы альтернативного образования, в первую очередь на частные образовательные учреждения, в которых они могут удовлетворить искомые требования.

Семьи, в которых дети находятся на семейном обучении, имеют высокий образовательный статус. 75,2 % родителей имеют высшее образование. Среднее специальное и незаконченное высшее имеют 19,4 %. Родители с начальным профессиональным и ниже уровнем образования составляют 5,4 %.

Условием, позволяющим реализовывать такую форму образования, как семейное, особенно, когда речь идет о детях начальной школы, является возможность быть кому-то из взрослых дома. Как правило, это женщина, неработающая и ведущая хозяйство или со свободным графиком, позволяющим работать на дому. Подробнее данные о виде деятельности респондентов представлены в табл. 1.

Образование и тип профессиональной деятельности традиционно являются одними из признаков стратификации. Наличие высокого уровня образования среди опрошенных (94,6 % чел. имеют как минимум среднее специальное образование) и занимающихся преимущественно нефизическим трудом позволяет отнести семьи к представителям среднего класса. При обращении к экономическому фактору стратификации, оцениваемому в первую

очередь по доходам, место этих семей в социальной структуре изменяется. На основе методологических принципов многомерной стратификации уровень благосостояния среднего класса измеряется через показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения [7]. Средний доход опрошенных семей составляет 59 800 руб. С учетом того, что это, как правило, полные семьи с несовершеннолетними детьми, средний состав семьи – четыре человека. В результате среднедушевой доход в размере 15 356 руб. (Ме 14 000 руб.), у половины опрошенной совокупности среднедушевой доход колеблется от 10 000 до 20 625 рублей. Медианные значения доходов в РФ в 2016 г. составляли 23 057,8 руб., в 2019 г. – 26 365,3 руб. [8]. Таким образом, по уровню благосостояния только 18 % респондентов относятся к среднему классу. Семьи с более низким доходом на одного человека в основном живут за счет средств одного кормильца, так как среди матерей доля неработающих или являющихся домохозяйками составляет 48,8 %, тогда как в семьях, принадлежащих среднему классу они составляют 25,8 %. Полученная разница статистически значима (критерий хи-квадрат 31450, $p = 0,026$).

Таблица 1. Вид деятельности
Table 1. Type of activity

Вид деятельности	Процент от ответивших
Домохозяйка	35,7
Специалист/служащий/инженерно-технический работник	21,3
Владелец бизнеса, предприниматель	18,3
Педагог/репетитор	7,4
Безработный/временно не работающий	6,5
Работаю на фрилансе	3,9
Другие	3,9
Творческие профессии	3,0

Если сравнивать с данными американских семей хоумскулеров, 11 % семей относятся к бедным, 89 % – к небедным [6]. Для показателя бедный/небедный используется критерий проживания в домохозяйстве с доходами ниже порога бедности. В наших опросах это соотношение 23,8 и 76,2 % соответственно.

О влиянии материального положения семьи первоначально на этапе разработки программы исследования отводилась существенная роль. Предполагалось, что именно этот фактор будет решающим в выборе средств обучения. Несмотря на отсутствие статистических различий на уровне 0,05, в группе с низким уровнем дохода приглашенных для обучения ребенка специалиста или репетитора нет, тогда, как семьи с более высоким доходом и принадлежащие к среднему классу нанимают репетиторов и активнее посещают платные образовательные центры.

Выбор родителями образования в домашней среде накладывает определенные обязательства на принятие кем-то из близких роли учителя, в целях передачи необходимых знаний. Как правило, учителем становится мама. Если говорить о количестве применяемых компонентов обучения, то арсенал для 84,6 % респондентов не превышает двух (это совмещение роли родителя в качестве учителя и самостоятельное обучение). Для большинства семей родитель является преобладающим элементом обучения, еще 20,3 % семей используют самостоятельную деятельность детей. Такой способ обучения, как образовательный коллектив, применяют 7,7 % респондентов. Подробнее формы организации обучения представлены на рис. 3.

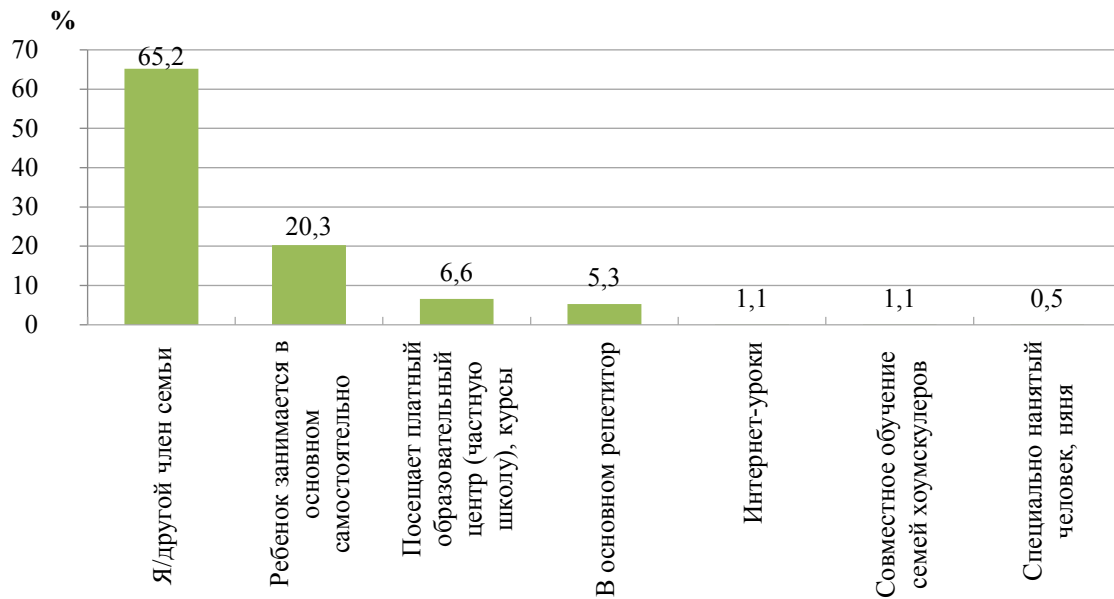

Рис. 3. Организация обучения
Fig. 3. Organization of education

Применение разных форм обучения зависит от степени обучения, на которой находится ребенок. В возрасте начальной школы (6–10 лет) он еще не освоил навыки самостоятельного обучения, и родитель максимально задействован в учебном процессе. По мере взросления и усложнения школьной программы акцент смещается в сторону самостоятельного обучения и привлечения специалистов. Данные, представленные в табл. 2 статистически значимы (хи-квадрат 26 227, $p = 0,000$).

Таблица 2. Влияние степени образования ребенка на организацию обучения
Table 2. Impact of a child's education level on the organization of education

Организация обучения	Начальная школа, %	Средняя и старшая школа (в связи с небольшим количеством детей, находящихся на семейном образовании в старшей школе, они были объединены с группой средней школы), %
Я/другой член семьи занимаюсь с ребенком	91,8	79,0
Обучением занимаются в основном репетиторы	5,5	8,6
Обучением занимается в основном специально нанятый человек, няня	0,7	1,2
Ребенок занимается в основном самостоятельно	19,9	42,0
Ребенок посещает платный образовательный центр (частную школу)	8,9	3,7
Ребенок посещает платные курсы	0,7	1,2
Ребенок смотрит интернет-уроки	0,7	3,7
Ребенок посещает семейную школу (совместное обучение семей хоумскулеров)	1,4	2,5

Федеральные государственные стандарты начального, основного и среднего общего образования, ориентируясь на системно-деятельностный подход, предполагают «обогащение форм взаимодействия со сверстниками и взрослыми в познавательной деятельности» в начальной и средней школе до «овладения приемами учебного сотрудничества и социального взаимодействия со сверстниками, старшими школьниками и взрослыми в совместной учебно-исследовательской и проектной деятельности» в старшей школе [9]. Опираясь на регламентирующие систему образования документы можно предположить, что помощь

родителя в процессе обучения не исключается полностью, она видоизменяется. Именно этот принцип и демонстрируют родители хоумскулеров. Не переставая заниматься с ребенком, они меняют формы овладения знаниями, участвуя в «погружениях», «семейных проектах» и т. п. мероприятиях, организуемых в том числе с помощью привлечения единомышленников в социальных сетях.

Кажущаяся идиллия взаимоотношений детей и родителей на семейном образовании по результатам зарубежных исследований в какой-то период заканчивается. И родители, в связи с происходящими ролевыми деформациями во время учебы ребенка дома, со временем меняют способы организации обучения.

Для 51 % родителей основным источником информации о семейном образовании, его особенностях являются СМИ и Интернет. И этот процент не изменился на протяжении четырех лет, так же как и роль друзей, знакомых, практикующих семейное образование (варьируется от 37,7 до 33,6 %). Значительно возросла за этот период роль школы как инициатора перехода на семейное образование (с 1,4 % в 2016 г. до 12,7 % в 2020 г.). Возможное объяснение этому факту нам видится в улучшении законодательного регулирования семейного образования, наработке опыта в самих школах по аттестации таких учащихся.

Как правило, в семье решение о переходе на семейное обучение принимается от месяца до полугода (67,3 %, для остальной совокупности это более длительный процесс) по поводу первого ребенка. Однако, если в семье двое и более детей на семейном образовании, то решение родителями принимается в основном в течение месяца. Основным инициатором выбора альтернативной формы обучения выступает мать ребенка (49,1 %), при этом, конечно, нельзя утверждать, что решение в семье принималось исключительно одним человеком без обсуждения с другими. Чуть меньшая часть респондентов (44,5 %) приняли решение вместе со своим (-ей) супругом (-ой).

У большинства семей (71,4 %) проблем с оформлением на семейную форму обучения не возникало. Чаще всего ребенка переводят на семейное образование (38,2 %), прикрепляют к контингенту школы для прохождения аттестации, а затем снова исключают (28,2 %) или оформляют на заочное обучение (18,2 %) (подробнее данные представлены в табл. 3).

Таблица 3. Формы взаимоотношений с образовательной организацией
Table 3. Forms of relations with the educational organization

Взаимоотношения с образовательной организацией	Процент от ответивших
Заключен договор со школой о прохождении промежуточной (итоговой) аттестации, ребенок зачисляется в качестве экстерна	28,2
Ребенок оформлен на заочную форму обучения	18,2
Ребенок оформлен на семейную форму обучения	38,2
На основе устной договоренности со школой, документы о переходе не оформляли	5,5
Отношения со школой никак не оформлены	4,5
Дистанционное обучение в частных школах	5,4

Дети хоумскулеры максимально включены в систему дополнительного образования. 87,3 % посещают кружки, секции и т. п. Это значительно выше, чем у детей-школьников. Вовлеченность детей в целом по стране в возрасте от 5 до 18 лет в 2015 г. составляла около 68 % (более поздние данные найти не удалось) [10]. Система дополнительного образования позволяет компенсировать недостаток общения со сверстниками и развивать навыки и умения, которые родители не могут привить самостоятельно. В целом девочки вообще

больше вовлечены в дополнительное образование, нежели мальчики, хотя статистически значимых различий не наблюдается.

Заключение. Полученная в ходе опросов информация позволяет сделать вывод о высокой активности именно матерей в решении вопросов об образовании своих детей, что в совокупности с неудовлетворенностью родителей качеством школьного обучения является фактором распространения семейного образования в нашей стране. В больших городах родители обладают большими возможностями для обучения детей, получения помощи со стороны профессионалов при наличии трудностей, а также возможностью общения с семьями, которые также обучают своих детей дома. В то время как в небольших населенных пунктах вышеперечисленные бонусы вызывают затруднения.

Семьи при реализации выбранной формы обучения для своего ребенка сталкиваются с трудностями в вопросах организации учебного процесса, необходимости вывода одного из взрослых за пределы экономической активности, исполнения одновременно двух ролей, родителя и учителя, требующих разных моделей поведения. Часто эти проблемы возникают уже в процессе реализации обучения из-за того, что на русском языке очень мало научной литературы по проблемам семейного образования, где пояснялись бы все плюсы и минусы. А информация, представленная в СМИ и Интернете, поверхностна. Семейное образование должно стать более открытым для обсуждения через повышение информированности семей при выборе этой формы обучения.

За годы существования семейного образования в сообществах приверженцев сложились уже определенные практики, которые важны для решения в том числе и задач, стоящих перед общеобразовательными школами. Большинство родителей выбирают эту форму обучения для детей в связи с невозможностью удовлетворить свои образовательные запросы через систему государственного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исследования // Свобода в образовании. URL: <http://freedu.ru/modx/issledovaniya> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Kunzman R., Gaither M. Homeschooling: A Comprehensive Survey of the Research // Other Education: The Journal of Educational Alternatives. 2013. Vol. 2 (1). P. 4–59.
3. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Промсвещение, 2006.
4. Яшина М. Н. Семейное образование в сети Интернет // Социология образования. 2017. № 2. С. 63–73.
5. Яшина М. Н. Региональные практики реализации семейного образования // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: мат. V Всеросс. социол. конгресса, Екатеринбург, 19–21 окт. 2016 г. / Рос. общ-во социологов. М., 2016. С. 6790–6796.
6. Redford J., Battle D., Bielick S. Homeschooling in the United States: 2012. Washington: National Center for Education Statistics, 2016.
7. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин и др. / Ин-т социологии РАН. М., 2016.
8. Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed1-2-6.htm (дата обращения: 13.10.2020).
9. Федеральные государственные образовательные стандарты начального общего образования и среднего общего образования // ФГОС. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 20.10.2020).

10. Справка по вопросу «О реализации мероприятий, направленных на совершенствование деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере организации досуга и дополнительного образования детей» // Банк документов. Министерство просвещения РФ. URL: <https://docs.edu.gov.ru/> (дата обращения: 13.10.2020).

Информация об авторе.

Яшина Мария Николаевна – кандидат социологических наук (2004), доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 53 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-1157>. E-mail: mnya@mail.ru

REFERENCES

1. "Research", *Freedom in education*, available at: <http://freedu.ru/modx/issledovaniya> (accessed 10.10.2020).

2. Kunzman, R. and Gaither, M. (2013), "Homeschooling: A Comprehensive Survey of the Research", *Other Education: The Journal of Educational Alternatives*, vol. 2 (1), pp. 4–59.

3. Illich, I. (2006) *Osvobozhdenie ot shkol. Proportsional'nost' i sovremennyi mir* [Exemption from schools. Proportionality and the modern world.], Prosveshchenie, Moscow, RUS.

4. Yashina, M.N. (2017), "Online Home Schooling", *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], no. 2, pp. 63–73.

5. Yashina, M.N. (2016), "Regional practices for the implementation of family education", *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice], *V Vserossiiskii sotsiologicheskii kongress* [V All-Russian Sociological Congress], Ekaterinburg, RUS, 19–21 Oct. 2016, pp. 6790–6796.

6. Redford, J., Battle, D. and Bielick, S. (2016), *Homeschooling in the United States: 2012*, National Center for Education Statistics, Washington, USA.

7. Gorshkov, M.K., Tikhonova, N.E., Anikin, V.A. and etc. (2016), *Rossiiskii srednii klass v usloviyakh stabil'nosti i krizisov* [Russian middle class amid stability and crises], Institute of Sociology RAS, Moscow, RUS.

8. "Average, median and modal level of monetary income of the population as a whole in Russia and in the constituent entities of the Russian Federation", *Rosstat*, available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed1-2-6.htm (accessed 13.10.2020).

9. "Federal state educational standards of primary general education and secondary general education", *FGOS*, available at: <https://fgos.ru/> (accessed 20.10.2020).

10. "Information on the issue "On the implementation of measures aimed at improving the activities of executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the field of organizing leisure and additional education for children"", *Bank dokumentov. Ministerstvo prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii*, available at: <https://docs.edu.gov.ru/> (accessed 13.10.2020).

Information about the author.

Maria N. Yashina – Can. Sci. (Sociology) (2004), Associate Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 53 scientific publications. Area of expertise: sociology of education. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-1157>. E-mail: mnya@mail.ru

УДК 81'42:32

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-6-99-112>

Оригинальная статья / Original paper

Особенности самопрезентации раковых больных в социальной сети «Инстаграм»

В. Г. Силантьева¹✉, А. В. Кожокина²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Российский государственный университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

✉silvercom@rambler.ru

Введение. Целью статьи является исследование того, как раковый дискурс может преобразовываться под влиянием жанрового своеобразия онлайн-коммуникации. Актуальность данного исследования состоит в том, что люди с диагнозом «рак» все чаще критикуют некоторые аспекты медийного образа ракового больного, используемые в социальной коммуникации. Новизна исследования заключается в том, что мы обращаемся к виртуальным нарративам людей, которые принадлежат общностям, чья деятельность направлена на ревизию стандартных коммуникативных ситуаций, связанных с раком.

Методология и источники. Для реализации заявленной цели был выбран комплексный подход, включающий в себя кластерный, статистический, лексико-семантический, структурно-синтаксический виды анализа, а также метод идентификации метафор в дискурсе. Комбинированный анализ позволил выявить в рассматриваемых нарративах инстаграм-блогеров Ники Ньюман и Лоры Хью как лексические маркеры ракового дискурса, так и жанровые маркеры интернет-коммуникации.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования дают основание утверждать, что нарративы раковых больных, опубликованные в «Инстаграм», отличаются от других текстов о раке. Блогеры стремятся поддерживать постоянную коммуникацию с большим количеством людей одновременно, поэтому их тексты призваны развлекать, быть адресными и разнообразными по тематике. Рассказывая о своей жизни с диагнозом, блогеры транслируют медийный образ позитивного человека. В нарративах, выбранных для данного исследования, практически не встречаются примеры реализации концепта CANCER-WAR. Основные способы концептуализации рака: CANCER-CONSPIRACY, CANCER-JOURNEY, CANCER-COHABITANT.

Заключение. Статистический анализ корпуса английского языка, с целью выявления знаменательных единиц, используемых в минимальном контексте лексемы «cancer», не дает полного представления о раковом дискурсе. Необходима детализация полученных данных, поэтому следует учитывать жанровое своеобразие «раковых» нарративов.

Ключевые слова: раковый дискурс, конкордансеры, интернет-коммуникация, концептуальная метафора, жанровые маркеры, метод идентификации метафор.

Для цитирования: Силантьева В. Г., Кожокина А. В. Особенности самопрезентации раковых больных в социальной сети «Инстаграм» // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 99–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-99-112

© Силантьева В. Г., Кожокина А. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 18.06.2020; принята после рецензирования 10.07.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Cancer Narratives in Instagram: Self-presentation of Cancer Patients

Veronika G. Silantieva^{1✉}, Angelina V. Kozhokina²

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

²*Herzen State Pedagogical University, St Petersburg, Russia*

✉silvercom@rambler.ru

Introduction. The paper aims to establish whether cancer discourse can alter when being communicated via social networks. We supposed that every platform has intrinsic characteristics which might affect the way certain topics are being delivered. Because there has been much criticism from the cancer community about the media representation, we decided to observe what might be called an alternative discourse of cancer of social networks. Therefore, we chose to review Instagram accounts of two cancer influencers, who aspire to revise existing stereotypes about people with an incurable disease.

Methodology and sources. The chosen methodology includes the statistical concordance analysis, Metaphorical Identification Procedure (MIP), structural semantic and syntactic studies of two narratives organized as a minicorpus. The combined approach was employed to reveal lexical markers of both cancer discourse and Instagram narratives in the narratives of two Insta influencers Nicky Newman and Laura Hughes.

Results and discussion. The results of the study suggest that Instagram narratives of cancer patients differ from other texts about cancer. Bloggers strive to maintain constant simultaneous communication with a large number of people; therefore, their texts are designed to be entertaining, involving and diverse in subject matter. When narrating about their life with the cancer diagnosis, bloggers broadcast a positive media image of a happy-go-lucky person. In the narratives chosen for this study, there is hardly an example of the CANCER-WAR metaphor. The main ways of conceptualizing cancer are the CANCER-CONSPIRACY, CANCER-JOURNEY, CANCER-COHABITANT metaphors.

Conclusion. Quantitative analysis of the English language corpus aimed at identifying key words and concordances of the lexeme "cancer", does not help fully define the cancer discourse. It is necessary to further research into the obtained data. Consequently, it is necessary to take into account the genre of "cancer" narratives.

Key words: cancer discourse, concordances, online communication, conceptual metaphor, genre markers, Metaphorical Identification Procedure (MIP), LCCM theory.

For citation: Silantieva V. G., Kozhokina A. V. Cancer Narratives in Instagram: Self-presentation of Cancer Patients. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 99–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-99-112 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.06.2020; adopted after review 10.07.2020; published online 25.12.2020

Введение. Совершенствование методов лечения рака, а также развитие паллиативной медицины привело к увеличению продолжительности жизни раковых больных. Бóльшее число людей живут с неизлечимым заболеванием и даже имеют возможность активно

участвовать в социальной коммуникации. Молодые раковые больные до 45 лет объединяются в виртуальные коммуникативные общности [1, с. 23], нацеленные не только на поддержку и информирование пациентов, но и на осуществление просветительской деятельности, т. е. адресуют свои тексты широкой аудитории. При этом наличие обратной связи в социальных сетях в виде комментариев других больных и сторонних наблюдателей способствует формированию виртуального ракового дискурса.

Актуальность данного исследования связана с тем, что работы, анализирующие нарративы блогеров, страдающих раковыми заболеваниями, способствуют усовершенствованию медицинского дискурса. Не случайно статьи с результатами исследований нарративов больных раком публикуются не только в журналах гуманитарной направленности, но и в медицинских изданиях (BMJ Palliative Care, The Oncologist, Current Oncology). Таким образом, врачи, медсестры и психологи могут наладить коммуникацию со своими пациентами, учитывая их потребности и пожелания.

Новизна исследования определяется его объектом: анализируются нарративы, размещенные в социальной сети «Инстаграм», которая обычно используется для маркетинговых целей. Прескриптивы или назидательные послания морального плана [2, с. 51], ожидаемые при осуществлении просветительской деятельности, не отождествляются с развлекательным контентом «Инстаграм». Новым в работе является также и предмет исследования. Обзор научной литературы по интересующей нас теме показал, что исследования ракового дискурса в основном сосредоточены на выявлении концептуальных метафор. При этом в качестве объекта исследования выступают либо нарративы пациентов [3], либо корпус [4]. Единственная работа, посвященная анализу особенностей ракового дискурса в сети Интернет, рассматривает платформы без учета их жанровой специфики [5]. Нас же интересуют особенности виртуального дискурса о раке: каким образом коммуникативная ситуация в рамках выбранной темы определяется жанровыми маркерами социальной сети.

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы соотнести общие положения о раковом дискурсе, не дифференцируемые с точки зрения модуса, в котором осуществляется обсуждение темы рака, с нарративами блогеров, публикуемыми в социальных сетях. Более того, мы предположили, что целесообразнее рассматривать блоги, учитывая жанровую специфику платформ, на которых размещаются интересующие нас нарративы. Очевидно, что социальные сети обладают набором жанровых характеристик компьютерно-опосредованного дискурса, но в то же время «Фейсбук», «Твиттер», «Инстаграм» предлагают свой формат. Одним из подтверждений этой гипотезы является то, что блогеры, чьи нарративы были выбраны для данного исследования, ведут аккаунты на нескольких платформах одновременно и пишут разные тексты, посвященные одному и тому же событию в сети «Фейсбук» и «Инстаграме».

Методология и источники. Для данного исследования был составлен микрокорпус текстов интересующей нас темы и жанра. Мы выбрали два инстаграм-аккаунта раковых пациентов и проанализировали их посты за 2019–2020 гг. Блогеры приблизительного одного возраста (30 и 32 года соответственно), живут с неизлечимым заболеванием «вторичный рак груди», диагностированным в 2018 г. В качестве критериев отбора блогеров помимо сходных анамнезов учитывались следующие параметры: наличие не менее 5000 подписчиков; проживание в одной стране (Великобритании); их знакомство между собой;

участие хотя бы в одной тематической группе, сообществе или благотворительной организации, связанной с проблемами раковых больных; ежедневная активность в сети. Мы считаем, что соответствие этим критериям означает принадлежность блогера к коммуникативной общности и его участие в формировании ракового дискурса.

Анализ осуществлялся в несколько этапов. Посты блогеров за выбранный период, сформированные в отдельные текстовые документы, мы пропустили через программу поиска конкордансов (Simple Concordance Program 4.0.9). Такой подход применяется для выявления лексико-стилистических маркеров жанров интернет-коммуникации [6, с. 220]. Этот метод корпусной лингвистики был использован для того, чтобы определить частотные словоформы и коллокации в больших текстовых массивах (около 15 000 слов каждый), не учитывая интуитивных представлений исследователей. Рассмотрев ключевые слова, мы смогли сделать выводы о идеостиле инстаграм-блогеров.

Второй этап анализа позволил выявить метафорические выражения с лексемой «cancer» в нарративах блогеров. К словам, которые встречались в минимальном контексте слова «cancer», мы применили метод определения метафор в дискурсе (Metaphorical Identification Procedure), предложенный исследователями Pragglejaz Group [7]. Согласно MIP-анализу, значение каждого слова рассматривается как потенциально метафорическое, если оно не совпадает с его базовым значением, понимаемым как наиболее простое, конкретное, доступное для чувственного восприятия, но не обязательно частотное или архаическое [7, с. 2]. Нашей задачей было определить соотношения новых и известных метафорических выражений для рака, поэтому полученные данные мы соотнесли с результатами исследований концептуальных метафор рака [8–10]. Мы распределили метафоры по четырем основным категориям, предлагаемым во всех изученных работах по интересующей нас теме: метафоры войны, метафоры путешествия, метафоры структуры и конспирологические метафоры. Также мы обсудили те метафорические выражения, которые исследователи не выделяют в общем корпусе.

Наконец нарративы были проанализированы с точки зрения их структурных и синтаксических особенностей. Мы рассмотрели грамматические времена, наиболее частотные служебные слова, дискурсивные маркеры и дейктические наречия, а также описали особенности пространственной организации постов. Такой комплексный подход позволил охарактеризовать личностное коммуникативное поведение или авторские стратегии блогера в рамках стандартной коммуникативной ситуации ведения Инстаграм-блога по определенной тематике.

Результаты и обсуждение. Сегодня на инстаграм-блоги Ники Ньюман (Nicky Newman/NickNackLou [11]) и Лоры Хьюз (Laura Henrietta Hughes/BaldBooblessAndBeautiful [12]) подписаны 15 500 и 7126 аккаунтов соответственно. Общее количество публикаций на странице Ники составляет 287 текстов, на странице Лоры – 1355. Лора Хьюз размещает посты регулярно, ее тексты всегда состоят из минимум двух абзацев. Тексты постов Ники Ньюман преимущественно небольшие, она чаще записывает видеопослания. При этом с момента знакомства Лоры и Ники в 2018 г. на странице Лоры Хьюз увеличивается количество публикаций, посвященных раку, в то время как Ники Ньюман начинает писать более пространственные посты.

Текстовый файл с публикациями Ники Ньюман за последний год насчитывает 13 727 единиц, в то время как нарратив Лоры Хьюз за аналогичный период составляет 15 420

лексем. Конкордансер выявил в текстах Ники Ньюман 2334 ключевых слова, в текстах Лоры Хьюз – 2328.

Наиболее частотные лексемы, употребляемые в нарративах Ники Ньюман и Лоры Хьюз, – личные местоимения, что соответствует не только представлениям об эгоцентричности интернет-коммуникации, но и специфике авторской интенции: рассказ о личном опыте с целью просвещения и поиска поддержки. Неслучайно Лора Хьюз в трети случаях из девяноста сопровождает слово «cancer» местоимением «*you*».

Вторым по частотности личным местоимением в нарративе Ники Ньюман оказалось местоимение «*ты/вы*» «*you*», которое в большинстве случаев адресовано всей аудитории блогера одновременно: <*you x 10k gang10k/вы, вся десяти тысячная команда*>; <*over to you gang/вам, моя команда*>; <*without you my gang/без вас, моя команда*>; <*you wonderful hoomans/вы, замечательные люди*>; <*you incredible hoomans/вы, невероятные люди*>; <*thank you all/спасибо вам всем*>; <*to you all/всем вам*>; <*I love you all/я люблю вас всех*>; <*I want to meet you all/я хочу со всеми вами познакомиться*>. Аппелятивность в целом свойственна интернет коммуникации социальных сетей. Привлечение новых подписчиков дает возможность не только укрепить свой статус как инфлюенсера, человека, влияющего на общественное мнение, но и возможность зарабатывать на рекламных контрактах.

Лора Хьюз употребляет местоимение «*ты/вы*» значительно реже, чем Ники Ньюман. Более того, во многих примерах местоимение «*you*» не обращено аудитории, а используется в неопределенном обобщенном значении: <*the wind is something you cannot control/ветер невозможно контролировать*>; <*a land where you leave your worries behind/место, в котором можно забыть о тревогах*>; <*there was laughter everywhere you looked/повсюду звучал смех*>; <*if you don't ask you don't get/не попросишь-не получишь*>.

Третьим по частотности употребления личным местоимением в нарративе Ники Ньюман является местоимение «*мы*» «*we*». В данном случае оно не только нацелено на солидаризацию с читателем поста, но и маркирует принадлежность автора к общности под названием «люди с неизлечимым раком груди»: <*how much Cancer Research UK do for us cancer bods/сколько всего полезного для нас, людей с раком делают исследователи*>; <*to get these treatments to us cancer bods/чтобы обеспечить нас, больных раком лечением*>; <*T C B Sums up us cancer bods/общество «настоящие тела» объединяет нас, больных раком*>. Лора Хьюз использует местоимение «*we*» даже чаще, чем Ники Ньюман. Учитывая выше приведенную информацию об употреблении местоимения «*you*», можно предположить, что Ньюман в большей степени солидаризируется со своей аудиторией, чем апеллирует к ней.

В микрокорпусе, составленном из постов Ники Ньюман, мало примеров использования местоимения «*они*» «*they*». Обычно «*они*» относятся к медицинским работникам «*nurses/my nursing team/wonder women*», «*trainee therapists*», которые заботятся и выполняют свою работу (*take care, did an amazing job*), к чувствам «*thoughts and feelings*», которые нужно принимать (*are valid*), к груди «*boobs*», которую нужно проверять (*show, check*), к компаниям «*companies*», которые не осуществляют надлежащего финансирования исследований, но зарабатывают деньги на репрезентации раковых больных (*make money*), людям «*people*», которые враждебны или имеют то, чего нет у блогера (*look, beeline, have a baby, are allowed to grow*), друзьям и родственникам «*friends and family*», которые не понимают переживаний блогера, но хотят ей помочь (*don't understand, support*).

Местоимение «they», применяемое к людям, соотносится с теми, кого блогер причисляет к внешнему кругу доверия. Чаще медицинские сотрудники или люди из ближнего окружения не обозначаются местоимением «they», их Ники называет «bod/bods» (5/4), «gang» (30), «hoomans/hooman» (19/3), «peeps» (2). Само слово «people» употребляется семь раз и в основном применяется к людям, которые не относятся к общности, не понимают блогера или к людям в целом: <that would make **people** ask what does your tattoo mean/и люди начнут спрашивать, что значит эта татуировка>; <now I might upset a few **people** here/возможно, кому-то не понравится, что я скажу>; <I want **people** to see you can live well with incurable cancer/я хочу, чтобы люди поняли, что можно жить и с неизлечимым заболеванием>.

Примерно так же используется местоимение «they» в текстах Лоры Хьюз. Единственным отличием является то, что блогер не маркирует личным местоимением людей, которые не вызывают доверия: <**they** are more cautious/они более бдительны>; <whilst **they** took my blood and pee samples/тем временем они взяли у меня анализы мочи и крови>; <there may be the chance **they** can rid my body of cancer/возможно им удастся избавить меня от рака>; <as **they** can usually get my veins/поскольку обычно они находят вену>; <**they** help with the daily irritation/они помогают в случае каждодневного раздражения>. В основном местоимение употребляется анафорически, что определяет более плавное развертывание нарратива: сначала Лора называет людей, о которых пойдет речь: «nurses», «doctors», «scientists», «researchers», а затем продолжает повествование, оставляя их в качестве акторов. Существительное «people» (14) употребляется во всех случаях обобщенно, зачастую не обозначает субъектов, а экспириенсеров и пациенсов.

В нарративе Ники Ньюман местоимение «it» встречается чаще, чем местоимение «they», однако в большинстве случаев речь идет о структурной единице, формальном подлежащем (241 из 251). Нами было выявлено только десять примеров референциального употребления «it»: «October», «fact», «post», «prognosis», «tattoo» (2), «story», «donation», «living», «body». Лора Хьюз, напротив, употребляет «it» анафорически в 51 случае из 229, в основном заменяя личным местоимением такие существительные как «cancer» (12), «treatment» (5), «hair» (5), «life» (3), «day» (3), «pain» (2), «temperature» (2), «symptom» (2), «fun» (2), «condition», «event» (2), «dress», «loss», «celebration» (2), «experience» (2), «estrogen», «menopause», «vagina», «wedding», «list», «progression». Использование личного местоимения «it» в нарративе Лоры Хьюз так же свидетельствует о плавном характере ее повествования. Сводные данные о частоте употреблений личных местоимений в текстах инстаграм-блогов Ники и Лоры приводятся в табл. 1.

Таблица 1. Личные местоимения
Table 1. Personal Pronouns

Personal pronouns	Nicki Newman	Laura Hughs
I/my/me	506/209/103	592/302/155
You/your	296/91	120/47
We/our/us	126/45/37	138/38/52
They/their/them	36/12/19	34/14/21
It/its	10/2	51/4

Указательные местоимения в текстах Ники Ньюман распределились следующим образом: «that» (70) и «this» (115). В двенадцати примерах местоимение «that» соотносится с

неприятными явлениями или событиями, от которых блогер хочет дистанцироваться: <**that** mood will flip 180/такое настроение пройдет в одно мгновение>, <another year older means another year closer to **that** prognosis/каждый следующий день рождение означает, что ты становишься на год ближе к страшному диагнозу>, <**that** bonfire smell/это неприятный запах костра>. Шестнадцать примеров использования «that» отсылают к прошлым событиям, употребляются в текстах, комментирующих старые фотографии: <**that** blue line that I had watched for month after month>; <I lost **that** card about 20 months ago>; <where did **that** go?!>; <In **that** moment I actually wanted to feel **that** pain>. Оставшиеся 42 «that» используются для поддержания повествования: отсылают к ранее сказанному в тексте. Остальные примеры с лексемой «that» (97) имеют отношение к союзу («что/чтобы») или союзному слову («который»).

В нарративе Лоры Хьюз пять из пятидесяти семи примеров с «that» можно отнести к случаям употребления указательного местоимения. При этом в четырех словосочетаниях «that» коррелирует с прошедшим временем, то есть не указывает на желание автора дистанцироваться от некоторого явления или события: <**that** was my trigger>; <direction may have changed in **that** short space of time>; <had it not been for **that** day>; <yesterday showed exactly **that**>. Остальные примеры с лексемой «that» (52) имеют отношение к союзу («что/чтобы») или союзному слову («который»). Лора Хьюз реже употребляет в своем нарративе объектные и определительные придаточные, чем Ники Ньюман, поскольку реже поясняет свои мысли или дает характеристики событиям, явлениям и людям. В то же время Лора Хьюз чаще использует местоимение «this» (125) в обобщающем значении, соотнося его с предыдущим высказыванием или событием. Ее манера более повествовательная, в то время как у Ники Ньюман более дидактичная.

Остальные ключевые слова, насчитывающие около ста случаев употребления, относятся преимущественно к служебным частям речи. В нарративе Ники Ньюман артикли распределились приблизительно одинаково: «the» (393) и «a» (317), тогда как в постах Лоры Хьюз наблюдается существенный перевес в сторону определенного артикля: «the» (528) и «a» (374). Просмотрев примеры с артиклем «the» в текстах второго блогера, мы выяснили, что частое употребление определенного артикля вызвано ссылками на конкретные события собственной жизни, окружающие ее предметы, конкретизацией явлений с помощью предлога принадлежности «of», а также использованием порядковых числительных и превосходной степени. Наибольшее количество примеров (232) демонстрирует желание автора говорить о собственном опыте, т. е. указывает на эгоцентричный характер ее нарратива. Это предположение также подтверждается частотностью указательного местоимения «this». Можно предположить, что Лора Хьюз стремится к конкретизации за счет описания того, что ближе ей пространственно, во времени и психологически.

В нарративе Ники Ньюман средства связи малочисленны, представлены двумя основными союзами: «but» (102) и «and» (105). Лора Хьюз использует больше разнообразных союзов, а союзы «and» (360) и «but» (127), употребляются ей чаще, чем в текстах Ники Хьюз. Так же блогер маркирует причинно-следственные связи: «so» (130), «because» (24). В целом можно сказать, что Лора Хьюз предпочитает использовать сложносочиненные предложения и сложноподчиненные предложения причины и уступки, тогда как Ники Ньюман предпочитает в качестве осложнителя, помимо объектных и определительных

придаточных, инфинитивный комплемент. Не случайно в ее текстах глагол «be» (112) после инфинитивной частицы «to» употребляется чаще, чем в постах Лоры Хьюз (61).

В нарративе Ники Ньюман дейктические наречия представлены следующим количеством употреблений: «now» (46), «here» (23), «then» (20), «there» (7). «Now» имеет временную референцию в тридцати четырех примерах, при этом в одиннадцати случаях подчеркивается актуальность происходящего с помощью наречия «right» <right now>. Остальные примеры представляют собой риторические или дискурсивные маркеры: <now I might upset a few people here/теперь мне придется расстроить некоторых из вас>, <now I won't lie/пожалуй не буду обманывать вас>, <now that's how it's done/теперь вы знаете, как это происходит>, <now that's what I call Disney/вот это и есть самый настоящий Дисней>, <but now try and stop me/a теперь попробуйте остановить меня>. Тринадцать примеров с наречием «here» локализуют собеседников на странице блогера <my new followers both here and over on Secondary Sisters/>, <I might upset a few here/>, <I'll be right here/>, <I'm sporting my fav Xmas jammies here/>. Восемь примеров с наречием «here» локализуют ситуацию в этом мире, т. е. говорят о реальности и жизни: <without you my gang I wouldn't be here/>, <who I know is right here with me till the end/>, <because today we are here living x/>. Остальные примеры относятся к риторическим употреблениям наречия «here»: <here it goes (2)>. В целом можно сделать вывод, что Ники Хьюз подчеркивает, что коммуникация происходит сейчас и на этой платформе.

Дейктические наречия, локализующие события в прошлом малочисленны в текстах Ники Ньюман. «Then» употребляется во временном значении лишь в нескольких случаях (4 из 20): <but till then I will treasure every strand> **будущее событие**, <then it hit me> **прошлое событие**. В остальных примерах «then» оформляет причинно-следственную связь, порядок действий, маркирует неожиданное решение, призыв: <It starts with a scan then bloods then the agonising wait>, <then I will go all out>, <then so be it>, <then comes the guilt>. Среди небольшого количества примеров наречия «there» (7) только два примера отсылают к прошедшим событиям: <they were there/они существовали и раньше>, <it hasn't stopped there/на этом дело не закончилось>. В шести случаях из семи «there» отсылает к внешнему миру, противопоставляемому как виртуальной коммуникации, так и обществу, которое не включено в общность «рак».

В нарративе Лоры Хьюз дейктические наречия представлены следующим количеством употреблений: «now» (68), «here» (23), «then2» (24), «there» (6). «Now» имеет отношение к текущему моменту в двадцати шести примерах, в подавляющем большинстве случаев (19) локализует блогера в его настоящей жизненной ситуации: <I now have to wait a few week's/сейчас мне нужно подождать несколько недель>; <I can now walk down the side of my bed/сейчас мне разрешают передвигаться рядом с кроватью>. В тридцати двух примерах «now» используются как нарративные маркеры, при этом в двенадцати случаях «now» сочетается с прошедшим временем, обозначая неожиданный поворот событий: <my first thought wasn't now cancer/тогда я выбросила рак из головы>; <it had now spread to my bones/теперь он затронул кости>; <aged 28 I now had incurable cancer/в возрасте 28 лет у меня теперь был диагноз «неизлечимый рак»>. Только десять случаев употребления «now» относятся к примерам использования дискурсивных маркеров привлечения внимания.

Из двадцати трех примеров употребления наречия «here» большинство (15) локализуют блогера в этом мире, тогда как из восьми аналогичных примеров в текстах Ники Нью-

ман только три относятся к ее собственной жизни, а остальные говорят о выживании любого члена общности. В четырех примерах «here» отсылает к аккаунту блогера, в двух – к реальному миру, противопоставляемому виртуальному, еще в двух – к текущему местонахождению блогера: в больнице или дома.

Предложения с наречием «then» в шестнадцати из двадцати четырех случаях имеют временную отсылку, обозначают этапы развития события (then Vicky contacted me/затем Вики связалась со мной), привычные для блогера действия (and **then** I would spend the afternoon/a затем я проводила несколько часов; and **then** I relax for a few hours/a затем я несколько часов отдыхаю) или маркируют точку отсчета <since **then**> (4), <**then** on> (3). Только в двух примерах «then» употребляются риторически <but then> (и все же) и в одном примере используется как средство связи для инструктирования читателей <**then** make sure you book a visit/и обязательно назначьте встречу>. Примеры с наречием «there» в основном относятся к миру за пределами виртуальной реальности (It's such a mad world out **there**/это безумный мир; please all stay safe out **there**/пожалуйста, берегите себя), и только один из шести примеров отсылает к жизни и испытаниям блогера (girls who have been **there** for me/подруги, которые были со мной в тяжелых ситуациях). Сводные данные о частоте употреблений дейктических наречий и слов в текстах инстаграм-блогов Ники и Лоры приводятся в табл. 2.

Таблица 2. Дейктические слова
Table 2. Deictic adverbs

Deictic adverbs	Nicki Newman	Laura Hughs
Now	34	26
Here	23	23
Then	4	16
There	7	6

Анализ грамматических времен в нарративах Ники Ньюман и Лоры Хьюз выявил следующие особенности. Наиболее употребляемой видовременной формой в текстах блогеров оказалось настоящее неопределенное (the Present Simple). Следующим по частоте использования временем разряда Present стало время the Present Perfect. Реже оба блогера прибегали к форме настоящего продолженного (the Present Continuous). Можно предположить, что Ники Ньюман и Лора Хьюз стремятся давать оценки событиям и явлениям, устанавливать связи между объектами и говорить о константных ситуациях. Вторым по частотности после видовременной формы настоящего неопределенного является время the Past Simple. Следует отметить, что Лора Хьюз отдает предпочтение как данной форме, так и остальным нарративным временам из списка. Процентные показатели свидетельствуют о том, что блогер чаще повествует о прошлых событиях. При этом будущее интересует Лору Хьюз значительно меньше, чем Ники Ньюман. Сводные данные о частоте употреблений грамматических времен в текстах инстаграм-блогов Ники и Лоры приводятся в табл. 3.

Таблица 3. Грамматические времена
Table 3. Tenses

Tense	Nicki Newman		Laura Hughs	
	items	percent, %	items	percent, %
Present Simple	551	48,0	638	47,0
Present Perfect	109	9,6	176	13,0

Tense	Nicki Newman		Laura Hughs	
	items	percent, %	items	percent, %
Present Continuous	77	6,7	62	4,5
Past Simple	287	25,0	426	31,0
Past Continuous	15	1,3	21	1,5
Past Perfect	7	0,6	22	1,6
Future Simple	87	7,6	45	3,2

Проанализировав типы предикатов, согласованных с местоимением «I», мы обнаружили следующее: Лора Хьюз, говоря о себе, чаще употребляет составные именные сказуемые и реже – простые глагольные в активном залоге. Количественная и процентная разница в этих показателях не значительная, однако, указывает на менее событийный и более созерцательный характер повествования Лоры Хьюз. Меньшая вовлеченность блогера в происходящие с ней события также подтверждается большим количеством пассивных глагольных форм. Также интерес представляет использование блогерами модальных глаголов. Ники Ньюман чаще, чем Лора Хьюз употребляет глагол «can». При этом Ники практически не использует отрицательных форм глагола, что создает впечатление о ее уверенности в собственных силах: она может, могла и смогла сделать намеченное. Более того, на ее позитивный настрой указывает редкое употребление глаголов «need» и «have to», в то время как в нарративе Лоры они встречаются практически так же часто, как и глагол «can». Ники Ньюман иногда даже заглядывает в будущее, используя глагол «might» (возможно). Сводные данные о типах сказуемых и частоте их употреблений в текстах Instagram-блогов Ники и Лоры приводятся в табл. 4.

Таблица 4. Типы сказуемых
Table 4. Types of predicate

Type of predicate	Nicki Newman		Laura Hughs	
	items	percent, %	items	percent, %
Nominative and adjective	71	14,3	101	17,6
Verbal Active	371	75,0	373	65,0
Verbal Passive	6	1,2	49	8,5
Modal (can)	34	6,8	21	3,6
Modal (need)	3	0,6	16	2,8
Modal have to	1	0,2	12	2,0
Modal should	4	0,8	1	0,2
Might	4	0,8	–	–
Must	1	0,2	–	–

Дав развернутые характеристики нарративам блогеров, мы перешли к рассмотрению метафор «cancer» в их текстах. Нами были проанализированы 84 минимальных контекста лексемы «cancer» в постах Ники Ньюман и 90 – в постах Лоры Хьюз. Полученные данные приведены в табл. 5.

Четыре основных типа концептуальных метафор, выявленных в ходе нескольких корпусных исследований, представлены в нарративах блогеров неоднородно. Нами были обнаружены многочисленные примеры для метафор CANCER-JOURNEY и CANCER-CONSPIRACY, тогда как воинственные метафоры практически не используются в текстах блогеров. Можно предположить, что это связано с особенностью диагноза Ники Ньюман и

Лоры Хьюз, которые страдают неизлечимой формой рака, т. е. сражаться с болезнью не представляется возможным для них. По этой же причине мы выделили группу метафор CANCER-CONCOBITANT. Оба блогера, особенно Лора Хьюз любят подчеркнуть, что живут с раком. Они ни разу не написали, что страдают от рака, в основном они констатируют, что имеют рак или сосуществуют с ним. Мы также добавили группу CANCER-BOSS, поскольку в нескольких примерах блогеры указывали на доминирующую роль рака. Самой интересной, на наш взгляд, оказалась группа CANCER-CONSPIRACY, поскольку в ней преимущественно содержатся примеры фаталистического отношения к жизни. Рак – это карусель, неопределенность, вечное изменение, он безразличен, путает карты, сводит с ума и помещает в ад. В то же время рак – это просветитель, учащий жизни и дающий новые возможности.

Таблица 5. Метафоры рака
Table 5. Cancer Metaphors

Cancer metaphor	Nicki Newman	Laura Hughs
Journey	<u>Hitchhike</u> ; <u>go through</u> (4); <u>navigate</u> (3); <u>cancer progression</u> ; cancer is on the <u>move</u> ; was <u>jetting off</u> ; isn't <u>stopping</u> ; doesn't <u>stop</u>	My <u>journey</u> with cancer; in this cancer <u>journey</u> : this cancer <u>ridden</u> body; cancer has <u>returned</u> ; cancer once again <u>came</u> ; cancer had <u>spread</u> (4); the cancer is <u>spreading</u> ; my cancer was <u>back</u> ; cancer still <u>goes on</u> ; <u>go through</u> (4)
Military	Cancer can <u>take away</u> a lot; can't take away <u>from us</u>	Before I ever <u>lost</u> it to cancer; those <u>affected</u> by cancer
Boss	Cancer <u>has a habit of taking control</u> ; since cancer <u>set up shop</u>	Cancer put <u>a hold on it</u> , cancer <u>controlling</u> my life; cancer has been <u>in control</u>
Structure	This cancer <u>world</u> (2); cancer <u>bods</u> (2)	This cancer <u>club</u> ; cancer <u>bods</u> (3)
Cohabitant	<u>Living with cancer</u> (4); <u>life with cancer</u>	I do <u>live</u> with cancer, <u>living</u> with cancer (6), I don't <u>live</u> with cancer, cancer <u>lives</u> with me; her <u>life</u> with cancer
Conspiracy	The cancer <u>crazy</u> ; cancer <u>malarkey</u> ; cancer was holding the ultimate <u>trump card</u> ; cancer <u>doesn't care</u> ; the cancer <u>carousel</u> ; <u>coaster</u> (2); <u>rollercoaster</u> ; <u>whirlwind</u> (2); cancer has <u>allowed</u> me to do; cancer has <u>put in perspective</u> ; <u>hell</u> (5)	Cancer can <u>mess up</u> lives, cancer has <u>messed around</u> with all; cancer <u>has given me</u> (2); <u>rollercoaster</u> (2); <u>coaster</u> (1)

Заключение. В целом можно сказать, что блоги Ники Ньюман и Лоры Хьюз обнаруживают много сходных черт в построении нарратива о раке. Однако, используя немного разные стратегии при выборе грамматических времен, типов предикатов, дейктических единиц, средств связи, а также метафорических выражений, они демонстрируют разную степень успешности своих аккаунтов. Ники Ньюман пишет относительно короткие тексты, апеллирует к своей аудитории, занимается словотворчеством (*bootiful hooman, mahoosive, boobettes, tattas, peeps*), показывает позитивный настрой, избегает клишированных метафор («journey», «lose») и имеет в два раза больше подписчиков, чем Лора Хьюз, которая пишет развернуто, ретроспективно и корректно с точки зрения орфографии и грамматики.

Приведенные примеры служебных слов, личных и указательных местоимений, а также наречий позволяют сделать вывод о том, что тексты Лоры Хьюз в большей степени напоминают нарративы от первого лица, чем посты Ники Норман, которые носят скорее тезисный характер. Не случайно Ники любит обозначать границы абзацев с помощью то-

чек, визуально подкрепляя идею телеграфного стиля. Лора Хьюз развивает тему, предложенную ей в заголовках постов, использует разнообразные дейктические единицы и придаточные предложения, употребляет личные местоимения анафорически, что способствует плавному развертыванию повествования. Лора Хьюз сосредоточена на своей жизни, диагнозе, прогнозах выживаемости. Она говорит о своих подписчиках, как если бы они все относились к общности больных раком, поэтому скорее солидаризируется с ними, чем обращается с призывами следить за своим здоровьем.

В отношении концептуальных метафор ракового дискурса анализ показал, что необходимо учитывать, что рак не всегда является излечимым заболеванием. Имея вторичный диагноз, Ники Ньюман и Лора Хьюз избегают употребления не только лексем «battle», «struggle», «survivor», «defeat», «destroy», но и прилагательных «strong», «courageous». Ни одна из перечисленных лексем не была обнаружена в составленных микрокорпусах. При этом, корпусные исследования указывают на то, что милитаристские метафоры являются наиболее многочисленными.

Для подтверждения или опровержения изменений в способах концептуализации рака в процессе коммуникации членов виртуальных общностей, мы считаем необходимым привлечь к исследованию большее количество аккаунтов, а также подвергнуть анализу комментарии подписчиков с целью выявления как меняется их риторика под влиянием блогеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стернин И. А., Камбаралиева У. Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 20–34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.20-34.
2. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55. DOI: <https://org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>.
3. Pei M. L. K., Jerome C. Understanding Cancer Metaphor within the LCCM Theory // Asian Journal of Behavioural Sciences. 2020. Vol. 2, № 1. P. 33–52.
4. Metaphor, Cancer and the End of Life: A Corpus-based Study / E. Semino, Z. Demjén, A. Hardie, S. Payne, P. Rayson. London: Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315629834.
5. Hommerberg C., Gustafsson A. W., Sandgren A. Battle, Journey, Imprisonment and Burden: patterns of metaphor use in blogs about living with advanced cancer // BMC Palliative Care. 2020. Vol. 19 (59). URL: <https://bmcpalliatcare.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12904-020-00557-6>. (дата обращения: 05.06.2020). DOI: 10.1186/s12904-020-00557-6.
6. Шилихина К. М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 218–225. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225.
7. Praggeljaz Group. MIP. A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. № 22 (1). P. 1–39. URL: https://www.lancaster.ac.uk/staff/eiaes/Praggeljaz_Group_2007.pdf (дата обращения: 07.06.2020).
8. Cancer as metaphor / R. T. Penson, L. Schapira, K. J. Daniels, B. A. Chabner, T. J. Lynch // The Oncologist. 2004. № 9 (6). P. 708–716. DOI:10.1634/theoncologist.9-6-708.
9. Nicholas G. Metaphors and malignancy: Making sense of cancer // Current Oncology. 2013. Vol. 20, no. 6. P. 608–609. DOI:10.3747/co.20.1635.
10. Ignasi N. I. F. Conceptual metaphor types in oncology: Cognitive and communicative functions // Ibérica. 2017. No. 34. P. 163–186. URL: <http://www.redalyc.org/pdf/2870/287053467008.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

11. Newman N. // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/nicknacklou/> (дата обращения: 01.06.2020).

12. Hughes L. H. // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/baldbooblessandbeautiful/> (дата обращения: 01.06.2020).

Информация об авторах.

Силантьева Вероника Георгиевна – кандидат филологических наук (2017), старший преподаватель кафедры английской филологии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурс-анализ, теория LCCM, нарратология. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2318-2172>. E-mail: silvercom@rambler.ru

Кожокина Ангелина Викторовна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры английского языка и лингвострановедения института иностранных языков Российского государственного университета им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор более 40 научных публикаций и монографий. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, психолингвистика, семиотика, дискурсивный анализ текста. E-mail: linkoj@yandex.ru

REFERENCES

1. Sternin, I.A. and Kambaralieva, U.D. (2018), "Theoretical problems of describing communicative behavior", *Communication studies*, no. 2 (16), pp. 20–34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.20-34.

2. Karasik, V.I. (2019), "Genres of Network Discourse", *Speech genres*, no. 1 (21), pp. 49–55. DOI: <https://org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>.

3. Pei, M.L.K. and Jerome, C. (2020), "Understanding Cancer Metaphor within the LCCM Theory", *Asian Journal of Behavioural Sciences*, vol. 2, no. 1, pp. 33–52.

4. Semino, E., Demjén, Z., Hardie, A., Payne, S. and Rayson, P. (2017), *Metaphor, Cancer and the End of Life: A Corpus-based Study*, Routledge, London, UK. DOI: 10.4324/9781315629834.

5. Hommerberg, C., Gustafsson, A.W. and Sandgren, A. (2020), "Battle, Journey, Imprisonment and Burden: patterns of metaphor use in blogs about living with advanced cancer", *BMC Palliative Care*, no. 19 (59), available at: <https://bmcpalliatcare.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12904-020-00557-6>. DOI: 10.1186/s12904-020-00557-6 (accessed 05.06.2020).

6. Shilikhina, K.M. (2018), "Lexical markers of Internet communication genres", *Speech genres*, no. 3 (19), pp. 218–225. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225.

7. Pragglejazz Group (2007), "MIP. A method for identifying metaphorically used words in discourse", *Metaphor and Symbol*, vol. 22 (1), pp. 1–39, available at: https://www.lancaster.ac.uk/staff/eiaes/Pragglejazz_Group_2007.pdf (accessed 07.06.2020).

8. Penson, R.T., Schapira, L., Daniels, K.J., Chabner, B.A. and Lynch, T.J. (2004), "Cancer as metaphor", *The Oncologist*, no. 9 (6), pp. 708–716. DOI:10.1634/theoncologist.9-6-708.

9. Nicholas, G. (2013), "Metaphors and malignancy: Making sense of cancer", *Current Oncology*, vol. 20, no. 6, pp. 608–609. DOI:10.3747/co.20.1635.

10. Ignasi, N.I.F. (2017), "Conceptual metaphor types in oncology: Cognitive and communicative functions", *Ibérica*, no. 34, pp. 163–186, available at: <http://www.redalyc.org/pdf/2870/287053467008.pdf> (accessed 01.06.2020).

11. Newman, N., *Instagram*, available at: <https://www.instagram.com/nicknacklou/> (accessed 01.06.2020).

12. Hughes, L.H., *Instagram*, available at: <https://www.instagram.com/baldbooblessandbeautiful/> (accessed 01.06.2020).

Information about the authors.

Veronika G. Silanteva – Can. Sci. (Philology) (2017), Senior Lecturer at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 20 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, LCCM theory, narratology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2318-2172>. E-mail: silvercom@rambler.ru

Angelina V. Kozhokina – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of English Language and Cultural Studies, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University, 48 Moyka emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of more than 40 scientific publications and monographs. Area of expertise: cognitive linguistics, psycholinguistics, semiotics, discourse analysis. E-mail: linkoj@yandex.ru

Стратегия дискредитации как доминанта дискурсивной личности американского политического радиокomentатора

Д. Е. Гунькова[✉]

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

[✉]gunk92@gmail.com

Введение. В статье описывается специфика реализации стратегии дискредитации как доминанты дискурсивной личности американского политического радиокomentатора. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к описанию обобщенно-типовых дискурсивных личностей. Научная новизна определена тем, что дискурсивная личность ведущего политической радиопередачи не становилась до настоящего времени объектом отдельного исследования. Рассмотрение дискурсивной личности сводимо к описанию типов коммуникативной тональности, к которым личность прибегает в процессе общения, а также выявлению основных коммуникативно-прагматических стратегий, используемых ею с целью достижения целей коммуникации. Дискурсивная личность политического комментатора-радиоведущего реализуется в порождаемых ею медиатекстах, которым свойственны: специфическая коммуникативная тональность, обусловленная дистантным форматом и технически опосредованной формой общения; социальная оценочность; идеологическая ориентация и полидискурсивность.

Методология и источники. Эмпирической базой исследования послужил собственный корпус текстов, включающий в себя скрипты 13 полных радиопередач известных американских политических комментаторов (Гленна Бека, Майкла Алана Вайнера и Марка Левина) общим объемом 115 792 слова. Радиопередачи были посвящены предвыборной агитации (в период президентской предвыборной кампании в США, октябрь – ноябрь 2016 г.) и послевыборной полемики (январь – март 2017 г.). На основе методов количественного подсчета и контекстуального анализа были сделаны выводы о ведущих дискредитирующих тактиках в исследуемом жанре и основных языковых средствах их актуализации.

Результаты и обсуждение. Показано, что стратегия дискредитации поддерживается системой коммуникативных тактик, основными из которых являются: тактика компрометации оппонента, тактика вербальной дискриминации и тактика вербальной инсинуации. Каждая из тактик в свою очередь реализуется набором типичных для нее коммуникативных ходов. Установлены способы языковой реализации таких дискредитирующих тактик эмоционального воздействия в исследуемом жанре, как вербальная инсинуация и вербальная дискриминация. Рассмотрена роль оценочной лексики, сленга, разговорной сниженной лексики, инвективов, стилистических образных средств, окказионализмов и отсылок к прецедентным феноменам как средств реализации дискредитирующих тактик. Доказано, что речевые тактики дискредитации никогда не реализуется в исследуемом типе дискурса в чистом виде – тактические схемы взаимодействуют и накладываются друг на друга.

Заключение. Установлено, что дискредитирующие тактики в исследуемом жанре являются способом реализации речевой агрессии. Речевая агрессия как черта

дискурсивной личности американского политического радиоведущего настолько аффективна и враждебна, что можно утверждать, что этичность речевого поведения не входит в число коммуникативных ценностей данного лингвокультурного типажа. Отказ от этичности коммуникативного поведения в значительной мере мотивирован необходимостью участия политического радиоведущего в жесткой конкурентной борьбе в условиях растущей интенсивности информационного потока современной медиакommunikации.

Ключевые слова: политический медиадискурс, стратегия дискредитации, речевая агрессия, коммуникативные тактики, дискурсивная личность.

Для цитирования: Гункова Д. Е. Стратегия дискредитации как доминанта дискурсивной личности американского политического радиокomментатора // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 113–125. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-113-125

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.10.2020; принята после рецензирования 09.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Discrediting Strategy as a Dominant of the Discursive Personality of an American Political Radio Commentator

Daria Je. Gunkova✉

Pushkin Leningrad State University, St Petersburg, Russia

✉gunk92@gmail.com

Introduction. The paper reviews the specifics of the implementation of the discrediting strategy as the dominant of the discursive personality of an American political radio commentator. The relevance of the study is conditioned by the interest of modern linguistics in the description of generalized typical discursive personalities. The scientific novelty of the research is due to the fact that the discursive personality of the political radio commentator has not yet become the object of a special study. The study of a discursive personality is reduced to description of the types of communicative tonality to which a person resorts in the process of communication, as well as identification of the main communicative-pragmatic strategies used by them in order to achieve the goals of communication. The discursive personality of a political commentator-radio host is realized in the generated media texts, which are characterized by a specific communicative tonality due to a distant format and a technically mediated form of communication; social evaluation; ideological focus and polydiscourse.

Methodology and sources. The study is drawn on the corpus compiled of scripts of 13 complete radio broadcasts of famous American political commentators (Glenn Beck, Michael Alan Weiner and Mark Levin) with a total volume of 115 792 words. The radio broadcasts were devoted to the election campaign (October – November 2016) and post-election polemics (January – March 2017). Based on the quantitative methods and contextual analysis, conclusions were made about the leading discrediting tactics of the genre under study and the main linguistic means of their actualization.

Results and discussion. The strategy of discrediting is shown to be supported by a system of communicative tactics, the main of which are: the tactics of compromising the opponent, the tactics of verbal discrimination and the tactics of verbal insinuation. Each of the tactics, in turn, is implemented by a set of its typical communicative passages. Verbal insinuation and verbal discrimination in the studied genre have been established as the ways of linguistic implementation of such discrediting tactics of emotional impact. The role

of evaluative vocabulary, slang, low colloquialisms, invectives, stylistic figurative means, occasionalisms and references to precedent phenomena as means of implementing discrediting tactics are considered. It has been proven that speech tactics of discrediting are never implemented in the studied type of discourse in their pure form since tactical schemes interact and overlap each other.

Conclusion. The discrediting tactics in the genre under study are found to be a way of implementing speech aggression. Speech aggression as a feature of the discursive personality of an American political radio host is so affective and hostile that it can be argued that the ethics of speech behavior is not among the communicative values of this linguistic and cultural type. The rejection of ethical communication behavior is largely motivated by the need to participate in a tough competition in the context of the growing intensity of the information flow in modern media communication.

Key words: political media discourse, discrediting strategy, speech aggression, communicative tactics, discursive personality.

For citation: Gunkova D. Je. Discrediting Strategy as a Dominant of the Discursive Personality of an American Political Radio Commentator. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 113–125. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-113-125 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.10.2020; adopted after review 09.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Политический комментарий на радио как особый жанр медиаполитического дискурса является гибридным коммуникативным образованием, проявляющим черты политико-популярной и политико-аналитической разновидностей медиадискурса и занимающим срединное положение между неформальными и институциональными жанрами (о разновидностях медиаполитического дискурса см.: [1, с. 230]). Политический комментарий направлен на моделирование у аудитории определенного отношения к обсуждаемым политическим событиям и ее мотивирование к принятию посткоммуникативных решений, выгодных политическим силам, интересы которых представляет комментатор.

Правомерность включения медиакоммуникации на политические темы в сферу политического дискурса неоднократно обсуждалась в лингвистике [1–3]. Исследователи сходятся во мнении, что, поскольку «системообразующей целью политической коммуникации является борьба за власть» [3, с. 18], то медиаполитический дискурс, оказывающий влияние на формирование политического выбора, можно с уверенностью отнести к политической коммуникации. Основной чертой современной политической жизни является перевод общения политика с электоратом из непосредственного в опосредованный средствами массовой информации. Как справедливо отмечает Е. И. Шейгал, «...политическая коммуникация не просто опосредована СМИ, но СМИ фактически являются основной средой ее существования» [3, с. 36]. СМИ, с одной стороны, являются основным каналом воплощения политической коммуникации, с другой стороны, будучи активными интерпретаторами, существенно влияют на смысл передаваемой информации, обслуживая те или иные группы интересов. В политическом медиадискурсе коммуникативная схема адресант (политик) – адресат (общество) трансформируется в адресант (политик) – СМИ (медийная личность) – адресат (общество).

Целью настоящего исследования является выявление специфики тактической организации и языковой реализации коммуникативно-прагматической стратегии дискредитации

как доминанты дискурсивной личности американского политического комментатора-радиоведущего.

Проблема изучения дискурсивной личности в современной лингвистике обусловлена помещением понятия «языковая личность» в рамки дискурсивной парадигмы исследования [см.: 1, 4–6 и др.]. Под дискурсивной языковой личностью понимают динамическое проявление языковой личности в диалогическом взаимодействии. Дискурсивно ориентированный подход к описанию языковой личности предполагает обращение к процессуальной стороне ее проявления в динамической среде социокультурных интеракций [7, с. 37]. Типология личностей может строиться на основании целого ряда критериев, «в том числе и с учетом того типа общения, в котором соответствующая личность наиболее часто принимает участие или в котором выражает себя особенно ярко» [1, с. 146]. В качестве точки отсчета в изучении дискурсивной личности В. И. Карасик предлагает принять повседневный бытовой дискурс, на фоне этого дискурса маркированными оказываются типы общения, выделяемые с учетом участников и целей коммуникации, коммуникативной тональности и коммуникативных действий [1, с. 146]. Описание дискурсивной языковой личности сводимо, по мнению И. В. Кононовой, к «описанию типов коммуникативной тональности, к которым прибегает дискурсивная личность; выявлению типичных речевых действий, осуществляемых личностью; выявлению доминантных коммуникативно-прагматических стратегий, используемых дискурсивной личностью с целью достижения целей коммуникации» [8, с. 43].

Политический радиокомментатор, будучи медийной языковой личностью, способной сообщать информацию об актуальных политических событиях массовому адресату, реализуется в порождаемых им медиатекстах, которым свойственны: специфическая коммуникативная тональность, медийность, обусловленная «детерминацией форматными и техническими возможностями канала» [9, с. 323], социальная оценочность, идеологическая ориентация, полидискурсивность, интертекстуальность (гипертекстуальность). Слушатели авторских радиопередач, как правило, осведомлены о политической ориентации, взглядах и предпочтениях комментатора, поэтому обобщенное знание прецедентных текстов, ассоциирующихся с данной передачей или радиоканалом, выступает в качестве своего рода гипертекста, влияющего на восприятие аудиторией речи комментатора.

Ведущей коммуникативно-прагматической стратегией, используемой политическим радиокомментатором в дискурсе радиопередачи является стратегия дискредитации. Данная стратегия позволяет политическому комментатору акцентировать слабые стороны неподдерживаемых им политических партий и деятелей, что дает основу для негативного восприятия последних его аудиторией.

Понятие коммуникативно-прагматической стратегии получило целый ряд трактовок в коммуникативной лингвистике и теории дискурса. Коммуникативную стратегию определяют как «способ реализации замысла, предполагающий отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата» [10]; «творческую реализацию коммуникативного плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой (неязыковой) задачи общения в речевом событии» [11]; «план комплексного речевого воздействия, направленного на изменение модели мира адресата, на трансформацию его концептуаль-

ного сознания» [12]. В свою очередь, коммуникативная тактика рассматривается как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [12], как «ближайшая задача, решаемая в рамках избранной стратегии» [10]. Принято считать, что между тактикой и стратегией существуют отношения «часть-целое». В различных речевых жанрах ту или иную коммуникативную стратегию характеризует конкретная тактическая схема ее реализации. Важно отметить при этом, что «коммуникативная тактика редко реализуется в чистом виде – тактические схемы переплетаются, взаимодействуют, накладываются друг на друга» [13, с. 36], однако в рамках конкретной микротемы текста можно выделить основной коммуникативный ход, которому подчинены остальные.

Реализацию дискредитирующих тактик в исследуемом жанре политического медиадискурса невозможно рассматривать отдельно от феномена речевой агрессии, которая является «доминантным эмоционально-стилевым форматом общения обобщенно-типовой дискурсивной личности американского политического радиокомментатора» [8, с. 44]. В силу косвенной адресации речевая агрессия в медиадискурсе «всегда является осознанной и намеренной, а не случайной и/или спонтанной» [14]. При когнитивно-дискурсивном подходе к описанию публичной языковой личности речевая агрессия «становится неким показателем культурно-компетентностного уровня ее развития как участника медийного дискурса» [15, с. 50].

Методология и источники. К настоящему моменту в лингвистике сложился целый ряд подходов к выделению дискредитирующих тактик, критериям их выделения классификации. Заслуживает внимания точка зрения Н. Б. Руженцевой, которая в монографии «Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе» подразделяет речевые тактики дискредитации на универсальные тактические схемы, прямые тактики эмоционального воздействия, прямые социально ориентированные тактики, дискредитацию через обращение к представлениям о мире и косвенные дискредитирующие тактики [13]. В числе дискредитирующих эмоционального воздействия в политической коммуникации автор выделяет следующие тактики: 1) бездоказательного умаление авторитета (наклеивание ярлыков), 2) создания образа «темного настоящего (прошлого, будущего), 3) создания образа врага, 4) разоблачения, 5) агрессивной атаки на оппонента, 6) развертывания образа, 7) дискредитирующего обобщения и др. [13, с. 121–158]. Г. В. Кусов отмечает следующие стратегии, реализующие лингвокультурный концепт «оскорбление» (стратегии коммуникативной перверсии) в институциональном дискурсе: 1) диффамация – публичное распространение сведений, порочащих кого-либо; 2) вербальная дискриминация – выражение в речи своего отличия и превосходства по расовым, национальным, имущественным или иным признакам; 3) вербальная дискредитация – подрыв авторитета, умаление значения кого-либо, подрыв доверия; 4) вербальная инсинуация – создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо [16, с. 24]. Э. Н. Егорова выделяет тактики, подчиненные общей стратегии дискредитации в политическом дискурсе, – тактики обвинения, разоблачения, обнародования негативных фактов, оскорбления (косвенного оскорбления) намека, драматизации, иронии (насмешки, издевки), игнорирования личности, перебивания, компрометации [17].

В основу описания дискредитирующих речевых тактик в дискурсе политического комментария как отдельной радиопередачи положен подход, объединяющий вышеизло-

женные концепции, но адаптированный к целям данного исследования. В качестве тактик, реализующих стратегию дискредитации как доминанту дискурсивной личности политического радиокomentатора, выделяются: тактика компрометации оппонента (разоблачение, обнародование негативных фактов, подрывающих репутацию оппонента), тактика вербальной дискриминации (оскорбление, насмешка, издевка, игнорирование) и тактика вербальной инсинуации (создание запоминающегося негативного образа политического оппонента). Основными методами исследования стали метод количественной обработки данных и метод контекстуального анализа.

Материалом исследования послужил корпус текстов, включающий в себя скрипты 13 полных радиопередач («The Glenn Beck Program», «The Savage Nation», «The Mark Levin Show») известных американских политических комментаторов (Гленна Бека, Майкла Алана Вайнера и Марка Левина) общим объемом 115 792 слова. Радиопередачи были посвящены предвыборной агитации (в период президентской предвыборной кампании в США, октябрь – ноябрь 2016 г.) и послевыборной полемики (январь – март 2017 г.). Данные авторские программы (radio talks) являются самыми популярными радиопередачами в современной Америке, именно этот факт обусловил выбор материала исследования. Основная стратегическая цель речевых действий радиокomentаторов состояла в укреплении политической позиции Дональда Трампа и ослаблении позиций его политических конкурентов и оппозиционеров.

Композиционно каждая передача включает: вступительный блок, в котором радиоведущий дает характеристику тех или иных политических событий и комментирует актуальные прецедентные тексты из сферы политики; блок «вопрос-ответ», в котором ведущий отвечает на вопросы слушателей; заключительный блок, в котором комментатор подводит итоги обсуждений.

Результаты и обсуждение. В результате контекстуального и дискурсивного анализа отобранных текстов радиопередач было выявлено более 500 контекстов, в которых радиоведущий прибегает к стратегии дискредитации с целью осуществления манипулятивного воздействия на аудиторию. В качестве основной специфической характеристики стратегии дискредитации как доминанты речевого поведения обобщенно-типовой личности американского ведущего политической радиопередачи можно выделить высокую степень речевой агрессии, сопровождающей большую часть коммуникативных ходов, направленных на критику оппонента.

В связи с тем, что во всех отобранных контекстах можно наблюдать одновременное использование двух и более дискредитирующих тактик, в дальнейшем анализе мы будем отталкиваться от ведущих языковых средств их реализации.

Количественный анализ показал, что доминирующим в исследуемом корпусе лексическим средством реализации стратегии дискредитации являются разговорно-просторечные стилистически сниженные слова (ср.: *to shut up*, *to be sick of smb.*, *dig up dirt on smb.* и др.), а также книжная лексика с негативной коннотацией (ср.: *dictator*, *false*, *propaganda*, *racist*, *aggression*, *terrorism*, *extremism intimidation*, *monetary crisis* и др.).

Так, в следующем контексте оценочная книжная и разговорная лексика служит средством одновременной реализации тактик компрометации и вербальной инсинуации.

Ср.: *All of the things I warned about: extremism, civil unrest, monetary crisis, war. It's all coming... And something is ringing in us saying, boy, tomorrow is really important and kind of scary. ... All of these things aren't coming because of Barack Obama...*

Гленн Бек, ведущий одной из самых популярных и известных своей прямолинейностью в США радиопрограмм («The Glenn Beck Program»), предупреждает аудиторию о том, что, избрание Хилари Клинтон президентом США только усугубит все актуальные проблемы нации, в частности, денежно-кредитный кризис и нарастающий экстремизм. В данном случае мы имеем дело с такой разновидностью тактики вербальной инсинуации как речевой прием **создания образа «темного» будущего**. Данный прием служит одновременно дискредитации политического противника и запугиванию аудитории.

Употребление эмоционально-оценочной, стилистически сниженной лексики становится неотъемлемой чертой современных СМИ, а также общей тенденцией к вульгаризации речи в медиaprостранстве. Ср.: *Ah, shut up, you, idiot. I'm so sick of you. Can't you just leave?* В данном контексте Гленн Бек заочно обращается к Нэнси Пэлоси, лидеру фракции меньшинства в палате представителей Конгресса США, комментируя ее очередную обвинительную речь в адрес Дональда Трампа. Тактика вербальной дискриминации реализуется посредством коммуникативных ходов опосредованного прерывания коммуникативного контакта (*Ah, shut up, you*), оскорбления (*idiot*) и возмущения (*I'm so sick of you*). Комментатор направляет агрессию не на аудиторию, а, в силу косвенной адресации, на третье лицо. Коммуникативным эффектом агрессивного вторжения в аксиологическое пространство адресата речи является разрушение реальных или потенциальных контактов между адресатом и референтом высказывания.

Стилистические образные средства, главным образом метафора, гипербола, образное сравнение и образный перифраз, являются следующими по частотности языковыми средствами актуализации дискредитирующих тактик в исследуемых корпусах. Было выявлено, что в большей части выделенных в корпусе контекстов метафора служит эскалации агрессии и направлена на реализацию тактик вербальной инсинуации (прием создания запоминающегося негативного образа) и дискриминации (приемы оскорбления, издевки, насмешки). Так, критикуя деятельность видного политического деятеля США Чарльза Шумера, в настоящее время лидера демократического меньшинства, за антироссийские высказывания и инициативы, Майкл Сэвадж (псевдоним Майкла Вайнера) использует метафору *piece of salami* (*кусочек салями*), инвектив *vermin* (*паразит, вредитель*), перифраз *commish with a pair of big shoes* (*комиссаршишка в огромных туфлях*). Ср.: *And now, this vermin, this piece of salami, this commish with a pair of big shoes, Charles Schumer, hates Russia and hates Russians.* Все перечисленные языковые средства нацелены на прямое оскорбление референта высказывания, а также создание негативного запоминающегося образа.

Тактика вербальной инсинуации реализуется посредством метафорического эпитета *rat-like* (*крысopodobный*) и метафорического перифраза *an upright rat with big shoes* (*прямоходящая крыса в огромных туфлях*) в следующем контексте: *But we know that Biden's son Hunter received money. We also know that the Mr. Kerry was involved. That was called a scandal. But you didn't hear about it, because there was no rat-like Schumer, an upright rat with big shoes.* В данном случае мишенью для оскорблений и агрессивных насмешек радиоведущего (Гленна Бека) опять становится упомянутый выше лидер демократической партии

Чарльз Шумер. Речь идет о Хантере Байдене, американском юристе и государственном служащем, сыне действующего на момент предвыборной кампании Трампа вице-президента США Джо Байдена. Джо Байден, известный своей непримиримостью к коррупции, сам оказался в центре крупного скандала, после того, как его сын вошел в совет директоров крупной украинской газовой компании и был уличен журналистами в организации коррупционных схем. Чарльз Шумер обвиняется радиоведущим в предвзятости и двойных стандартах. Будучи, на взгляд Гленна Бека, прекрасно осведомленным о деятельности Байдена-младшего в Украине, он предпочел молчать об этом, однако публично призвал экс-директора ФБР Джеймса Коми дать показания в юридическом комитете верхней палаты Конгресса о приписанном России вмешательстве в выборы США 2016 г. Объектом агрессии становится в данном случае также госсекретарь США Джон Керри, которого обвиняют в причастности к делу об обвинении России во вмешательстве в выборы.

Данный контекст служит примером одновременной реализации тактик вербальной инсинуации, компрометации (сообщаются факты, подрывающие репутацию сторонников оппонента) и дискриминации. Употребление определенного артикля перед именем собственным (*the Mr. Kerry*) становится средством реализации речевой агрессии, выражающим демонстративное неуважение к объекту высказывания.

Одновременная реализация ряда дискредитирующих тактик наблюдается и в следующих двух контекстах.

Ср.: *What if any ties George Soros has to foreign organizations and foreign money? Moreover, what about all of his deals? All of his money changing? Was there anything illegal? Jeff Sessions could grill him until he comes out like a fried squid.*

В данном примере объектом речевой агрессии становятся политики, нападающие на сторонников Дональда Трампа – Джеффа Сейшенса и Джорджа Сороса. Развернутая метафора *grill him until he comes out like a fried squid* (*жарить его на гриле до готовности как кальмара*) служит снижению образа референта высказывания. Вербальные инсинуации такого рода, вызывают иронию и сарказм; будучи основанными на ярких, легких для восприятия образах, они надолго остаются в памяти аудитории.

В следующем контексте политический комментатор (Гленн Бек) прибегает к метафоре *fat cockroach* (*жирный таракан*), осуждая отказ президент CNN Джеффа Цукера комментировать тот факт, что сын вице-президента США Джо Байдена, Хантер Байден, стал членом совета директоров ряда нефтяных компаний Украины. Ср.: *Jeff Zucker – the red-doper-diapered baby of CNN, a fat cockroach if ever there was one, had nothing to say when Joe Biden's son Hunter was appointed to one of the largest Ukrainian oil companies as a board member.*

Особым пластом разговорной лексики, служащим реализации тактики вербальной инсинуации в текстах радиопередач, является сленг. В представленном выше контексте сленгизм *red-doper-diapered baby* (*человек, родившийся в семье либеральных левых интеллектуалов в период расцвета культуры хиппи, который поддерживает легализацию легких наркотиков и выступает за реформу системы налогообложения в пользу бедных слоев населения*) поддерживает прагматический эффект метафоры.

Основным средством реализации тактик вербальной инсинуации и вербальной дискриминации как речевых доминант дискурсивной личности американского политического

радиокомментатора является инвективная лексика, которая все чаще становится нормой аналитического медиадискурса на американском радио. Основными коммуникативными приемами вербальной дискриминации в дискурсе политического радиокомментатора, реализуемыми инвективами (в том числе вульгаризмами) являются оскорбление и насмешка. Говоря о публикации книги о Бараке Обаме и его семье, политический комментатор употребляет инвектив *idiots*, заявляя: *What's astonishing is the idiots in that random house had the nerve to say: "We are with thrilled to be publishing the Obamas, because they transformed America in such a wonderful way"*. Книга, представляющая собой краткую биографию президента США, была написана с целью создания положительного образа Барака Обамы. Одной из задач комментатора является дискредитация политической линии Обамы. Не рискуя направить явную агрессию на самого президента, он делает объектом критики издателей книги.

В следующем контексте прагматический эффект инвективов *pigs* и *liar* поддерживается метафорами (*to roll in money; open a big mouth*), образным сравнением (*like pigs in mud*) и гиперболой (*a man a thousand times more decent than you*).

Ср.: *Pelosi is a liar, Pelosi got caught lying and I was warning everyone on the show yesterday and the day before... All of your pigs on the Democratic Left! You're rolling in money like pigs in mud. And you're opening a big mouth of attacking a man a thousand times more decent than you, Jeff Sessions.*

В данном случае весь набор лексико-семантических средств служит одновременной актуализацией всех выделенных нами дискредитирующих тактик. Критике подвергается Нэнси Пэлоси, спикер палаты представителей США, которая обвиняла Трампа в ксенофобии и расизме, а также приписывала Джеффу Сейнсу участие в сговоре с русскими.

Медиаполитический дискурс насыщен различными типами отсылок к прецедентным феноменам, которые постоянно воспроизводятся в речах политиков и медийных личностей и функционируют как единицы дискурса, поддерживаемые механизмами интертекстуальности. Трансформации прецедентных высказываний, использование прецедентных имен и апелляции к прецедентным текстам и событиям в политическом комментарии служат одновременно основой для создания языковой игры и средством реализации речевой агрессии. В соответствии с наиболее авторитетной на сегодняшний день концепцией прецедентности, разработанной В. В. Красных и Д. Б. Гудковым, прецедентные феномены делятся на прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена, прецедентные ситуации и события [18, с. 171].

Анализ текстового материала показал, что с целью реализации стратегии дискредитации американские политические комментаторы используют в первую очередь прецедентные имена, апелляции к прецедентным событиям или высказываниям. Апелляции к национально-прецедентным феноменам количественно превосходят репрезентации универсально-прецедентных феноменов в исследуемом жанре, что можно объяснить необходимостью пробуждать у аудитории чувство причастности к своему народу, единения с ним, в данном случае язык призван выполнять функцию консолидации сообщества.

В приводимом ниже отрывке политический комментатор, апеллируя к прецедентному тексту, цитирует в студии нашумевшие слова немецкого журналиста о канцлере Германии Ангеле Меркель, поддерживающей растущий приток беженцев и мигрантов из мусульман-

ских государств. Аллюзия (универсально-прецедентное имя) *a reverse Hitler* (Гитлер наоборот), помещенная в цитируемый текст, позволяет Гленну Беку выразить жесткую критику не только в отношении миграционной политики Германии, но также, и даже в большей степени, в отношении миграционной политики действующей администрации США.

Ср.: *Meanwhile, the **psychotic blood-crazed mad** woman, Angela Merkel is invading our own nation with murderers, rapists and thieves. She is **a reverse Hitler**. Hitler invaded neighboring countries to ethnically cleanse them and oppose German culture upon them. Markel is invading our own country with hordes of Muslims...*

Коммуникативный эффект аллюзии *a reverse Hitler* поддерживается отрицательно оценочными атрибутами, актуализирующими тактики вербальной дискриминации и инсинуации – *psychotic blood-crazed mad*. В данном случае очевиден высокий прагматический потенциал книжной лексики (*psychotic, hords*) в выражении речевой агрессии, именно с ее помощью достигается эффект «холодной ненависти».

В следующем контексте оскорбительные ироничные номинации двух наиболее значительных американских газет *The New York Times* и *The Washington Post*, использованные Марком Левиным в его авторской радиопрограмме «The Mark Levin Show», одновременно служат средством актуализации языковой игры и дискредитирующей тактики вербальной инсинуации. Радиоведущий обвиняет газеты в необъективности представляемой информации и предвзятости оценок, создавая яркие запоминающиеся образы.

Ср.: *So Obama and the rest they have released this stuff. Same game outlets! “**The New York slimes**” and the “**Washington compost**”.*

*Just to show you what a joke “**The Washington Compost**” is and how news is not news anymore – they don’t want to be called fake news. Well, what are they if they’re not fake news?*

Окказионализмы и неологизмы в дискурсе политического комментария, так же как и прецедентные единицы, в подавляющем большинстве случаев одновременно способствуют реализации языковой игры и речевой агрессии. При этом важной чертой авторских окказионализмов корпуса является их тенденция к актуализации механизмов прецедентности. В следующем примере окказионализм *Hilary-Hussein-Clinton* содержит в своей структуре прецедентное имя *Hussein*. Ср.: *I’m glad I don’t have to imagine what things will be like by now if **Hilary-Hussein-Clinton** had won*. Прагматический потенциал этого прецедентного имени обусловлен тем, что оно вызывает у аудитории ассоциации с именем президента Обамы (*Barack **Hussein** Obama*). Используя его, комментатор подчеркивает, что, став президентом, Клинтон будет продолжать политику действующего президента.

В следующем примере речевая агрессия создается целым рядом средств, однако именно окказионализмы (*Islamofascism, Islamiophile, the Democrat-Socialist-Islamist party of the USA*) являются средством реализации тактики вербальной инсинуации, суть которой состоит в умышленном создании негативных ассоциаций с именем того или иного политического деятеля. Ср.: *It’s about how Ukraine is controlling the Democratic party right now. And the second large subtext of the whole story is that the Democrats were soft on **Islamofascism**, because the years I have told you it has become **the Democrat-Socialist-Islamist party of the USA**. Notice that as Trump escalated his rhetoric against radical Islam, Schumer, **the Islamiophile** – which is ironic unto itself how a person of the Jewish faith in New York City after all these terrorist attacks can be soft on radical Islam is an example of Liberalism*. В дан-

ном контексте Майкл Сэвадж в очередной раз критикует Чарльза Шумера за его поддержку массовой миграции из стран Латинской Америки и Азии.

На реализацию тактики вербальной инсинуации направлен авторский окказионализм в следующем контексте: *You see, ladies and gentlemen, Chucky-Schmucky-Schumer wouldn't be the man he is today but for Harry Reid. And I think that's correct. Two snakes in the grass of poisonous politicians.* Радиоведущий направляет поток оскорблений на Чака Шумера (Chucky Schumer), а также Гарри Рейда, который являлся на момент выборов лидером демократического большинства в сенате США и открыто поддерживал Шумера. Метафора *two snakes in the grass of poisonous politicians* усиливает коммуникативно-прагматический эффект окказионализма, превращая злую насмешку в открытое оскорбление.

Важным средством реализации имплицитной речевой агрессии в корпусе является ирония. В дискурсе политического радиокomentarия ирония, будучи социально направленной и аффективной, часто становится сарказмом. Саркастичная тональность является важнейшей коммуникативно-прагматической характеристикой дискурсивной личности радиокomentarя.

Ср.: *What was your name again? I forget her name. Oh, I think Hillary... something? Oh, yeah, Hillary Clinton.*

Радиоведущий утверждает, что забыл имя Хилари Клинтон, обсуждению персоны которой он посвящает большую часть программы, чтобы показать, что он не считает ее серьезным оппонентом Дональду Трампу.

Заключение. Проведенное исследование показало, что несмотря на то, что основной целью политического радиокomentarя является не запугивание аудитории, а ее побуждение к принятию конкретного посткоммуникативного решения, дискредитирующие тактики в данном жанре сопровождаются речевой агрессией как доминантным эмоционально-стилевым форматом общения обобщенно-типовой дискурсивной личности американского политического радиокomentarя. Проведенный анализ позволил заключить, что этичность и «экологичность» речевых действий нехарактерна для обобщенно-типовой дискурсивной личности американского радиоведущего политической программы. Отказ от экологичности коммуникативного поведения в значительной мере мотивирован необходимостью участия в жесткой конкурентной борьбе в условиях растущей интенсивности информационного потока в современной медиакommunikации. Степень неэтичности коммуникативного поведения доходит в ряде случаев до уровня, когда становится возможным говорить о *речевом правонарушении* (речевом хулиганстве). Данный вывод подтверждается тем фактом, что каждый из комментаторов, записи передач которых послужили материалом для исследования, неоднократно обвинялся в неэтичной риторике и недостатке политической корректности. В частности, Майкл Сэвадж (Вайнер) «за поддержку экстремизма и пропаганду ненависти в СМИ» в мае 2009 г. попал в список лиц, которым был запрещен въезд в Великобританию. Консервативный американский радиоведущий завершал список, включающий террористов и неонацистов. Правомерность данного решения британских властей неоднократно оспаривалась, однако само обвинение сделало возможным поставить агрессивные речевые действия в один ряд с серьезными преступлениями. Важно отметить при этом, что обвинения в риторической некорректности не снизили, а повысили рейтинг популярности рассматриваемых медийных личностей и их радиопередач.

Представление об обобщенно-типовой дискурсивной личности формируется в сознании лингвокультурного сообщества благодаря регулярному тиражированию индивидуальными дискурсивными личностями комплекса языковых и речевых средств, используемых ими в публичных выступлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Языковые проявления личности. Волгоград: Парадигма, 2014.
2. Schudson M. Sending a political message: lessons from the American 1790s // *Media, Culture and Society*. 1997. Vol. 19 (3). P. 311–330. DOI: <https://doi.org/10.1177/016344397019003002>.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
4. Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // *Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. / под ред. В. В. Дементьева*. Саратов: Колледж, 2003. С. 196–212.
5. Плотникова С. Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // *Вестн. ИГЛУ*. 2005. № 4. С. 5–16.
6. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // *Вестн. РУДН. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77>.
7. Ермоленкина Л. И. Дискурсивная личность в коммуникативном пространстве современного радио // *Вестн. Томск. гос. пед. ун-та*. 2017. № 2 (179). С. 37–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-2-37-40.
8. Кононова И. В. Дискурсивная личность американского политического радиокomentатора // *Реальность. Вымысел. Текст / под ред. Н. Л. Шамне, Л. А. Кочетовой*. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2019. С. 39–65.
9. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // *Лингвистика речи. Медиастилистика / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, В. В. Славкиной, Н. В. Смирновой*. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 320–334.
10. Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // *Жанры речи: сб. науч. ст. / под ред. В. В. Дементьева*. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 81–97.
11. Зернецкий П. В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // *Языковое общение: процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин: КГУ, 1988. С. 36–41.*
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
13. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004.
14. Левичева Е. В. О периферийных специфических экспликаторах семантики потенциальности в языке газет // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2012. № 4 (15). С. 82–85.
15. Фирсова М. А. Когнитивно-дискурсивные параметры языковой агрессии в речи публичной языковой личности: дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. ун-т. Астрахань, 2018.
16. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004.
17. Егорова Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) // *Язык и текст*. 2015, Т. 2. № 3. С. 69–75. DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2015020309>.
18. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Информация об авторе.

Гуныкова Дарья Евгеньевна – аспирант кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Петербургское шоссе, д. 10, Санкт-Петербург, Пушкин, 196605, Россия. Автор 6 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, дискурсивная персонология. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9588-6833>. E-mail: gunk92@gmail.com

REFERENCES

1. Karasik, V.I. (2014), *Yazykovye proyavleniya lichnosti* [Linguistic manifestations of personality], Paradigma, Volgograd, RUS.
2. Schudson, M. (1997), "Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s", *Media, Culture and Society*, vol. 19 (3), pp. 311–330. DOI: <https://doi.org/10.1177/016344397019003002>.
3. Sheigal, E.I. (2004), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse], Gnozis, Moscow, RUS.
4. Sedov, K.F. (2003), "Aggression as a type of speech influence", *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication], in Dement'ev, V.V. (ed.), Kolledzh, Saratov, RUS, pp. 196–212.
5. Plotnikova, S.N. (2005), "Linguistic, communicative and discursive identity: the problem of differentiation of concepts", *Vestnik IGLU*, no. 4, pp. 5–16.
6. Karasik, V.I. (2016), "Discursive manifestation of personality", *Russian Journal of Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77>.
7. Ermolenkina, L.I. (2017), "Discursive personality in the communicative space of modern radio", *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, no. 2 (179), pp. 37–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-2-37-40.
8. Kononova, I.V. (2019), "The discursive personality of an American political radio commentator", *Real'nost'. Vymysel. Tekst* [Reality. Fiction. Text], in Shamne, N.L. and Kochetova, L.A. (ed.), Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Volgograd, RUS, pp. 39–65.
9. Kazak, M.Yu. (2012), "Specificity of modern media text", *Lingvistika rechi. Mediastilistika* [Linguistics of speech. Mediastilistics], in Solganik, G.Ya., Klushina, N.I., Slavkina, V.V. and Smirnova, N.V. (ed.), Flinta, Nauka, Moscow, RUS, pp. 320–334.
10. Borisova, I.N. (1999), "Purpose category and aspects of text analysis", *Speech Genres*, in Dement'ev, V.V. (ed.), no. 2, Kolledzh, Saratov, RUS, pp. 81–97.
11. Zernetskii, P.V. (1988), "Linguistic aspects of the theory of speech activity", *Yazykovoe obshchenie: protsessy i edinitsy* [Linguistic communication: processes and units], KGU, Kalinin, USSR, pp. 36–41.
12. Issers, O.S. (2008), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech], Izdatel'stvo LKI, Moscow, RUS.
13. Ruzhentseva, N.B. (2004), *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse], Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, RUS.
14. Levicheva, E.V. (2012), "On peripheral specific explicators of the semantics of potentiality in the language of newspapers", *Philology. Theory and Practice*, no. 4 (15), pp. 82–85.
15. Firsova, M.A. (2018), "Cognitive-discursive parameters of linguistic aggression in the speech of a public linguistic personality": Can. Sci. (Ling) Thesis, Volgograd State University, Astrakhan, RUS.
16. Kusov, G.V. (2004), "Insult as an illocutionary linguocultural concept", Abstract of Can. Sci. (Ling.) dissertation, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, RUS.
17. Egorova, E.N. (2015), "The verbal aggression and the strategy of discrediting (analysis of newspaper publications)", *Language and text*, vol. 2, no. 3, pp. 69–75. DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2015020309>.
18. Krasnykh, V.V. (2003), "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["Own" among "strangers": myth or reality?], ITD GK "Gnozis", Moscow, RUS.

Information about the author.

Daria Je. Gunkova – Postgraduate at the Department of English Philology, Pushkin Leningrad State University, 10 Peterburgskoe highway, St Petersburg 196605, Russia. The author of 6 scientific publications. Areas of expertise: cultural linguistics, discourse personality types. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9588-6833>. E-mail: gunk92@gmail.com

Лингвокультурные особенности коммуникативного поведения в англоязычном деловом общении

Л. А. Кочетова[✉], Я. Ш. С. Аль-Баяти

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

[✉]kochetova@volsu.ru

Введение. Настоящее исследование посвящено изучению специфики коммуникативного поведения в ситуациях межкультурного делового общения представителей англоязычной и арабской лингвокультуры. Научная новизна заключается в установлении этнокультурных особенностей речевых актов в ценностно маркированных ситуациях обещания в англоязычном деловом дискурсе. Актуальность работы обусловлена интересом лингвистики к вопросам функционирования речевых актов с точки зрения лингвокультурологии, рассматривающей специфику моделей коммуникативного поведения в ситуациях межкультурного взаимодействия, и проблематике вербального оформления речевых актов в речи носителей и неносителей английского языка применительно к различным жанрам и типам общения.

Методология и источники. В работе использовались методы корпусной лингвистики и интерпретативный метод дискурс-анализа. Эмпирической базой исследования послужил собственный корпус деловых писем, составленный из текстов, написанных служащими различных государственных и частных компаний Объединенных Арабских Эмиратов, для которых английский язык не является родным, и они используют его в качестве языка общения (Learner Business Letter Corpus (LBLC)). Корпус LBLC включает тексты 160 деловых писем, общим объемом 33 907 слов. В качестве референциального был выбран корпус англо-американской деловой корреспонденции общим объемом 1 млн слов.

Результаты и обсуждение. Представлены результаты сравнительного изучения вербального оформления ценностно маркированной коммуникативной ситуации обещания в корпусе англоязычной арабской (Learner Business Letter Corpus (LBLC)) и англо-американской деловой корреспонденции (Business Letter Corpus (BLC)). В ценностно маркированных ситуациях обещания в обоих корпусах наблюдается функциональное и ситуативное сходство, различия проявляются в лексико-грамматических средствах, оформляющих комиссивные речевые акты, их вариативности и прагматической функции. В корпусе англо-американской деловой корреспонденции в ситуации корреляции комиссивного речевого акта с извинением адресат берет на себя обязанность не совершать нежелательных для него действий или не допускать возникновения обстоятельств, которые могут иметь негативные последствия для адресата. В арабской деловой коммуникации адресанту не свойственно брать вину за невыполнение обязательств на себя. Извинение сопровождается описанием причин, повлекших неисполнение обязательств и обещанием устранить эти причины. В корпусе англо-американской деловой корреспонденции (BLC) используются эксплицитные гарантийные комиссивы, выражающие принятие на себя обязательства при условии выполнения адресатом определенного действия и акцентирующие искренность отправителя сообщения. В корпусе англоязычной арабской деловой корреспонденции

© Кочетова Л. А., Аль-Баяти Я. Ш. С., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

спонденции эксплицитные гарантийные перформативы не используются, и высказывание интерпретируется как гарантийный комиссив на основании утверждений, сделанных в письме.

Заключение. В ценностно маркированных ситуациях межкультурного взаимодействия на английском языке речевые акты совершаются в соответствии с культурогенными алгоритмами, свойственными определенным культурам, и обладают этнокультурной спецификой, которая выявляется методами лингвистического анализа.

Ключевые слова: дискурс, деловой дискурс, лингвокультурология, речевой акт, корпусная лингвистика, комиссив, английский язык.

Для цитирования: Кочетова Л. А., Аль-Баяти Я. Ш. С. Лингвокультурные особенности коммуникативного поведения в англоязычном деловом общении // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 126–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-126-136

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 14.10.2020; принята после рецензирования 10.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Lingvocultural Specifics of the Communicative Behaviour in Arabic English-language Business Discourse

Larisa A. Kochetova[✉], **Yassien Sh. S. Al-Bayati**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

[✉]kochetova@volsu.ru

Introduction. The paper studies specifics of the communicative behavior of native speakers of English and Arab speakers of English as a second language in business situations. The novelty of the study is implied by the fact that it establishes ethnocultural features of commissive speech acts in value-marked situations in the English-language business discourse. The relevance of the study is conditioned by the interest in speech acts functioning in lingvocultural perspective, which studies patterns of communicative behavior in cross-cultural situations and issues of verbal representation of speech acts in the speech of native and non-native speakers of English as they are employed in various genres and types of discourse.

Methodology and sources. The study employs methods of corpus linguistics and discourse analysis interpretive method. The study is drawn on a corpus compiled of business letters written by employees of United Arab Emirates companies who speak English as a second language (LBLC). The corpus LBLC comprises 160 letters, 33 907 words. To identify cultural differences, Business Letter Corpus of 1 million words that contains letters written by British and American writers was chosen.

Results and discussion. The results of cross-cultural comparison of commissive speech acts representation in value marked situations in the Learner Business Letter Corpus (LBLC) and Business Letter Corpus are presented. It has been concluded that both corpora under study display similarity as for functions of commissive speech acts in value-marked communicative situations whereas differences are revealed in the variation of lexical and grammatical choices that represent these speech acts and their pragmatics. In the BLC the situations when commissive speech acts correlate with apology the addresser commits themselves to obligation not to perform actions that are undesirable for the addressee or prevent the circumstances that might have negative consequences for the addressee. In the LBLC, following the communicative act of apology the addresser emphasizes the causes that have resulted in his failure to complete his obligations and promises to

eliminate these causes. The texts in BLC employ explicit speech acts of guarantee that represent an obligation on condition that the addressee completes a certain action and emphasize the sincerity of the addresser. The texts in LBLC do not contain any instances of explicit speech acts of guarantee and the utterance is interpreted as a guarantee on the basis of declarations expressed in the letter.

Conclusion. It is concluded that in cross-cultural value-marked situations speech acts implementation follows algorithms that are relevant in a given culture and display cultural specificity that can be studied by linguistic methods.

Key words: discourse, business discourse, lingvocultural studies, speech act, corpus linguistics, commissives, English language.

For citation: Kochetova L. A., Al-Bayati Ya. Sh. S. Lingvocultural Specifics of the Communicative Behavior in Arabic English-language Business Discourse. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 127–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-126-136 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 14.10.2020; adopted after review 10.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Изучение языка как деятельности может осуществляться не только в прагмалингвистическом, коммуникативном, социолингвистическом, но и в лингвокультурном аспекте. С позиций лингвокультурологии жанры как единицы дискурса могут изучаться внутри определенной культуры в контексте существующих в ней норм (в том числе и коммуникативных), приоритетов и ценностей. Как отмечает В. В. Дементьев, в этой связи «рассматривается речевая организация высказываний, обусловленная национально-специфическими содержательными категориями, а также культурно-историческими факторами» [1, с. 4].

В лингвокультурном аспекте выделяются и анализируются культурно специфичные жанры, проводится сопоставительный анализ схожих жанров в различных культурных сообществах. Так, выявлению специфики стратегий речевой коммуникации и сценариев речевого поведения в немецкой и русской лингвокультурах посвящена монография В. Гладрова и Е. Которовой, в которой авторы представляют единую теоретико-методологическую основу системного контрастивного анализа коммуникативно-прагматических феноменов [2]. За исключением некоторых работ (см., напр., [3–6,]) данное направление в отечественной лингвистике до сих пор остается практически неисследованным. С другой стороны, актуальным оказывается изучение лингвокультурной специфики, проявляющейся в способах вербального оформления речевых жанров в речи представителей различных культур, говорящих на родном и неродном языках. В современном глобальном пространстве средством коммуникации в различных типах общения, в том числе и в таком виде дискурса, как деловой, выступает английский язык. В связи с этим особый интерес представляет исследование моделей коммуникативного поведения представителей различных культурных сообществ на английском языке, поскольку они испытывают интерференцию со стороны различных культурных традиций и осуществляются в соответствии с культурогенными алгоритмами, зафиксированными в жанрах других культур. Как отмечает Е. Которова, «иллокутивное содержание и общая организация моделей речевого поведения могут считаться универсальными, в то время как их языковая реализация является культурно обусловленной и может существенно различаться в разных языковых сообществах» [7, с. 405].

Деловое письмо является одним из жанров, которые интенсивно используются в межкультурном взаимодействии. В нем наиболее ярко проявляются национально-культурные конвенции коммуникативного поведения, обусловленные ценностными ориентирами, представлениями и установками участников общения.

Типы дискурса могут быть выделены по различным основаниям, одним из которых является критерий перформативности. Перформативный подход к дискурсу, как пишет В. И. Карасик, представляет собой характеристику общения как действия, являющегося поступком, т. е. сознательным выбором, в результате которого человек принимает (или намеренно не принимает) на себя ответственность за новое положение дел [8, с. 171]. К числу таких речевых действий традиционно относится класс комиссивов, базовая интенция которых состоит в убеждении адресата в намерении говорящего совершить либо не совершать некоторое действие [9–12]. Комиссивы занимают особое место в деловой коммуникации, в частности в письме. Как отмечает В. И. Карасик, «интроспективный анализ обязательств разного типа – логико-ситуативный подход к выделению комиссивов – позволяет установить следующие родовые и видовые признаки единиц данного класса: 1) обязательство как проективное целерациональное поведение человека; 2) жанрово-ситуативное уточнение типовых обстоятельств; 3) характеристика проективного действия – обещание делать либо не делать чего-либо; 4) характеристика времени действия обязательства – краткосрочное либо долгосрочное обязательство; 5) основанное на риске обязательство, взятое на себя участниками спора; 6) обязательство, которое не предполагает его выполнения; 7) обязательство, сопряженное с угрозой для кого-либо; 8) способ выражения обязательства – устный либо письменный, публичный либо приватный, сопровождаемый либо не сопровождаемый ритуальным действием» [13, с. 57].

В научной литературе существует огромное количество работ, посвященных перформативным речевым актам, в частности комиссивам [14]. По замечанию В. И. Карасика, несмотря на детальный структурный и семантический анализ речевых актов в прагмалингвистике теория речевых актов имеет определенные перспективы развития в направлении выявления культурной специфики речевых поступков. В изучении лингвокультурной специфики дискурса возможно использование методов корпусной лингвистики, которые открывают новые перспективы и аспекты в изучении дискурсивной деятельности [15]. В основу данной работы, базирующейся на использовании корпусной методологии, положен тезис о том, что объединение качественных и количественных методов «отражает внепарадигмальный взгляд на методологию, предполагающий, что метод должен способствовать достижению реальных целей, т. е. выступать инструментом анализа продуктов реальной дискурсивной практики» [16].

Гипотеза исследования состоит в том, что коммуникативные поступки в ценностно маркированных ситуациях, в частности обещания, являются культурно обусловленными. Англоязычная деловая коммуникация, осуществляемая представителями иных культур, испытывает воздействие лингвокультурных конвенций общения родной культуры, обладает языковой спецификой, которая может быть объективно выявлена методами лингвистического анализа, в том числе методами корпусной лингвистики.

Цель исследования – выделить на основе корпусного сопоставительного метода специфику репрезентации ценностно-маркированных ситуаций обещания в речи представителей арабской лингвокультуры, для которой английский язык не является родным.

Методология и источники. Эмпирической базой исследования послужил собственный корпус деловых писем, составленный из текстов, написанных служащими различных государственных и частных компаний Объединенных Арабских Эмиратов, которые используют английский язык в качестве языка общения, и для которых он не является родным (Learner Business Letter Corpus (LBLC)). Корпус *LBLC* включает тексты 160 деловых писем, общим объемом 33 907 слов. Число уникальных слов в корпусе составляет 4 589 единиц.

Выявление специфики функционирования и использования языковых структур в лингвокультурном аспекте предполагает применение референциального корпуса, содержащего тексты сопоставимого жанра. В качестве такого нами был выбран корпус деловых писем носителей английского языка (Business Letter Corpus (BLC), объемом 1 млн слов [17].

Корпусный анализ проводился с применением корпусной поисковой системы *Sketch-Engine* и компьютерного инструментария корпуса деловых писем *Business Letter Corpus* (BLC).

Результаты и обсуждение. Обязательство в жанре письма в деловом дискурсе характеризуется как письменное, публичное речевое действие с конкретизацией намерений и ответственности за его выполнение. В деловом дискурсе в характеристику данного проективного действия в отдельных случаях входит намерение не делать чего-либо, особенного того, что может привести к эмоциональному дискомфорту адресата или нанести ему фактический ущерб. К формальным маркерам обещаний в английском языке относится модальный глагол *will*, глаголы *promise*, *pledge*, *plight*, *guarantee*, а также глагольные словосочетания. Данные слова объединяет общее значение «to give one's word that one will act in a specified way (as by doing, making, giving, or accepting) in respect to something stipulated» – давать слово, что некто будет действовать определенным образом (нечто делая, давая или принимая) по отношению к тому, о чем оговорено. Значение глагола *promise* – «a declaration that one will do or refrain from doing something specified» [18]; «to tell someone that you will definitely do» [19]; *pledge* – to promise the performance of by a pledge (a binding promise or agreement to do or forbear) [20]; «to promise seriously and publicly to do something» [21]; *plight* – «to put or give in pledge» [22].

Анализ приведенных дефиниций показывает, что семантические различия между глаголами сводятся к следующим признакам: 1) степень обязательности выполнения обещанного; 2) степень официальности обещания; 3) уточнение ситуаций (в частности, обещание поставить товар или выполнить какую-то работу); 4) наличие взаимных обязательств; 5) юридическое обязательство.

В деловом дискурсе широко распространенными являются деловые обещания с конкретизацией намерений и ответственности за их выполнение. В англо-американском корпусе принятие на себя обязательств осуществляется при помощи модального глагола *will*, который используется 1 327 раз, например: *As soon as we receive their statement of charges, we will arrange for shipping documents to be sent to you*; перформативных глаголов *promise*, *pledge*: *I promise that this meeting will be resc ...* [BLC2:15:01487]; *We in the JAFL program have pledged ourselves to work harder in the coming year towards* [BLC2:32:02756]; *We pledge to merit your trust with excellent professionals* [BLC2:10:06282]; [BLC2:05:00462]; *We promise better results next time* [BLC2:15:00379].

В корпусе англоязычной арабской деловой коммуникации модальный глагол *will* также является преимущественным способом маркирования обещания, например:

We will continue to maintain our sales and service presence in USA through our mobile "Shop on Wheels". A qualified service mechanic will be available to visit your facility to assess your requirements, either repairing the equipment onsite or making the arrangements to forward on the equipment to our Abu Dhabi service centre for repair [LBLC:144].

We enclose our catalogue and an order form. You will see that we allow very good terms of payment and discounts for large orders and if you would like one of our representatives to call on you with samples, please send us the enclosed postcard and we will get in touch with you to arrange a convenient time [LBLC:049].

В вышеприведенных примерах адресант сообщения заверяет адресата в том, что компания будет соблюдать обязательства по техническому обслуживанию оборудования несмотря на закрытие офиса; во втором примере компания берет на себя обязательство поставлять продукцию по лучшим ценам и предоставлять скидки на большие заказы.

В аутентичном корпусе обещания различаются по степени официальности. В некоторых случаях обещания носят неформальный характер и пересекаются с заверениями, например: *I won't let you down, I promise [BLC2:25:09085] / Обещаю, что я не подведу вас.* Заверение может быть выражено формальными средствами, например, формами страдательного залога: *Please be assured we will contact you again on future work [BLC2:09:00813] / Будьте уверены, мы свяжемся с Вами снова.* В следующем примере обещание носит формальный характер: *I personally pledge that we will do our best to reach this objective [BLC2:10:01295] / Я лично заверяю Вас, что мы сделаем все возможное, чтобы достичь цели.* В некоторых случаях для выражения обещания используются эмфатические конструкции, особенно если требуется убедить собеседника, что отрицательные последствия для него больше не наступят, например: *This time we do promise to take better care, even if it means putting a ... [BLC2:28:00020].*

В речевых актах обещания уточняются ситуации, в которых адресант берет на себя обязанность выполнить обязательство (в частности, обещание поставить товар или выполнить какую-то работу), например: *In fact, we promise installation within two weeks of ... [BLC2:10:01104].* В корпусе англоязычной арабской коммуникации также уточняются обстоятельства, при которых адресант берет на себя обязательства, например: *If you can discount this price some more and give us good conditions for payment than we will seriously consider to purchase the offered equipment for the two autoclaves.* Тем не менее обещание приобрести товар в данном примере переосмысливается как просьба предоставить скидку, которая выступает как условие принятия адресантом на себя обязательства.

Отметим, что в аутентичном корпусе комиссивный глагол *promise* иногда модифицируется наречиями, которые придают большую силу обещанию, эксплицируя искренность намерения или наличие уверенности в его выполнении, например: *I faithfully promise NOT to send around any salesman; we can safely promise that the bungalow will be ready.* Данный глагол часто используется с модальным глаголом *can*, например: *We can promise to complete all work by 31 August [BLC2:23:00537]; We can also promise that the job will be completed [BLC2:22:00158].*

В корпусе англоязычной арабской коммуникации перформативный глагол *promise* не используется, и предпочтение отдается модальному глаголу *will*, например: *Seating will be limited at this once/year special event, so please let me know if you plan to attend; call me at and I will reserve a place for you* [LBLC:006]. В корпусе аутентичных деловых писем глагол *promise* также используется в речевых актах, выражающих сожаление по поводу невозможности принять на себя определенное обязательство, например: *We regret that we can not promise delivery under four weeks and...*

В корпусе BLC речевой акт обещания также часто следует за извинением, и представляет собой обязательство впредь не совершать нежелательных для адресата действий или не допускать возникновения обстоятельств, которые могут иметь негативные для него последствия, например: *Please accept my most sincere apologies and my promise that I will never embarrass you again.* [BLC2:18:07617]; *I promise to be more careful from now;* [BLC2:18:07589] *I promise you that nothing of the kind;* [BLC2:18:04983]; *I promise to be more careful in the future.*

В корпусе арабской англоязычной корреспонденции адресант не склонен брать на себя вину за невыполненные обязательства, перекладывая ее на других лиц и представляя себя как пострадавшую сторону. Обещание сменить поставщиков товара интерпретируется как уверенность в продолжении бизнеса: *We have had a great deal of trouble with our suppliers and in view of your complaint will almost certainly change them* [LBLC:113].

В речевой коммуникации семантика обязательства частично пересекается с семантикой угрозы, поскольку оба вида коммуникативных действий направлены на будущее. Вместе с тем угроза и обещание различаются по знаку интенции (приведение адресата в состояние эмоционального комфорта либо дискомфорта). Угроза является распространенным способом установления нужного для субъекта статусного соотношения между участниками общения. В деловом дискурсе более высокое статусное позиционирование характеризует заказчика услуг или товаров, который в случае невыполнения контрагентом обязательств имеет возможность предпринять юридические действия для защиты своих прав.

В аутентичном корпусе деловых писем содержатся примеры, содержащие угрозу совершения юридических действий в случае невыполнения адресатом определенных требований: *Unless we hear from you by May 5, we will turn the account over to our legal department for* [BLC2:10:02267] / *Если мы не получим от Вас известий до 5 мая, то мы передадим дело в наш юридический департамент...*

В корпусе англоязычной арабской коммуникации используется эксплицитное маркирование угрозы увольнения сотрудника за ненадлежащее выполнение своих должностных обязанностей (*written warning*), эксплицитное указание на санкции, которые могут последовать (*we will consider further disciplinary action, up to and including dismissal*). *During our meeting, you did not provide an acceptable explanation as to why you had not met the deadlines, but did request additional training in the department's reporting system.*

I will meet with you next Monday to review the reporting system. During the next 60 days, I will meet with you each Friday to review your records and reports. You will be responsible for completing your assignments accurately and on time. If you do not make the necessary job performance improvements, we will consider further disciplinary action, up to and including dismissal.

This written warning is being issued pursuant to the guidelines of the Company Disciplinary Policy, and will remain active in your personnel files for 12 months or until you receive at least an overall evaluation of 'Good' and a 'Good' on Principal Function 2 which covers your reporting responsibilities. Alternatively, this written warning may be made inactive at any time [LBLC:144].

К разновидностям обещания относится гарантийный комиссив, который представляет собой обещание сделать нечто при выполнении определенного условия со стороны адресата. В своем полном выражении такой комиссив содержит положительный и отрицательный для адресата варианты развития событий. Например: *In fact, we guarantee you'll save no less than 10 % per year savings as...* [BLC2:12:01027] / *Мы гарантируем, что Вы будете экономить не менее 10 процентов...*; *We guarantee that our programs will be completed error free wi* [BLC2:10:04910] / *Мы гарантируем, что наши программы не будут содержать ошибок...*; *You'll notice we require 30 days lead time to guarantee that parts and services will be available to according...* / *Обратите внимание, что нам требуется 30 дней, для гарантии того, что запасные части и ...*; *We will guarantee shipment at the old prices on all orders placed* [BLC2:10:01533] / *Мы гарантируем прежние цены на все заказы, размещенные...* В нашем корпусе англоязычной арабской коммуникации эксплицитные гарантийные комиссивы не встречаются. В данных случаях в письмах используются речевые акты в форме утверждений, представляющие собой имплицитные перформативы, например: *These prices are subject to a discount of 12 % for payment within 4 weeks* [LBLC:032]. Приведенное высказывание, несмотря на то, что эксплицитный перформативный глагол в нем отсутствует, интерпретируется как гарантия адресанта предоставить скидку в случае оплаты заказа в течение четырех недель.

Заключение. Таким образом, в современном глобальном экономическом пространстве англоязычные дискурсивные практики испытывают влияние национально-культурных конвенций речевого поведения, определяющих алгоритмы реализации коммуникативных действий и характер использования языковых средств, специфика которых может быть выявлена в ходе лингвистического анализа. Проведенное исследование позволило установить, что комиссивные речевые акты как ценностно обусловленные речевые действия осуществляются в соответствии с культурогенными алгоритмами речевого поведения, соотносятся с культурно обусловленными нормами вежливости и конвенциями делового общения. Комиссив, прототипным проявлением которого выступает обещание, представляет собой речевое действие, выражающее интенцию говорящего взять на себя определенные обязательства. В целом в ценностно-маркированных ситуациях обещания в обоих корпусах наблюдается функциональное и ситуативное сходство, различия проявляются в лексико-грамматических средствах, оформляющих комиссивные речевые акты, их вариативности и прагматической функции. В отличие от англо-американского корпуса в англоязычной арабской коммуникации адресанту не свойственно брать на себя вину за невыполнение обязательств и обещать впредь не допускать неблагоприятных ситуаций для адресата.

В корпусе англо-американской деловой корреспонденции (BLC) основным системным коррелятом обещания выступает угроза, которая в деловом дискурсе предполагает наложение санкций за невыполнение адресатом взятых на себя обязательств. В корпусе используются эксплицитные гарантийные комиссивы, выражающие принятие на себя обязательства при условии выполнения адресатом определенного действия. Несмотря на избы-

точность использования маркеров гарантийных комиссивов, поскольку «высказывание посредством которого участник дискурса совершает юридически значимый акт, может вообще не отвечать признакам эксплицитного перформатива» [23], они придают высказыванию более убедительную силу, акцентируя искренность намерений говорящего. В корпусе англоязычной арабской деловой корреспонденции эксплицитные гарантийные перформативные глаголы не используются, высказывание интерпретируется как гарантийный комиссив на основании утверждений, сделанных в письме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи. Жанр и культура: сб. науч. ст. Саратов: Наука, 2007. Вып. 5. С. 4–7.
2. Gladrow W., Kotorova E. Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung. Berlin: Peter Lang, 2018.
3. Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Жанр и культура: сб. науч. ст. / пер. с англ. В. В. Дементьева, Е. Б. Ковельевой. Саратов: Наука, 2007. Вып. 5. С. 131–159.
4. Кочетова Л. А., Аль-Баяти Я. С. Лингвокультурная специфика благодарности в арабском деловом общении на английском языке // Научный диалог. 2020. № 9. С. 82–96. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-82-96>.
5. Ларина Т. В. Прагматика английского приглашения: межкультурный аспект // Жанры речи. Жанр и язык: сб. науч. ст. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов: Наука, 2009. Вып. 6. С. 307–317.
6. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения: моногр. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003.
7. Которова Е. Г. «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков) // Вестн. РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 2. С. 405–423. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-405-423>.
8. Карасик В. И. Языковые проявления личности. Волгоград: Парадигма, 2014.
9. Антонова А. В. Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самарский гос. пед. ун-т. Самара, 2004.
10. Восканян Г. Р. Опыт анализа предложений, содержащих перформативы-обязательства (на материале современного английского языка) // Проблемы синтаксиса словосочетания и предложения в современном английском языке: межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. лингв. ун-та, 1987. С. 45–52.
11. Филимонова Е. А. Прототипическая картина класса комиссивов: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2003.
12. Hickey R. A Promise is a Promise: On Speech Acts of Commitment in English // *Studia Angelica Posnaniae*. 1986. Vol. 18. P. 69–80.
13. Карасик В. И. Комиссив как поступок: лингвокультурные характеристики // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-56-66>.
14. Боброва Е. Д. Языковой механизм выражения речевых актов на материале комиссивов английского языка // Вестн. РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 1. С. 66–73.
15. Baker P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum, 2006.
16. Кочетова Л. А. Предисловие // Теоретические и прикладные аспекты корпусных исследований: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. Вып. 2. С. 3–7.
17. BLC – Business Letter Corpus of English. URL: <http://www.someya-net.com/concordancer> (дата обращения: 16.07.2020).

18. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/promise> (дата обращения: 27.07.20).
19. Macmillan Dictionary Online. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/promise_1 (дата обращения: 29.07.2020).
20. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/pledge> (дата обращения: 29.07.20).
21. Macmillan Dictionary Online. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/pledge_1 (дата обращения: 29.07.20).
22. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/plight> (дата обращения: 10.08.20).
23. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград: Парадигма, 2012.

Информация об авторах.

Кочетова Лариса Анатольевна – доктор филологических наук (2013), заведующая кафедрой английской филологии Волгоградского государственного университета, пр. Университетский, д. 100, Волгоград, 400062, Россия. Автор 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, дискурс, корпусная лингвистика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>. E-mail: kochetova@volsu.ru

Аль-Баяти Яссин Шариф Саид – аспирант кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета, пр. Университетский, д. 100, Волгоград, 400062, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс. E-mail: yassienshareef@yahoo.com

REFERENCES

1. Dement'ev, V.V. (2007), "Aspects of the problem "genre and culture", *Zhanry rechi. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres. Genre and Culture], Nauka, Saratov, no. 5, pp. 4–7.
2. Gladrow, W. and Kotorova, E. (2018), *Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung*, Peter Lang, Berlin, DEU.
3. Wierzbicka, A. (2007), "Anglo scripts against "putting pressure" on other people and their linguistic manifestations", *Zhanry rechi. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres. Genre and Culture], Transl. by Dement'ev, V.V. and Kovel'eva, E.B., Nauka, Saratov, no. 5, pp. 131–159.
4. Kochetova, L.A. and Al'-Bayati, Ya.Sh.S. (2020), "Linguistic and Cultural Specifics of Gratitude in Arabic Business Communication in English", *Nauchnyi dialog*, no. 9, pp. 82–96. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-82-96>.
5. Larina, T.V. (2009), "The pragmatics of the English invitation: an intercultural dimension", *Zhanry rechi. Zhanr i yazyk* [Speech Genres. Genre and language], Nauka, Saratov, no. 6, pp. 307–317.
6. Sternin, I.A., Larina, T.V. and Sternina, M.A. (2003), *Ocherk angliiskogo kommunikativnogo povedeniya* [An outline of English communicative behavior], Izdatel'stvo "Istoki", Voronezh, RUS.
7. Kotorova, E.G. (2017), ""Promise" as a model of speech behavior: a method of contrastive analysis (based on the material of the Russian and German languages)", *Russian Journal of Linguistics*, vol. 21, no. 2, pp. 405–423. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-405-423>.
8. Karasik, V.I. (2014), *Yazykovye proyavleniya lichnosti* [Linguistic manifestations of personality], Paradigma, Volgograd, RUS.
9. Antonova, A.V. (2004), "The intention of a promise and the means of expressing it in English", Abstract of Can. Sci. (Ling.) dissertation, Samara State Pedagogical University, Samara, RUS.
10. Voskanyan, G.R. (1987), "The experience of analyzing sentences containing performatives-obligations (based on the material of modern English)", *Problemy sintaksisa slovosochetaniya i*

predlozheniya v sovremennom angliiskom yazyke [Problems of the syntax of word combinations and sentences in modern English], Pyatigorsk State University Press, Pyatigorsk, pp. 45–52.

11. Filimonova, E.A. (2003), "Prototypical picture of the class of commissions: based on the material of English and Russian languages", Abstract of Can. Sci. (Ling.) dissertation, Bashkir State University, Ufa, RUS.

12. Hickey, R. (1986), "A Promise is a Promise: On Speech Acts of Commitment in English", *Studia Angelica Posnaniae*, vol.18, pp. 69–80.

13. Karasik, V.I. (2016), "Commissive as a Behavioral Action: Linguistic and Cultural Features", *Speech Genres*, no. 2 (14), pp. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-56-66>.

14. Bobrova, E.D. (2013), "Language mechanism to express commissive speech acts in English", *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no 1, pp. 66–73.

15. Baker, P. (2006), *Using Corpora in Discourse Analysis*, Continuum, London, UK.

16. Kochetova, L.A. (2018), "Preface", *Teoreticheskie i prikladnye aspekty korpusnykh issledovaniy* [Theoretical and applied aspects of corpus research], no. 2, VolGU, Volgograd, pp. 3–7.

17. BLC – Business Letter Corpus of English, available at: <http://www.someya-net.com/concordancer> (accessed 16.07.2020).

18. Merriam-Webster Online Dictionary, available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/promise> (accessed 27.07.20).

19. Macmillan Dictionary Online, available at: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/promise_1 (accessed 29.07.2020).

20. Merriam-Webster Online Dictionary, available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/pledge> (accessed 29.07.20).

21. Macmillan Dictionary Online, available at: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/pledge_1 (accessed 29.07.20).

22. Merriam-Webster Online Dictionary, available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/plight> (accessed 10.08.20).

23. Palashevskaya, I.V. (2012), *Sudebnyi diskurs: funktsii, struktura, narrativnost'* [Court discourse: functions, structure, narrative], Paradigma, Volgograd, RUS.

Information about the authors.

Larisa A. Kochetova – Dr. Sci. (Philology) (2013), Head of the Department of English Philology, Volgograd State University, 100 Universitetskii pr., Volgograd 400062, Russia. The author of 100 scientific publications. Areas of expertise: cross-cultural studies, discourse studies, corpus linguistics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>. E-mail: kochetova@volsu.ru

Yassien Sh. S. Al-Bayati – Postgraduate at the Department of English Philology, Volgograd State University, 100 Universitetskii pr., Volgograd 400062, Russia. The author of 8 scientific publications. Areas of expertise: discourse studies, stylistics, cross-cultural studies. E-mail: yassienshareef@yahoo.com

Основные германские диалекты Фландрии

Л. А. Ульяницкая✉, А. А. Шумков

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Введение. В статье рассматривается сложная языковая ситуация во Фламандском регионе Бельгии, связанная с прогрессирующим исчезновением германских диалектов, исторически распространенных на этой территории. Каждая диалектальная группа имеет свои уникальные черты, а западно-фламандская и лимбургская группы могли бы стать основой отдельных языков.

Методология и источники. Методологическим основанием выступает комплексный подход, заключающийся в сочетании сравнительно-исторического и сопоставительного методов, а также метода социолингвистической интерпретации. Исследование проводилось на языковом материале, собранном в различных диалектальных словарях нидерландского языка, а также в специальных лингвистических работах по языковой ситуации во Фландрии.

Результаты и обсуждение. В статье представлено разнообразие германских диалектов, бытующих на территории современной Фландрии. Приводится краткая справка о лексических и грамматических особенностях четырех основных диалектальных групп, а также об особенностях их фонетики. Особое внимание уделено, соответственно, городским диалектам Антверпена, Гента, Брюгге и Хасселта. Анализируются некоторые интерференционные явления, вызванные контактом исследуемых диалектов с романо-германским окружением и проявляющиеся на всех языковых уровнях – от фонетического до синтаксического. Высказывается предположение об интерференционно-фонетической природе специфических грамматических форм во фламандских диалектах. Для марольского диалекта, изначально относящегося к группе брабантских диалектов, обсуждается стык германского морфосинтаксического строя с романской лексикой.

Заключение. За последние 20 лет процент говорящих на германских диалектах Фландрии продемонстрировал катастрофическое снижение. Вместе с тем основные черты этих диалектов, в особенности брабантских, перешли в промежуточный язык «tussentaal» как в плане лексики, так и в плане грамматики. Этот язык является переходным между германскими диалектами и нидерландским языком, представленным во Фламандском регионе двумя вариантами – общенидерландской нормой и бельгийским нидерландским языком. Прогрессирующее снижение числа говорящих на исконных диалектах Фландрии заставляет задуматься о необходимости строгой научной фиксации исчезающих языковых вариантов.

Ключевые слова: Фландрия, фламандские диалекты, лимбургский язык, марольский диалект, лингвистическая интерференция.

Для цитирования: Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Основные германские диалекты Фландрии // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 137–153. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-137-153

© Ульяницкая Л. А., Шумков А. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.10.2020; принята после рецензирования 09.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

The Main Germanic Dialects of Flanders

Luibov A. Ulianitckaia[✉], Andrey A. Shumkov

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]ulianitckaia_liubov@mail.ru

Introduction. The article reveals a complicated language situation in the Flemish region of Belgium – a progressing extinction of Germanic dialects, which are historically spread on this territory. Each dialectal group has its unique features, and the West-Flemish and Limburgish groups might have become grounds for particular languages.

Methodology and sources. The methodological base consists in a complex approach, combining the comparative-historical and contrastive methods with the method of sociolinguistic interpretation. The investigation is conducted on the language material, collected from different dialectal dictionaries of Dutch, as well as from special linguistic papers on the language situation in Flanders.

Results and discussion. The article represents a multiplicity of Germanic dialects, existing on the territory of modern Flanders. A short revue is given on lexical and grammatical peculiarities of four main dialectal groups, as well as on their peculiar phonetics. A special attention is, respectively, paid to the urban dialects of Antwerp, Gent, Bruges and Hasselt. There are analyzed some interferential phenomena, caused by the contact of the investigated dialects with Romanic and Germanic environment and occurring on all language levels – from phonetic to the syntactic ones. It has been suggested, that certain specific grammar forms in Flemish dialects may be result of phonetic interference. For Marols, which originally belongs to the group of Brabant dialects, the juncture between Germanic morphosyntactic structure and Roman lexis is discussed.

Conclusion. For the last 20 years the percentage of persons, speaking the Germanic dialects of Flanders, has demonstrated a catastrophic decrease. Along with that, the main features of these dialects (mostly of the Brabant ones) have gone over to an intermediate language “tussentaal”, in both lexis and grammar. This language is being formed in-between the Germanic dialects and Dutch; the latter is represented in the Flemish region by two variants – standard (common) Dutch and Belgian Dutch. The progressing decrease in the number of persons, speaking the autochthonous dialects of Flanders, is thought-provoking towards the exigency to fix the disappearing language variants through a strict scientific way.

Key words: Flanders, Flemish dialects, Limburgish, Marols, linguistic interference.

For citation: Ulianitckaia L. A., Shumkov A. A. The Main Germanic Dialects of Flanders. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 137–153. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-137-153 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.10.2020; adopted after review 09.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. На территории Фландрии существует четыре основные германские диалектальные группы, в которые входит огромное число диалектов: брабантская (53 диалекта, из них 1 распространен в Брюсселе), восточно-фламандская (69 диалектов), западно-фламандская (34 диалекта), лимбургская (61 диалект) [1]. Диалекты двух последних групп, лимбургской и западно-фламандской, в настоящее время являются самыми употребляе-

мыми в повседневной речи жителей Фламандского региона и имеют наибольшее количество отличий от бельгийского нидерландского и общенидерландской нормы [2]. Языковая ситуация в этом регионе считается весьма сложной, что связано с прогрессирующим исчезновением вышеперечисленных диалектов, исторически исконных для этой территории. Каждая диалектальная группа имеет свои уникальные черты, а западно-фламандская и лимбургская группы могли бы стать основой отдельных языков. Так, в Нидерландах лимбургский вариант признан региональным языком.

Методология и источники. Методология исследования базируется, преимущественно, на подходах к изучению германских диалектов во Фландрии таких ученых, как J. Taeldeman, H. J. Claeys, V. Lefèvre, R. Belemans. Новым методологическим основанием в работе выступает комплексный подход, заключающийся в сочетании сравнительно-исторического и сопоставительного методов, а также метода социолингвистической интерпретации. Исследование проводилось на языковом материале, собранном в различных диалектальных словарях нидерландского языка, а также в специальных лингвистических работах по языковой ситуации во Фландрии. Конкретным материалом исследования явились лексические единицы и грамматические формы, отобранные методом сплошной выборки из диалектальных словарей нидерландского языка – *Vlaams Dialectenwoordenboek*, *Dialecten in West-Vlaanderen*, *Het Dialectenwoordenboek Brugs*, *Dictionnaire du dialecte bruxellois*, *Atlas van de Nederlandse taal (Editie Vlaanderen)* и других – на предмет интерференционного воздействия романских вариантов на германские диалекты Фландрии. В большинстве задействованных нами словарей фиксируются разнообразные языковые явления, отображающие как закрепленную норму, так и живой, разговорный язык; это позволяет учитывать актуальные изменения в рассматриваемых языковых вариантах и считать примеры, приведенные в работе, вполне репрезентативными. Социолингвистическая интерпретация этих примеров, вскрывающая сильное романское влияние на германские варианты Фламандского региона, позволяет проследить сложную историю развития языковой ситуации в Бельгии.

Результаты и обсуждение. Особой группой в германских диалектах Фландрии является группа лимбургских диалектов, в том числе, как уже говорилось выше, и по их обширной распространенности. На этих диалектах, прежде всего, говорят на юго-восточной территории Нидерландов, а также в северо-восточной части Бельгии и граничащих с ней западных землях Германии. В Бельгии лимбургский вариант до сих пор считается диалектом. С 1997 г. в Нидерландах он официально признан региональным языком. Лимбургские диалекты Бельгии отличаются большим количеством французских заимствований, но несколько меньшим, чем в другие германские диалекты Фландрии. Провинция Лимбург оказывает местным наречиям особую поддержку.

Западно-фламандский вариант отдельным языком не признан, несмотря на значительное число носителей и на существенные отличия от общенидерландской нормы (примерно в той же степени, что и язык Африкаанс). Западно-фламандские диалекты широко употребляются на западе Фландрии; их распространение объясняется также тем, что во второй половине XIX в. в этой области весьма активно действовало движение местных литераторов, сопротивлявшихся внедрению северонидерландского варианта (нидерландского нидерландского языка, положенного в основу общенидерландской нормы). Одним из самых видных защитников местного наречия был Гвидо Гезелле [3].

Роль больших городов в эволюции языков и диалектов не подлежит сомнению. Будучи центрами средоточия производства, торговли, культуры и образования, города «аккумулируют» региональные особенности того или иного наречия. Влияние этих особенностей, сконцентрированных в пределах городских ареалов, распространяется и за пределы агломераций. Тем самым, городской диалект может дать, в известной степени, общее представление о диалектальной группе, к которой он принадлежит. Брабантская группа может быть представлена, так или иначе, диалектами Брюсселя и Антверпена, восточно-фламандская – диалектом Гента, западно-фламандская – диалектом Брюгге. Лимбургская группа состоит из близкородственных, но весьма различных диалектов и диалектом одного города представить ее весьма сложно (впрочем, в случае Бельгии таким городом можно считать Хасселт).

Число говорящих на лимбургских диалектах в Бельгии составляет около 250 тыс. человек; столько же носителей в Нидерландах и столько же в Германии. Распространенность лимбургской диалектальной группы на три страны не является исключением. Так, на западно-фламандских диалектах говорят также в Нидерландах, на юге провинции Зеландия (в Зеландской Фландрии) – 80 тыс. носителей, и во Франции в регионе О-де-Франс (в Вестхукке, приморской Фландрии), где развился особый франко-фламандский диалект – 20 тыс. носителей. Собственно, в Бельгии число говорящих – 900 тыс. На восточно-фламандских диалектах говорят также в Нидерландах, на востоке провинции Зеландия (в Зеландской Фландрии) – около 60 тыс. носителей. В Бельгии число говорящих – порядка 210 тыс. Брабантские диалекты распространены также в некоторых провинциях Нидерландов – Северном Брабанте, с числом говорящих около 200 тыс. человек, южной части Гелдерланда и нидерландском Лимбурге, где общее число носителей – порядка 60 тыс. Собственно, в Бельгии число говорящих составляет около 870 тыс., однако распределение их по двум брабантским провинциям весьма неоднородно. В провинции Фламандский Брабант, в центре которой находится Брюссель, число говорящих около 160 тыс., а в провинции Антверпен – порядка 710 тыс. Будучи полностью изолированной от франкофонной части Бельгии, провинция Антверпен является единственной областью Бельгии, где не существует никаких установлений в отношении французского языка. Вся жизнь этой провинции может протекать исключительно на нидерландском (языковые льготы предусмотрены в 25 коммунах Бельгии) [4].

Лингвокультурная картина мира носителей языка или диалекта может быть выявлена, довольно показательно, при рассмотрении общебытовой и профессиональной лексики, а в случае фламандских диалектов – с точки зрения участия в ней галлицизмов, архаизмов или слов, редко употребляемых в общенидерландской норме или в бельгийском нидерландском языке. Рассмотрение и сравнение грамматических особенностей обсуждаемых языковых вариантов может сделать эту картину еще более наглядной.

Довольно часто в диалектах Антверпена, Гента и Брюгге при ответе на вопрос «Как дела?» можно услышать французское «Ça va.», что является прямым заимствованием. Прощание сопровождается словами «Sàlù(kes), Saluutjes, Salu!» или же смешанной формой «Tot subiet!». Весьма интересны отклики на своего рода упреки. Так, например, в ответ на замечание «Вас никогда нет дома!» фламандцы скажут «Bamedoen!» (Мы всегда (там)!), то есть «Mais nous (y) sommes!» («Maar we zijn (er)!»), где очевидно слияние ан-

глийского «but», французского «pous» и нидерландского «doen». Встречаются также смешанные формы «Alli how!» («Так что же!») и «(De/te)dzju!» («Покарай тебя Господь!» или «Черт возьми!»). В этих конструкциях очевидны французские лексемы «aller» («идти, происходить»), «Dieu» («Господь») и германские элементы [5].

Время, место, направление и т. п. указываются во фламандских диалектах предложениями нидерландского происхождения. Тем не менее, более сложные временные конструкции, имеющие своим семантическим центром наречие или существительное, строятся под влиянием французского языка. Так, «полдень» (в общенидерландской норме – «namiddag») в брюжском варианте будет «achternoen» [6], а в гентском – «achternoenend» (ср. французское «après-midi») [7]. «Прошлая неделя» (в общенидерландской норме – «verleden week») в гентском варианте – «pasede weke» (ср. французское «la semaine passé»). Особо показательными являются антверпенская форма «veurnoen» [8] и гентская «veurnoenend» [9], очевидно представляющие собой довольно редкое для общенидерландской нормы существительное «voornoen» («полдень»). Не менее редкое для общенидерландской нормы наречие «overlaatst» («полдень») представлено в антверпенском, брюжском и гентском диалектах как, соответственно, «ouwer 't lèst», «overlatst» и «(over)loastst». Весьма обычным является для антверпенского диалекта употребление наречия «fleus», восходящего к средненидерландскому «vloechs» или «vluchs» («тотчас же»).

Числительные в антверпенском, брюжском и гентском диалектах – нидерландского происхождения. Это, в основном, относится и к обозначению времени суток, дней недели, месяцев и сезонов. Существительное «весна» основывается, иногда, на нидерландском корне «uitkom-» («результат, исход, продукт», представленном в этих диалектах как «den ouitkom», «den uutkom» и «den uitkômende» соответственно. Отметим, что окончание *-n* в артикле маркирует архаичное склонение слова, определяющего существительное (такие падежные формы весьма характерны для диалектов Фландрии). Обозначения цвета имеют, в основном, нидерландское происхождение.

Интересны гендерные различия. Обращение к мужчинам и незамужним женщинам – нидерландского происхождения, а обращение к замужним женщинам – французского: в антверпенском диалекте «medàm», а в брюжском и гентском «madam». Названия членов семьи преимущественно нидерландские, за исключением бабушки и дедушки, где в основе лежат французские основы. Для бабушки – «bomma, mémé, тоетое», для дедушки – «bompa, réré», из французских «bobonne, mamie» и «bonpara, paru» соответственно. Исключением является также дядя – «poenkel», из французского слова «oncle».

В названиях профессий встречаются как нидерландские, так и французские лексемы. Примерами французских влияний являются антверпенское «kwàffeus, kwàffeur», брюжское «kwaffeuze, kwaffuir» и гентское «kwaffeuze, kwaffeur» из «coiffeuse, coiffeur» («парикмахер-женщина, парикмахер-мужчина»). Приведем, в той же последовательности диалектов, и другие примеры:

- fakteur, faktuir, fakteur – facteur (почтальон);
- garsong, garson, garsoen – garçon (официант);
- zjuze, zjuze, zjuuz – juge (судья);
- pompier (во всех трех диалектах) – pompier (пожарный);
- serveus, serveuze, serveuze – serveuse (официантка);

- tantist, tantist, dantist – dentiste (дантист);
- zjuze, zjuze, zjuuz – juge (судья) [5].

Для обозначения предметов личного пользования, одежды, и обуви используются преимущественно нидерландские лексемы, но встречаются и итальянские. Так, «галстук» во всех трех диалектах – «plastron», «plastrong», «plastroen» от итальянского «pialstrone». «Жилет» – в гентском диалекте «goolfke» – от итальянского «golf». Итальянское слово «palto» – «пальто» представлено во всех трех диалектах лексемами «pàlto», «palto» и «paalto». Переосмыслению подверглось нидерландское композитное существительное «onderlijf» («живот, брюшина»), ставшее в диалектах «ongderlèfke», «oenderlievvetsjie» и «oenderlavèke», но означающее «майка». Переосмыслены нидерландские лексемы «fok» («фок, нос») и «velo» («велосипед, велик»), представленные в антверпенском диалекте как «fok» и «vèloo» и означающие «очки». Перестроено нидерландское слово «nachtkleed» («ночная рубашка»), выглядящее в диалектах как «slaupklieë», «slapkleë» и «slôpklied». Частично перестроена нидерландская лексема «zakdoek» («носовой платок»), представленная в диалектах как «neusdoek», «zakdoek» и «neusdoek». Слово «свитер» передается в диалекты, видимо, под совместным влиянием французского («pull») и английского языков («pullover») и выглядит в них как «pull», «pullover» и «pullóver». Примерами французских влияний являются следующие лексемы:

- botte, bot'n, bote – bottes (сапоги);
- brà(n)zjelet, brazzelee и braslee – bracelet (браслет);
- kàbàs, kabba и kabbaa – cabas (сумка);
- kàrnàsjeèr, karnasjeëre и kamesjeère – carnassière (портфель);
- kase, koes'n, kèèse – chaussettes (носки);
- koljee, koljee, kooljee – collier (колье);
- s(j)àkos(j), sjakos и sakoosje – sachotte (ридикюль);
- soetjeneke, soetjei, soetjei – soutien-gorge (бюстгальтер) [5].

Брюжское «reizenee» («очки») представляет собой французское словосочетание «pinse-nez» («зашеми нос»), которое значит «пенсне».

К словам нидерландского происхождения можно также отнести «кухонную» лексику, включающую в себя названия предметов посуды. Впрочем, встречаются исключения. Так, например, слово «тарелка», имеющее немецкое происхождение – «teller» (от латинского «taliare»), в антверпенском, брюжском и гентском диалектах выглядит как «talloeèr», «talloare» и «talure». Слово «вилка» в антверпенском диалекте обозначают нидерландской лексемой «vork» – «vörkèt», а в брюжском и гентском – французской «fourchette» – «fersjætte» и «forsjæt»; но стоит отметить, что обе эти основы восходят к латинскому «furca». Лексема «чашка» – от французского слова «tasse», и встречается во всех трех диалектах как «tàs», «tasse» и «tase». Однако в антверпенском диалекте эта лексема может быть также выражена словом «zjàt», происходящим от французского «jatte» – «миска, плошка». Слово «блюдо» в антверпенском диалекте представлено нидерландской лексемой «kom» («миска») – «коет(me)», в брюжском – французским «saladier» («миска, салатница») – «saladiere», а в гентском – французской лексемой «plateau» («блюдо, поднос») – «pla» [5].

В отношении гастрономической лексики можно также отметить превалирование нидерландских лексем, хотя встречаются и примеры французского происхождения. Так слово

«лук» в антверпенском, брюжском и гентском диалектах выражается лексемами «àrjouin», «azjuun» и «andzjuun», происходящими от французского «oignon». Слово «цикорий» встречается в антверпенском диалекте в форме «witloeëf» – от нидерландского «witloof», в брюжском выражается французским словом «chicon» – «sjikong», а в гентском – нидерландской составной лексемой «suikerijkruid» («трава цикория») – «sokrakroaid». Слово «морковь» выражено в антверпенском диалекте нидерландской лексемой «reentjes» – «reekes», в брюжском – французской «carottes» – «karoot'n», а в гентском – нидерландской «wortelen» – «weurtels». Лексема «клубника» представлена в антверпенском и гентском диалектах нидерландским словом «aardbei» – «jàrtebees» и «êrtbeze» соответственно, а в брюжском – французским словом «fraise» – «frèeze». Слово «персик», имеющее французское происхождение – «rêche», выражается во всех трех диалектах как «resj», «resje» и «reesje». Однако, в антверпенском диалекте это слово может быть также выражено лексемой «appelkok», происходящей, как минимум от слова «appel» («яблоко») в неожиданном сочетании с лексемой «kok» («повар») [5].

Интересные примеры можно также обнаружить среди лексики, описывающей мясные изделия, молочные продукты, морепродукты. Так, во всех трех диалектах слово «колбаса» обозначается лексемой «sossies», происходящей от французского «saucisse». Лексема «карбонат» выражена в этих диалектах различно – в антверпенском диалекте она восходит к французскому слову «carbonnade» – «kàrmenaaje», а в брюжском и гентском – к нидерландскому «stoverij» – «stovers» и «stuvera» соответственно. Южнонидерландская лексема «ветчина» («hesp») в антверпенском диалекте – «èps», в брюжском – «èspe», а в гентском – «æpse» или «æspe». В антверпенском и гентском диалектах слово «сливки» восходит к нидерландскому «goot», соответственно – «goeët» и «guut», а в брюжском – к французской лексеме «crème» – «kreim». Эта же лексема используется и для слова «мороженое», которое в антверпенском и гентском диалектах ведет свою историю от французского словосочетания «crème glacée» – «kreëmgelàs» и «krīnglas».

Другим примером гастрономической лексемы нидерландского происхождения является слово «чеснок», для которого в брюжском и гентском диалектах используется лексема «look» – «look» и «luuk» соответственно; в антверпенском диалекте иногда возвращаются к общенидерландской норме «knoflook» – «(knof)loeëk» (во французском языке слово «чеснок» является односложным: «ail»). В свою очередь лексема «мускатный орех» являет собой пример интерферентной лексической единицы. Это сложное слово построено на нидерландских лексемах (в норме «muscaatnoot»), упорядоченных по французскому образцу («noix de muscade») – «notsjesmùskaut», «neutemesjhoat» и «notemuskoat».

Отдельного внимания заслуживают лексические примеры из мира фауны, также имеющие нидерландское происхождение. Слово «паук» (нидерландский «spin») во всех трех рассматриваемых диалектах содержит в себе лексему «кор» («голова») – «spīnekop», «kobbe» и «kôpe». Слово «оса» в антверпенском и брюжском диалектах основывается на нидерландской лексеме «wesp» – «wèps» и «wæps», а в гентском и также в брюжском диалектах используется редкая нидерландская лексема «fruitenier» («оса, поедающая фрукты») – «fluitenier» и «frutnier». Нидерландское слово «kanarie» («канарейка») представлено во всех трех диалектах сочетанием либо с нидерландским словом «vogel» («птица»), либо с нидерландским словом «piet» (разговорное «шишка, начальник») – «kànonnevougel», «kanoariepietsje»

и «knoareveugel». Слово «лягушка» выражается во рассматриваемых диалектах редким словом нидерландского происхождения «ruit» – «rouit», «rùt» и «ruit» [5].

В диалектах Фландрии встречается уменьшительный суффикс *-ke*. Ряд особенностей имеют формы притяжательных и указательных местоимений. Вероятно, французское притяжательное местоимение третьего лица множественного числа «luer(s)» влияет на становление антверпенской формы «eule» («их»), но возможно и фонетическое влияние антверпенской формы притяжательного местоимения второго лица множественного числа «olle» («ваш»). Остальные формы – нидерландского происхождения. Определенный и неопределенный артикли также восходят к нидерландским формам, но определенный артикль *de* и *het* редуцируется, соответственно, в *d'* и *'t* перед существительным, начинающимся на гласный, например, *d'appels* и *'t appelke* (в отличие от нидерландского *de appels* и *het appeltje*). Такая редукция обусловлена, видимо, фонетической сферой. Упомянутая выше форма *den*, маркер архаичного склонения, не редуцируется (*den appel*). К архаичному склонению (*eenen*) восходит также и форма неопределенного артикля – *e* или *ne(n)*, которая в общенидерландской норме выглядит как *een*. Вопросительные местоимения в диалектах Фландрии имеют исключительно нидерландское происхождение.

Некоторые грамматические особенности рассматриваемых диалектов не имеют аналогов в общенидерландской норме и могут быть объяснены, в той или иной степени, интерференционным воздействием французского языка.

Так, обнаруживается влияние французского синтаксиса на образование зависимых вопросительных предложений [5]. В диалектальной конструкции:

Hebt ge verstaan *wat dat ge moet doen?* (Вы поняли, что вы должны делать?)

(Avez-vous compris ce que vous devez faire?)

(Hebt U verstaan, wat U moet doen?)

очевидно наличие антецедента, невозможного в общенидерландской норме.

Также в рассматриваемых диалектах может наблюдаться удвоение подлежащего (если оно построено на местоимении). Приведем пример независимого вопросительного предложения со сложной инверсией из брюжского диалекта:

Но *je hie da doewn?* (Ты сделаешь это?)

(Vas-tu faire cela, toi?)

(Ga jij dat doen?)

Местоименное подлежащее удваивается также и в повествовательных предложениях, если необходимо его эмфатическое выделение. Такому выделению может подвергнуться и субстантивный второстепенный член предложения, построенный на местоимении.

Удвоение местоименного подлежащего обнаруживается во всех городских диалектах – антверпенском, брюжском и гентском соответственно [5]:

W'emme wolle(n) olle gezieng. (Мы вас видели.)

L'ën eet ie hīn'n tied. (У него нет времени.)

A eet a ma da gezeed. (Он сказал мне это.)

Более того, удвоение местоименного подлежащего наблюдается даже в безличных конструкциях, что, как мы полагаем, является наивысшим пределом синтаксической интерференции (пример из брюжского диалекта):

't Kon ie oltied zekke dīng'n hebeur'n. (Такое всегда может случиться.)

(De telles choses peuvent toujours arriver.)

(Er kunnen altijd zulke dingen gebeuren.)

Во французском языке прибегли бы к удвоению подлежащего *de telles choses* – «De telles choses, elles peuvent toujours arriver.». Однако в рассматриваемом примере удваивается формальное подлежащее *il*: «Lui, il peut arriver de telles choses.»

В рассматриваемых диалектах возможен как распад, так и нераспад главных членов предложения. Как известно, французское подлежащее, если оно удвоено эксплицитным местоимением, распадается, и не распадается, если удвоение проведено имплицитным местоимением. Мы предполагаем, что в диалектах Фландрии удвоенное местоименное подлежащее распадается всегда, вне зависимости от имплицитности или эксплицитности удваивающего его местоимения.

В рассматриваемых диалектах Фландрии встречается также сказуемое, где глагол, восходящий к нидерландскому *gaan*, удваивается тем же глаголом (пример из брюжского диалекта):

'k *Hon* dad ier e kī rap *hon* doewn. (Я сделаю это весьма быстро.)

Глагол *gaan*, впрочем, может даже утраиваться.

Интерференционные явления распространяются на все уровни языка, что затрудняет идентификацию и установление иерархии различных типов интерференции. Система языка подчиняется движениям речи, и это находит выражение в воздействии фонетических и интонационных явлений на строй морфологических и синтаксических конструкций.

В восточно- и западно-фламандских диалектах слабые глаголы образуют простое прошедшее время с помощью окончания *-ege* (множественное число *-egen*): «je werktege» («я работал»), «'k wachtege» («я ждал»), «we speeldege» («мы играли»). Это объясняется тем, что в простом настоящем времени диалектальные формы сохраняют окончание *-e*, и в случае слабых глаголов, оканчивающихся в простом прошедшем времени на *-te* или *-de*, разницы между временами не будет слышно. Так, например, «'k antwoordde» может иметь двойное значение – «я отвечаю» или «я отвечал». Во избежание семантической путаницы оппозиция простое настоящее – простое прошедшее время организуется так, что простое прошедшее время получает новое окончание *-ege*, которое, скорее всего, восходит к окончанию *-ede*. В немецком языке это явственно видно в «antwortete», в остендском диалекте – в «werktede». Вследствие контаминации с широко распространенным окончанием *-de* может возникать утяжеленная форма простого прошедшего времени со «ступенчатым» окончанием *-egede*, например, «'k antwordegede», «'k wachtegede». Даже в случае таких глаголов как «spelen», где простое прошедшее время «speelde» достаточно отличается от простого настоящего времени «spele», можно услышать «speeldegede» [5]. Впрочем, носители диалектов вполне осознают экстраординарность этой формы и используют ее, в основном, для создания комического эффекта.

Те же фонетические явления приводят, по всей видимости, к стяжению окончания *-t* с объектными формами местоимений «ge», «gij» и «gijlen» («вы»), причем результат стяжения может быть как одинарным, так и двойным. Это можно видеть в преобразовании примера, который мы уже приводили выше:

Hebt ge verstaan wat dat ge moet doen? = Hedde gij verstaan wa dadde moet doen?

Наше предположение подтверждается также и зависимостью окончаний глаголов «делать» и «идти» в диалектах Фландрии от фонетического окружения, обусловленного не только типом предложения, как в общенидерландской норме: «Je gaat.» – «Ga je?» («Ты идешь.» – «Ты идешь?») и «Je doet.» – «Doe je?» («Ты делаешь.» – «Ты делаешь?»), но и наличием дополнения у сказуемого. В антверпенском, брюжском и гентском диалектах окончания более разнообразны и относятся не только ко второму лицу единственного числа, но и к третьему, например (в той же последовательности диалектов):

't Gau. – Gaug 't? а также Ge doe(t). – Ge doeg 't,
't Naat. – Naan 't? а также Nie doewt. – Nie doewn 't,
't Goat. – Goan 't? а также Ga doet. – Ga doen 't.

В общенидерландской норме у сказуемого, сопровождающегося дополнением, окончание никаким преобразованием не подвергается:

Nij doet. – Nij doet het.

Тем самым, специфические грамматические формы, встречающиеся в диалектах Фландрии, могут объясняться фонетическими, а не грамматическими обстоятельствами. Действительно, формы простых прошедших времен во французском языке не имеют двойных или тройных окончаний. Лишь гипотетически можно предположить, что французское *imparfait*, более «утяжеленное» по своим окончаниям, чем *passé simple*, может способствовать «расшатыванию» простого прошедшего времени в обсуждаемых диалектах. Возможно, в грамматическом значении этого времени сочетается оба французских значения. В случае подлежащего «gij» («Вы») «лишнее» окончание *-t* может прибавляться даже к простому прошедшему времени неправильных глаголов, например, в диалектальной конструкции:

Ge riept, da ge kwamt. – U riep, dat U kwam. (Вы крикнули, что Вы пришли.)

Весьма интересны случаи интонационной интерференции в отрицательных предложениях рассматриваемых диалектов. Востребуется частица *en*, использовавшаяся в средненидерландском языке наряду с отрицаниями *niet* и *geen*. Эта частица соответствует, по мнению некоторых грамматистов, английскому вспомогательному глаголу *do* в эллиптических конструкциях: *ba 'k en doe = but I don't*. Используется она и для выражения негативного оттенка наречий «maar» («однако») и «nooit» («никогда»):

't Ën ès moar kèwe. – Het is vrij koud. (Холодно, однако.) – диалект Гента;

'k Ën goan der nuunt ne mier noartoe. – Ik ga er nooit meer naartoe. (Я никогда больше туда не пойду.) – диалект Гента.

Частицу *en* (*ën*) можно обнаружить и в нейтрально окрашенных отрицательных предложениях:

't Ën keu nie. – Het kan niet. (Это невозможно.) – диалект Гента;

J'ën eet ie hīn'n tied. – Hij heeft geen tijd. (У него нет времени.) – диалект Брюгге.

Вышерассмотренные случаи имеют отношение к интонационной интерференции, но французский язык интерферирует с нидерландским и в грамматической сфере. Например, перенимается синтаксическое двойное отрицание:

Ik ken hier niemand niet. = Je ne connais personne ici. (Я здесь никого не знаю.)

Впрочем, встречаются случаи, где на отрицательное предложение воздействуют как интонационная, так и грамматическая интерференция. Так, в диалектах Фландрии возможно удвоение наречного отрицания:

Noeët ofte noeët nie mieër doeng 'k dà nog. (Никогда я этого больше не сделаю.)

Здесь, по всей видимости, *noeët = nie mieër* (*nooit = niet meer*). Как известно, соответствующее французское предложение также обязательно включает в себя двойное отрицание:

Plus jamais je ne ferai cela.

На этом фоне вышерассмотренная гентская конструкция «'k Èn goan der nuunt ne mier poartoe», где используется тройное отрицание, не выглядит необычной.

Интересной особенностью брюжского и гентского диалектов является своего рода спряжение частиц «да» и «нет». Весьма приблизительно этот случай можно сопоставить с английскими конструкциями типа «Yes, I am.» или «No, he doesn't.» В диалектах Брюгге и Гента к частицам «да» / «нет» добавляются личные окончания. Так, для первого лица единственного числа можно обнаружить, соответственно, «joak» / «nenk» и «joajek» / «pienek», а для множественного – «jom (jow)» / «nem» и «joam» / «piem». Более того, в третьем лице единственного числа в этих диалектах учитывается род личного местоимения или существительного – женский, мужской или средний.

Диалекты Антверпена, Брюгге и Гента выказывают ряд фонетических особенностей, характеризующих также и соответствующие диалектальные группы. Наиболее отчетливо эти особенности проявляются в сопоставлении с общенидерландской нормой. Так, в антверпенском диалекте обнаруживаются утрированное произнесение гласных *a*, *i* и *u* и укороченность некоторых долгих гласных. Нередко возникает гортанный приступ (типа безударного *e*), долгий *a* может произноситься как нидерландское недифтонгизированное *au*, краткий гласный (кроме *a*) + *n* + *t* / *d* / *s* / *z* иногда назализирует *n* (который становится, собственно, звуком *ng*). Весьма своеобразны фонетические особенности брюжского диалекта, в котором буква *g* обычно произносится как звук *h* с придыханием, а *h*, как правило, не подвергается аспирации. Между звуками *oe* (французское *ou*, которому в нидерландском соответствует *ou* / *au*) и *t* появляется *k*. Нередко *e* (произносимое как *è*) перед *l* превращается в *a*, краткий / долгий *a* перед *l* становится кратким *o*, долгий *u* перед *r* становится кратким. Долгие гласные подвергаются дифтонгизации, как это случается с некоторыми нидерландскими звуками. Значительное французское фонетическое влияние испытал гентский диалект, в котором краткие гласные часто растянуты, при этом краткий *o* перед *n* превращается в *oe*, краткий *o* перед *p*, *f*, *v*, *k*, *g*, *t* произносится как *ô* (этот звук тяготеет к нидерландскому *ou* / *au*). Долгий *o* становится долгим *u*, *e* (произносимое как *è*) перед *l* превращается в *a* (как в брюжском диалекте), в простонародном языке безударный *e* перед *l* превращается в *ol*, *i* перед носовым *n* произносится как *ei* [10].

В Брюсселе бытует особый брабантский диалект (который некоторые лингвисты предпочитают называть социолектом) – марольский. Иногда в научной литературе этот диалект обозначается как «брюссельский», что не совсем верно, поскольку на территории Брюсселя можно остаточено найти, как минимум, еще два языковых варианта – баргунский, язык бродяг, уличных торговцев и артистов, и диалект района Моленбек. Марольский представлен наиболее ярко. На нем написаны литературные произведения, поставлены спектакли, существуют словари, выпускаются журнальные издания [11].

Изначально Брюссель говорил на южно-брабантском диалекте. Начиная с XVIII в. в юго-западной части столицы, в квартале Мароль, стали селиться рабочие, приехавшие с юга Бельгии, из Валлонии. В их среде и возник марольский диалект, отличающийся от

других брабантских диалектов большим числом валлонских заимствований. С годами этот диалект все более превращался в язык рабочего класса и вбирал в себя заимствования из французского, испанского, немецкого, английского языков, а также языка идиш. Позднее, в XIX в. в процессе активной галлизации Брюсселя, марольский диалект был практически полностью вытеснен французским языком, который стал обязательным языком администрации и образования. Цифры, известные из переписей населения, говорят сами за себя: в 1830 г. франкофоны составляли около 30 % населения Брюсселя, а через сто лет эта цифра достигла 70 %. Согласно современным оценкам, франкоговорящее население Брюсселя составляет более 90 % [12].

В наши дни марольский диалект представляет интерес, в основном, для лингвистов и культурологов. Однако он является предметом национальной гордости незначительного количества носителей этого языка, широко задействуется в традиционных кукольных спектаклях, и в его поддержку организуются различные культурные мероприятия.

Вообще говоря, марольский диалект Брюсселя отличается от диалектов Фландрии исключительно частым переключением кодов. Подобное явление встречается также за пределами Бельгии (департаменты Нор и Па-де-Кале на севере Франции) во франко-фламандском диалекте, который принадлежит к западно-фламандской группе. Однако исторически франко-фламандский диалект является смесью пикардийского и западно-фламандского языковых вариантов. В марольском диалекте, как уже отмечалось выше, смешиваются, в основном, брабантские, валлонские и французские языковые варианты.

Приведем несколько примеров переключения кодов, намеренно не выделяя германские или романские основы:

- Ei aa gienen débouchonneur. (У него не было штопора.)
- Il sort manger avec sa mokke. (Он идет перекусить со своей девушкой.)
- Ge zai nen imbécile. (Ты – придурок.)
- K'em a carrément de woeraait gezeit. (Я ему правду напрямую сказал.)
- Il est kroemmeneil zat. (Он изрядно пьян).
- Op de chaussee is da te dangereus. (На проезжей части слишком опасно.)
- Allien mo vè aile t'amuzeire. (Только лишь чтобы вас повеселить.)

Поразительным примером переключения кодов являются первые две строчки стихотворения Виктора Лефевра (Victor Lefèvre, 1822–1904) «Flup le Marollien» («Флуп маролец») из книги «Le Marollien» («Марольцы», 1871), где рифмуются французская и нидерландская лексемы [13]:

El frèr' de Flup duvait partir pour l' guerre
Il était kron et toch ! goed gekeuré!
(У Флупа стали брата на войну забирать.
Хоть и хромой, а все же – годен воевать!)

Довольно часто в Брюсселе французские предложения представляют собой кальки с нидерландских, например:

J'espère que ça va pas continuer à rester durer. (Надеюсь, что это не продлится.)
(Ik hoop dat het niet gaat blijven duren.) или
Arrive une fois, filske! (Подойди-ка, мальчик!)
(Kom 'ns, jongen!)

Дословно переводятся и идиоматические выражения, например:

Il a une pièce dans ses bottes. (Он изрядно пьян.)

(Hij heeft een stuk in zijn laarzen (дословно – У него крошки в сапогах.)).

Расширения нидерландских глаголов также могут подвергнуться, иногда, дословному переводу:

Nous sommes (o) chemin. (Мы ушли.)

(We zijn weg)

Факультативное *o* во французском предложении может быть связано, как мы полагаем, с интерференционным влиянием соответствующей английской структуры «We are away».

Весьма курьезно звучит по-марольски рекомендация «Amploujeit zou veul Franse woude ni, de Vlomse langosje es abundant genoeg!» («Не используй так много французских слов, фламандский язык достаточно богат!»), где, как минимум, три лексемы – французского происхождения.

Удерживая в равновесии германскую основу и романское наполнение, марольский язык представляет собой образец истинно бельгийского диалекта. Это выражается и в его фонетических особенностях. В диалектах Фландрии, кроме лимбургских, дифтонги слабо различимы. Однако можно отметить ряд характерных черт. Так, общенидерландское *ei / ij* в анверпенском диалекте становится *aai*, в брюжском – *ie* (долгое), а в гентском – *aa*. В марольском диалекте этот дифтонг сочетает и антверпенские, и гентские особенности. Такая же ситуация наблюдается в отношении общенидерландского дифтонга *ui*, который в марольском диалекте становится *oei* (в антверпенском – *oui*, в брюжском – *u(u)*, в гентском – *oai*). Особую эволюцию в марольском варианте претерпел общенидерландский звук *aa*. В северо-брабантском диалекте, на котором говорят в Нидерландах, этот звук становится *ao*, а в антверпенском – *au*, в гентском – *oa*. Далее, пройдя через диалект Левена как *oo*, этот звук превращается в марольском варианте в *oe*. В результате лексема “water” («вода») произносится в Брюсселе как «woeter».

Брюссель был также первым городом, в котором в брабантский диалект вошло французское велярное *r*, перенятое от высших слоев населения. Эта особенность характерна лишь для двух диалектов Фландрии - брюссельского и гентского [14].

В марольском языке наблюдается палатализация согласных *t* и *d*, отчего они в некоторых местах начинают произноситься как *t(s)j* и *d(z)j*. Сходная ситуация встречается лишь в некоторых лимбургских диалектах [15].

Лимбургский язык отличается от других диалектов Фландрии тем, что он имеет полноценную систему тонов, образуя вместе с соседними рипуарскими диалектами так называемую франконскую тоновую область.

После политического разделения лимбургского ареала на нидерландскую и германскую части в каждой из них наблюдается весьма сильное влияние, соответственно, общенидерландской и общенемецкой норм. В Бельгии язык Лимбурга считается самым мелодичным, система тонов управляет смыслом – так, в говоре Хасселта одна и та же лексема, например, «gaas», в зависимости от тона означает либо «газ», либо «гусь»; так же различаются и единственное и множественное число – «bien» может значить либо «нога», либо «ноги».

Во многих лимбургских диалектах *-t* в конце слова не произносится, что сразу же «выдает» их носителей. Так, «nacht» («ночь») становится «nach», а «zacht» («мягкий, нежный») – «zach» [16].

Вообще говоря, лимбургская группа диалектов, находясь на востоке Фландрии, относится к южной ветви нижнефранкских языковых вариантов. Диалекты запада Фландрии составляют северную ветвь этих языков. Наряду с вышеупомянутыми фонетическими особенностями существуют и более разительные отличия лексического и грамматического толка. Так, формы личных местоимений в лимбургских диалектах либо полностью повторяют немецкие, либо находятся под их влиянием. Например (в последовательности общенидерландская норма – лимбургские диалекты – общенемецкая норма):

- ik – ich – ich;
- jij – du – du;
- hij – heer – er;
- wij – weer – wir;
- jullie – geer – ihr.

Как и в немецком языке, в лимбургских диалектах присутствует умлаут в различных грамматических формах, например, форма настоящего времени от глагола «vallen» («падать») во втором лице единственного числа образуется как «(du) vils». Умлаут задействуется также при перемене числа – «'ne baum» («дерево») и «twie beim» («два дерева»), при добавлении уменьшительного суффикса – «'ne bal» («мяч») и «e bélke» («мячик») и при словообразовании – «'n bekker» («пекарь») от «bakken» («печь»).

Эксклюзивной особенностью лимбургского варианта является наличие в нем герундиальной формы на *-tère*, например, в предложении: «Kinder mótte sjpaelentère liere.» («Дети должны учиться, играя.»).

Единообразной современной орфографии лимбургский язык не имеет; что же касается письменной традиции, то следует отметить Хендрика ван Фелдеке (Hendrik van Veldeke, до 1150 – между 1190 и 1200 гг.). Этот поэт, которого считают одним из самых первых как нидерландских, так и немецких авторов, был родом из небольшой деревушки неподалеку от Хасселта [17].

В бельгийской части Лимбурга имеют хождение восточно- и центрально-лимбургские диалекты, с множеством французских заимствований, например: «remorque» («прицеп»), «embrayage» («сцепление»), «camion» («грузовик»), «compteur» («электросчетчик»), «facteur» («почтальон»). Встречаются слова и со смешанными основами, например, «vitessebak» («коробка скоростей»).

Приведем ряд примеров, демонстрирующих германские основы:

- Ich hub gesjaf. (Я работал.)
- aanvank van de waek (начало недели)
- De kènjer zint groeët. (Дети выросли.)
- de sjonste vrouw (самая красивая женщина)
- es uch beleef или estebleef (пожалуйста)
- Mörge! (Доброе утро!)
- Danke! (Спасибо!)
- ovvend или aovend (вечер)
- päerd (лошадь)

Лимбургский язык в своем лимбургско-рипуарском варианте является единственным германским языком Бельгии, соединяющим Фламандский и Валлонский регионы в языковом и культурном отношении – лимбургский язык Фландрии перетекает в плат-дитс Валлонии и наоборот.

Тем самым, разнообразие германских диалектов, бытующих на территории современной Фландрии, весьма велико. Краткая справка о лексических и грамматических особенностях четырех основных диалектальных групп, а также об особенностях их фонетики, приведенная в настоящей работе, позволяет составить представление о своеобразии германских диалектов Фландрии – южной и северной ветвей нижнефранкских языковых вариантов. Это своеобразие, выражающееся, среди всего прочего, в сильном интерференционном влиянии со стороны романо-германского окружения, заслуживает особого внимания в современной германистике.

Заключение. За последние 20 лет процент говорящих на вышеупомянутых диалектах продемонстрировал катастрофическое снижение. Среднее число граждан, безусловно владеющих региональными языками, снизилось во Фландрии на 18 % и составляет в настоящее время порядка 33 % от общего числа жителей, хотя практически каждый понимает родную речь и может поддержать беседу. В провинции Антверпен, одной из областей распространения брабантских диалектов, заметен значительный спад (22 %), но ими владеют 43 % жителей. Наибольший спад (33 %) наблюдается в провинции Фламандский Брабант, где диалект освоен на уровне родного языка лишь 17 % жителей. Такой же спад характерен и для области распространения восточно-фламандских диалектов – ими безусловно владеют только 19 % граждан и западно-фламандских – 55 % (эти диалекты сохраняются максимально долго). Вдвое меньший спад (16 %) – на территориях распространения лимбургских диалектов – 26 % носителей.

Вместе с тем, основные черты германских диалектов Фландрии перешли в промежуточный язык «tussentaal», как в плане лексики, так и в плане грамматики. Этот язык является переходным между германскими диалектами и нидерландским языком, представленным во Фландрии двумя вариантами – общенидерландской нормой и бельгийским нидерландским языком. По сути, «tussentaal» является третьим вариантом нидерландского языка, который наиболее близок к автохтонным германским диалектам, в особенности, к брабантским. Однако прогрессирующее снижение числа говорящих на исконных диалектах Фландрии заставляет задуматься о необходимости строгой научной фиксации исчезающих языковых вариантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nederlandse en Vlaamse dialecten // Het Dialectenwoordenboek Gents. URL: <http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Gents> (дата обращения: 15.03.2020).
2. Claeys H. J. Vlaams Dialectenwoordenboek. Antwerpen: Artus Uitgevers, 2001.
3. Weijnen A. A. Nederlandse Dialectkunde. Assen: Van Gorcum and Comp., 1966.
4. Atlas van de Nederlandse taal. Editie Vlaanderen / Van der Gucht F., De Caluwe J., Jansen M., Van der Sijs N. Tiel: Lannoo, 2017.
5. Ульяницкая Л. А. Лексическая и грамматическая интерференция во фламандском варианте нидерландского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб, 2018.
6. Dialecten in West-Vlaanderen // Het Dialectenwoordenboek Brugs. URL: <http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Brugs> (дата обращения: 15.03.2020).

7. Taeldeman J. Het Gents. Een eiland in het Oost-Vlaamse dialectgebied // *Honderd jaar stadstaal*. Amsterdam/Antwerpen: Uitgeverij Contact, 1999. P. 273–287.
8. Nederlandse en Vlaamse dialecten // *Het Dialectenwoordenboek Antwerps*. URL: <http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Antwerps> (дата обращения: 16.03.2020).
9. Neiryck F. *Gents Zakwoordenboek*. Antwerpen: Artus Uitgevers, 2012.
10. Петренко Г. К., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Фонетическая и интонационная интерференция на примере фламандских диалектов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 141–147. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.30>.
11. Wanet F. *Le bruxellois de poche*. Bruxelles: Assimil, 2000.
12. Vanden Branden J.-P. *Regard amoureux sur le parler bruxellois*. Bruxelles: La Boîte à Pandore, 2014.
13. Lefèvre V. *Le Marollien, œuvres complètes de Coco Lulu*. Bruxelles: Henri Manceaux, 1871.
14. Quiévreux L. *Dictionnaire du dialecte bruxellois*. Cressé: Editions des Régionalismes, 2015.
15. Spelling 2003 voor de Limburgse dialecten / Bakkes P., Crompvoets H., Notten J., Walraven F. URL: <http://www.limburgsedialecten.nl/download/spelling2003.pdf> (дата обращения: 13.03.20).
16. Belemans R., Keulen R. *Taal in stad en land: Belgisch-Limburgs*. Tielt: Lannoo, 2004.
17. Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M. *Limburgan* // *Glottolog*. URL: <https://glottolog.org/resource/languoid/id/vlax1238> (дата обращения: 18.01.20).

Информация об авторах.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, теория языковых контактов, лингвистическая интерференция. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук (2009), доцент (2007), заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика германских языков, общее языкознание, модели языка, переводоведение, теория языковых контактов. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>. E-mail: noizen@mail.ru

REFERENCES

1. Nederlandse en Vlaamse dialecten, *Het Dialectenwoordenboek Gents*, available at: <http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Gents> (accessed 15.03.2020).
2. Claey's, H.J. (2001), *Vlaams Dialectenwoordenboek*, Artus Uitgevers, Antwerpen, NED.
3. Weijnen, A.A. (1966), *Nederlandse Dialectkunde*, Van Gorcum and Comp., Assen, NED.
4. Van der Gucht, F., De Caluwe, J., Jansen, M. and Van der Sijs, N. (2017), *Atlas van de Nederlandse taal. Editie Vlaanderen*, Lannoo, Tielt, Belgium.
5. Ulyanitskaya, L.A. (2018), "Lexical and grammatical interference in the Flemish version of the Dutch language", Abstract of Can. Sci. (Ling.) dissertation, SPbSEU, SPb, RUS.
6. Dialecten in West-Vlaanderen, *Het Dialectenwoordenboek Brugs*, available at: <http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Brugs> (accessed 15.03.2020).
7. Taeldeman, J. (1999), "Het Gents. Een eiland in het Oost-Vlaamse dialectgebied", *Honderd jaar stadstaal*, Uitgeverij Contact, Amsterdam/Antwerpen, NED, pp. 273–287.

8. Nederlandse en Vlaamse dialecten. *Het Dialectenwoordenboek Antwerps*, available at: <http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Antwerps> (accessed 16.03.2020).
9. Neiryneck, F. (2012), *Gents Zakwoordenboek*, Artus Uitgevers, Antwerpen, NED.
10. Petrenko, G.K., Ul'yanitskaya, L.A. and Shumkov, A.A. (2018), "Phonetic and intonation interference by the example of Flemish dialects", *Philology. Theory and Practice*, vol. 5 (83), iss. 1, pp. 141–147. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.30>.
11. Wanet, F. (2000), *Le bruxellois de poche*, Assimil, Bruxelles, FRA.
12. Vanden Branden, J.-P. (2014), *Regard amoureux sur le parler bruxellois*, La Boîte à Pandore, Bruxelles, FRA.
13. Lefèvre, V. (1871), *Le Marollien, œuvres complètes de Coco Lulu*, Henri Manceaux, Bruxelles, Belgium.
14. Quiévreux, L. (2015), *Dictionnaire du dialecte bruxellois*, Editions des Régionalismes, Cressé, FRA.
15. Bakkes, P., Cromptvoets, H., Notten, J. and Walraven, F., *Spelling 2003 voor de Limburgse dialecten*, available at: <http://www.limburgsedialecten.nl/download/spelling2003.pdf> (accessed 13.03.20).
16. Belemans, R. and Keulen, R. (2004), *Taal in stad en land: Belgisch-Limburgs*, Lannoo, Tielt, NED.
17. Hammarström, H., Forkel, R. and Haspelmath, M., "Limburgan", *Glottolog*, available at: <https://glottolog.org/resource/languoid/id/vlax1238> (accessed 18.01.20).

Information about the authors.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Andrey A. Shumkov – Dr. Sci. (Philology) (2009), Docent (2007), Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, theoretical linguistics, language models, translation studies, language contacts. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>. E-mail: noizen@mail.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
  - электронную копию статьи, подготовленную согласно «Правилам оформления» и «Структуре научной статьи»;
  - отдельный файл для каждого рисунка в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены согласно «Правилам оформления». Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
  - сведения об авторах (на русском и на английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
  - распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
  - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);
  - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 2003.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля – верхнее – 2.75 см, правое и левое 2.25 см, нижнее 2.5 см, верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (например: рис. 1, табл. 3). Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, а).

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

Заголовочная часть:

- УДК (выравнивание по левому краю);
- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора (-ов) полностью. инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);
- место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название статьи;
- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;
  - текст статьи;
  - приложения (при наличии);
  - список литературы (библиографический список);
  - авторская справка.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводится список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- авторская справка.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтут гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко. Составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses.

Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например, «*Обзор литературы*» и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес вашей статьи. Однако, прежде чем выразить благодарность, необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается какая часть работы конкретным автором выполнена при подготовке и написании статьи).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список, который включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов) <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов: (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения об его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru

СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
ПЕРВЫЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ

Гуманитарный факультет объявляет о проведении
18–19 марта 2021 г.

XVII Всероссийской научной конференции
«ИНФОРМАЦИЯ – КОММУНИКАЦИЯ – ОБЩЕСТВО»

Тема ИКО-2021

«Культуросберегающий потенциал в цифровую эпоху»

Работа секций будет осуществляться по следующим тематическим направлениям:

1. Философия будущего и будущее философии.
2. Искусственный интеллект в социальном знании и образовании.
3. Этика профессиональных коммуникаторов в цифровой среде.
4. Роль языка в сохранении национальных культур.
5. Проблемы исторического наследия в современном мире.

Наше кредо

- ✓ Открытость тематики и проблематики конференции любой профессиональной интеллектуальной инициативе.
- ✓ Стремление к совмещению в едином интеллектуальном пространстве различных подходов и позиций.
- ✓ Диалог представителей разных профессиональных научных сфер, школ, направлений.

Место проведения конференции

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Адрес: Россия, Санкт–Петербург, ул. Проф. Попова, д. 5, 5-й ауд. корпус.

Проезд: ст. метро «Петроградская», авт. 128, трол. 31, до остановки «Улица Профессора Попова».

Контакты

Тел./факс: (812) 346–47–83 (доб. 25)

E-mail: ИКО.XXI@gmail.com

Редакторы: *Н. В. Кузнецова, Н. Ю. Меньшенина,
М. И. Попова*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *N. V. Kuznetsova, N. Yu. Men'shenina,
M. I. Popova*
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 25.12.20. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 14,2. Печ. л. 20,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 176.

Signed to print 25.12.20. Sheet size 60 × 84 1/8
Educational-ed. liter. 14,2. Conventional printed sheets 20,0. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 176

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56